

Александр Малиновский

В ПЛЕНУ СВЕТОНОСНОМ

Повесть

Глава 1. На Ледянке

В самом начале прошлого лета мой брат Петр, едва оправившись от тяжелой болезни, предложил съездить на реку Самару. Сам он еще не решался садиться за руль своего автомобиля.

– Соскучился, понимаешь ли, давай махнем!

Брат говорил тихо и просветленно. Он перенес две серьезных операции, и в общем-то я понимал его состояние.

Мы созвонились с однокашником Петра, школьным учителем истории Анатолием Плаксиным, живущим в селе Утевка, и отправились из города Самары в первый же выходной день на свидание с нашей рекой.

Сколько раз в детстве мы рыбачили в этих местах! И какое это было радостное времечко!

...Не спеша, в старинном и самом любимом нашем озере Латинском наловили мы с полведра сорожки и красноперки. Столько же раков начерпали раколовкой, которую забрасывали прямо с берега. И поехали на Ледянку – местечко на реке, где когда-то был большой каменистый мыс.

Место выбрали такое, где речка, выгнувшись подковой, хорошо просматривалась с места нашего привала в обе стороны. Серебряная подкова сверкала под полуденным солнцем завораживающе.

Говорили немного. Все было знакомо и предсказуемо. Слов не требовалось. Угадывались и все наши движения, и взгляды, и жесты.

Домовитый и расторопный мой брат и площадочку в траве хорошо вытоптал, и удобные рогульки для котелка нашел, и сушняк

солидной горкой был сложен в таком количестве, что еще на две ухи хватило бы.

В охотку все делалось.

Тишина стояла такая, что самые громкие звуки исходили из ведра от копошащихся в начинающей нагреваться воде раков. Один из них вдруг вылетел, нам на удивление, из ведра и плюхнулся возле котелка, стоявшего посередине нашего хлебосольного «стола».

— Сроду такого не бывало, — удивился Анатолий.

— Не судьба ему, значитца, — глуховато произнес Петр. — Пойду отпущу — заслужил. — Поднялся, и пошел к обрыву.

Мы с Анатолием невольно переглянулись.

— Воду надо немножко слить, лишнего, — деловито определил Анатолий.

Уже снизу от воды Петр подал голос:

— Смотрите, там от Кунаева ключа по течению кто-то плывет...

Сверху, с обрыва, нам было видней. Кажется, плыли на двух лодках. Мы с Анатолием посмотрели и забыли про них.

Почему-то вспомнился рассказ мамы о том, как отчим и она, взяв меня на руки, ушли из дома, не стерпев попреков отчимовой матери, которая никак не могла смириться с тем, что сын, вернувшийся с войны, привел в дом жену с чужим ребенком.

Им негде было жить, негде ночевать. И они пришли сюда, на Самару.

...— Смотри! Они уплывают! — воскликнул Анатолий.

И точно, двое на резиновых лодках миновали наш крутой бережок и плыли левее по течению уже метрах в ста.

— Эге-ге... ге... эй, станишники! Плывите к нашему шалашу, — зычно прокричал Анатолий.

— Давай, мужики, заруливайте к нашему столу, — не удержался и я, громко присоединившись к Анатолию. — У нас есть чем угостить!

То, что они плыли издалека, видно было по всему. На носу каждой лодки лежало по большому рюкзаку. Да и двигались они очень уверенно, по-спортивному работая веслами без видимых усилий. Зрим был во всем замах на большие расстояния.

Плывший вторым повернул к берегу и причалил. Закрепив лодку на песчаном мыске, пошел неспешно к нам.

подавая руку, чтобы помочь незнакомцу подняться на кручу, я спросил:

— Что же приятель ваш не остановился?

— А он глухой напрочь...

Мы все с удивлением смотрели на своего нечаянного гостя. Худенький и невысокий, тонкое трико с пузырями на коленях, легонькая, выцветшая, белесого цвета майка с рукавами — совсем как подросток.

Он не отказался от ухи. Ел стоя, держа миску странно близко к лицу. Водку пить не стал, резонно сославшись на жару.

— Откуда же вы плывете и куда? — спросил я.

Он ответил буднично:

— От поселка Переволоцкого до города Самары.

— А где этот Переволоцкий? — спросил Петр.

Анатолий, так звали нашего нового знакомого, пояснил:

— Это село в Оренбургской области, расположено недалеко от родника, с которого начинается река Самара.

Мы были ошеломлены.

— Это ж сколько вы проплыли? От самого родника ведь почти,
— удивился Плаксин.

— Поболее четырехсот километров.

— Как же вы решились? — спросил я.

— Да я уже более десятка раз проплывал этим маршрутом, привычное дело.

«Что же это такое? — думал я. — Я с детства об этом мечтал и до сих пор не сумел сделать этого, а он уже сплавал более десятка раз! Наша река дала название огромному, теперь миллионному городу! Сколько раз в день мы, жители этого города, так или иначе повторяем светлое имя — Самара. А много ли знаем о ней?»

Не было бы ничего этого, если бы не ее истоки...

В детстве я делал несколько попыток добраться до ее верховья, но они не осуществились. Уже взрослым я не раз уговаривал подрастающих племянников проплыть по Самаре: заехать к истоку с лодками на машине и — по воле волн... плыви моя ладья! И лодку я деревянную уже было подобрал, и даже дату отплытия определил, и скорость движения рассчитал. Но домашние восстали: «Куда в такую глухомань, а если заболеют ребята, что будешь делать один с ними?». Так и не осуществилась моя затея. Племянники и сын подросли. У них теперь свои заботы. А я так и остался со своей мечтой детства...

— А карта у вас есть? — спросил я гостя упавшим голосом.

— А как же, — охотно ответил Анатолий. — Большая часть Самары протекает по Оренбуржью. Я склеил карты двух областей и получилась карта всей реки. Правда, масштабы разные, но это не так уж важно.

— А на следующее лето куда поплывете? — поинтересовался Петр.

— Мы с ребятами хотим Жигулевской кругосветкой пройти, но и этот маршрут у нас запланирован. Мы все лето плаваем, до октября.

— Возьмете нас? — внезапно для самого себя сказал я.

— Если лодки резиновые есть, возьмем.

— Так просто? — удивился я.

Подошел к машине, достал две своих визитки.

— Анатолий, вот ручка, напишите на одной визитке ваши координаты, а вторую возьмите себе.

— Я не могу четко написать. Пишите вы.

— Почему?

— Я слепой.

— Как так?

— Мы с Борисом, который поплыл дальше, оба инвалиды первой группы по зрению. У каждого из нас около двух процентов... Боря еще и глухой.

Понятно стало, почему он держал столь близко у лица миску, когда ел, и так странно смотрел на собеседника, когда разговаривал.

...Когда он уже возвращался к лодке, Петр поинтересовался вежливо:

— Послушай, Анатолий, а почему ты подплыл и вышел на берег, а? Ведь могли просто накостылять и лодку отобрать.

— Так по голосам же видно, что свои мужики! А раз свои — почему не причалить?

Глава 2. Мое заочное путешествие

Я приехал домой и несколько дней не мог не думать о нашей встрече с Анатолием Березиным на реке. Теперь я постоянно носил в себе возродившееся нестерпимое желание добраться до истока Самары. И сплавиться оттуда до моего села Утевка. «Как же так, два инвалида по зрению, один из них еще и совсем глухой, могут то, что для меня стало почти неосуществимым?»

Я дал себе слово, что обязательно проплыву заветным маршрутом. Пусть даже в одиночку. До лета было еще далеко. И чтобы как-то унять нетерпение, я стал собирать сведения о реке, давшей имя губернскому городу.

Центральная библиотека Самары, областная библиотека в первые же недели дали столько интересного!

Справка из Большой советской энциклопедии:

«Самара, Самарка, река в Оренбургской и Куйбышевской областях РСФСР, левый приток р. Волга. Длин. 594 км, площадь бассейна 46500 км², берет начало на возвышенности Общій Сырт; впадает в Саратовское водохранилище. Питание, в основном, снеговое. Средний расход воды в 236 км от устья 47 м³/сек. Половодье в апреле-начале мая. Замерзает в ноябре-начале декабря, вскрывается в апреле. Главный приток – Большой Кинель (правый). На Самаре города: Сорочинск, Бузулук, в устье – Куйбышев. В бассейне Самары – месторождения нефти».

...Кроме «Самары, Самарки» в области протекает более 200 рек и речек длиной 10 и более километров. Из них наиболее крупные: Большой Черемшан, Сок, Кондурча, Большой Кинель, Чапаевка, Чагра, Большой Иргиз, Уса, Сызрань.

Самара — самый крупный левобережный приток Волги от Камы до Астрахани.

...Оказалось, что и название реки несет в себе тайну. Гидроним «Самара» есть в бассейнах Днепра и Дона. В Крыму — Самаргин и Самарли. Один из притоков Амура тоже называется Самарой. В Приморском крае есть речка Самарга. А название среднеазиатского города Самарканд созвучно с речным гидронимом.

В средневековых источниках, посвященных Средневожью, упоминается и река Самара, и поселение Самара. Тот факт, что когда-то Северное Причерноморье было занято ираноязычными скифами, дает право ученым говорить о том, что имя днепровской Самары по происхождению связана с иранскими языками, как и названия рек Днепр и Дон.

Исходя из того, что Средневожье длительное время входило в состав Золотой Орды, ученые не отвергают возможность связи названия реки с монгольским языком. У монголов нарицательное «самар» используется со значением «орех, ореховый».

В научных статьях отмечается, что Ахмед ибн Фадлан (921 г.) называет реку Самур. А в некоторых иранских языках, с одним из которых были связаны и древние сарматы, некогда обитавшие в самарской части Средневожья, нарицательное «саму» до сих пор используется со значением «бобр, выдра».

На картах Пицигани (1367 г.) и Фра Мауро (1459 г.) обозначен и г. Самар. При этом у Фра Мауро река названа Хой Су (тюркское Хое су — «мутная вода»). Как видим, не только Ахмед ибн Фадлан, но и средневековые карты свидетельствуют о том, что река Самара имела и другие названия.

Наша светлая река словно играет с нами, не желая раскрывать свою тайну. Похоже, в ее светлопесчаной, а вовсе не «мутной» воде скрыта истина, доступная ей одной.

...Доказано, что бассейн Самары был заселен еще в эпоху каменного века (Нурская стоянка). По ее берегам на протяжении многих тысячелетий жили в близком соседстве различные по происхождению племена.

Известно, что с III века до н.э. и до IV века н.э. полными хозяевами Великой степи были сарматы, которые представляли большую силу не только в Волго-Уральском бассейне, но и за его пределами.

В конце IV века н.э. сарматы оказались разгромлены гуннами. Часть сарматов, примкнув к гуннам, пошла с ними в Западную Европу и покорила ее. Оставшиеся в южно-русских степях смешались с другими народами.

В конце VII века в южную часть Среднего Поволжья пришли первые тюркоязычные племена булгар. Тогда же и образовалось государство, средоточием которого сделался город Итиль, лежавший в нижнем течении Волги. Оно вошло в историю под названием Хазарского царства.

В 965 году киевский князь Святослав вступив в упорную борьбу с хазарами, разгромил их. Походом на север по Волге были побеждены и булгары. Как гласят «Летописные отрывки», через реки Самару и Кинель переправлялись дружины князя. В 1006 году там прошли дружины другого князя – Владимира. В 1241 году по нынешним землям Кинеля прошла татаро-монгольская конница

Субэдай-хана. А в 1556 году тем же путем двигались сводные полки Ивана Грозного – на покорение Астраханского царства.

Уже в 1697 году по берегам рек Самары и Кинеля селятся беглые крестьяне, чаще всего старообрядцы. В 1700 году для защиты юго-восточных рубежей города Самары от набегов ногайцев и калмыков в устье реки Большой Кинель, при слиянии с рекой Самарой, на высоком холме под наблюдением уфимского воеводы Александра Сергеева строится Алексеевская крепость. Через шесть лет в крепости была возведена первая в этих краях православная церковь. Потом нашли в окрестностях серу, пригодную для производства пороха, и наладилось пороховое дело.

Вот что пишет профессор СамГУ Петр Серафимович Кабытов:

«Окраинная земледельческая Самарская губерния Европейской России была создана указом Николая I в 1851 году. В нее вошли Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский, Ставропольский, Самарский, Николаевский и Новокузнецкий уезды. Она занимала территорию в 132306 кв. верст, или 136689190 десятин земли на левобережье реки Волги... Свыше 70% территории края приходилось на степные районы Поволжья, куда входили южные части Самарского, Бузулукского, Бугурусланского, а также Николаевский и Новокузнецкий уезды. Центральные и северные уезды находились в лесостепной зоне. Естественной границей между лесостепью и степью была река Самара».

И далее:

«...Высота отдельных горных складов – отрогов Уральского хребта достигает 370 метров. К югу от рек Самары и Иргиза про-

ходит *Общий Сырт*. Он невысок и полог (от 100 до 280 метров над уровнем моря)».

Этот Сырт и дает толчок реке Самаре. Высота его не так уж и велика, но в сочетании со множеством рек и речушек Самара приобретает, особенно весной и в начале лета, завидную силушку.

Я так увлекся поисками, связанными с историей реки, что в моем библиографическом списке оказалось более двух десятков наименований книг и статей.

Не желая утомлять читателя учеными премудростями, постараюсь выбраться из этих зарослей. Но порой попадаются такие интересные факты!

На языках тюркских народов, некогда кочевавших в заволжских степях, «Самара» — степная река. А название города «Самара», по одной из версий, происходит от греческих слов «Samar» — купец, торговец и «Ra» — древнего названия Волги.

Мне больше все же по душе утверждение, что губернский город когда-то, давным-давно, был назван по имени реки нашей — Самары.

С XVI века стали появляться в Самарском крае русские люди.

Порой кажется, что где-то в этом месиве-крошеве, в людском потоке переселенцев, нет-нет да и тускло мелькнут лики моих предков по материнской линии, по линии деда моего Рябцева Ивана Дмитриевича и бабки Аграфены Федоровны Лобачевой. Я нашел в заметках утевского краеведа Данилова, что дед мой (точнее, его предки) могли быть выходцами из Пензенской губернии.

Установлено, что в село Утевка переселялись большей частью из Тамбовской и Смоленской губерний. В Заволжье большой приток

пришельцев был во второй половине XVII века и первой четверти XVIII-го. Переселялись на левобережье реки Самары, гонимые тяжелой жизнью и из Симбирской, Владимирской, Костромской, Воронежской, Тверской, Орловской и других губерний России.

«Колонизация» Заволжья, как и всех окраин тогдашней России имела одну замечательную особенность. Цивилизованные западно-европейские державы вели обычно истребительные войны, очищая от «дикарей» целые континенты. Заселение Заволжья шло мирным путем. Мирное «сожитие» дало особый ход жизни многонационального Заволжья.

Когда-то Л. Н. Гумилев с радостью сказал:

«К счастью для России, в ее истории не было тотального уничтожения слабых народов по принципу расы или идеологии, и этой заслугой предков можно гордиться».

Самарский край был своеобразным плацдармом в освоении Урала и Сибири. Отмена крепостного права усилила волну «колонизации» Поволжья, Урала и Сибири.

В доме моего деда, охотника и рыбака любили Сибирь. Передалось это и нам, его внукам. Очевидно, предки наши, не добравшись до заветной цели переселения, осев в Заволжье, на генном уровне передали нашему поколению свое заветное чувство к Сибири.

Поселение – пристань Самара впервые отмечено на карте Волги венецианских купцов Франческо и Доменико Пицигано.

До наших дней дошло предание, согласно которому святой Алексей, митрополит Московский, наставник и друг преподобного Сергия Радонежского, один из вдохновителей Куликовской битвы,

воспитатель князя Дмитрия Донского, в 1357 году во время плавания по Волге остановился в устье реки Самара и предсказал: «будет воздвигнут тут град великий, в котором просияет благочестие и который никакому разорению подвержен не будет».

В 1586 году по Указу царя Федора Иоанновича начала строиться крепость на Волге, названная Самарским городком, для прикрытия Руси от набегов кочевников и обеспечения водного пути от Казани до Астрахани. Крепость сооружалась на месте нынешней Хлебной площади, на холме. Вначале возводились стены из остро заточенных вверху бревен, сторожевые башни с бойницами – защита от стрел степняков-кочевников. Затем поставили кремль, церковь, приказные и жилые избы, лабазы. В 1688 году крепость Самара была преобразована в город, ставший не только военным форпостом на краю земли русской, но и крупным торговым центром.

Через Самару много раз следовали русские и иноземные посольства. Среди иностранных дипломатов и путешественников были и немец Адам Олеарий, и голландец Корнилий де Бруи, сделавшие самые ранние описания Самары. Олеарию принадлежит и первый рисунок самарского городка.

...Огромно было значение великой русской реки Волги в развитии Самарского края, да и всей России. Волга кормила миллионы.

По Волге пролегал Великий торговый путь, который был известен еще древним грекам.

Но и река Самара издавна работала на процветание Заволжья.

Когда-то на ней располагалось 20 салганов*. И на них были городские бойни. Убой скота производился с начала сентября до

* Салган – заведение, где занимались салотоплением, топкой сала из битых животных, разливкой сала и его продажей.

глубокой осени. Обычно в день забивали до 30–50 голов крупного рогатого скота и тысячи овец. Тушки сразу пускались в обработку, отделялась шкура, мясо, кости. Сало перетапливалось в огромных чанах и сливалось в бочки. Обслуживающий персонал получал в день 4 фунта свежей баранины на 1 человека. Кормили рабочих три раза в день наваристыми щами, пшенной кашей с салом и пшеничным хлебом самых лучших сортов. Работали с 5 утра до 20 вечера. Рабочие салганов считались в городе самыми крепкими, здоровыми мужчинами. Даже во время холерной эпидемии в Самаре в 1870 г. никто из них не заболел.

Главными скотопромышленниками в Самаре были братья Шихобаловы и братья Курлины. Антон, Емельян и Михай Шихобаловы построили на реке Самаре 10 скотобоев. Однако самарского сырья не хватало, и они закупали целые стада у оренбургских и уральских казаков и у киргизов на территории нынешнего Казахстана. Местные купцы скупали сало на ярмарках и базарах в других городах. Регулярно с городских причалов шли баржи на Москву, до отказа груженные бочками. В городе возникает кустарное производство, напрямую связанное с животноводством. Скорняки-калмыки мастерски обрабатывали овечьи шкуры и делали из них замечательные теплые тулупы. А касимовские татары развозили эту продукцию по всей России. Бараньи шкурки здесь назывались мерлушками. Татары установили к восьмидесятым годам XIX века свою полную мерлушковую монополию. За изготовление тулупов они часто платили мерлушковыми лапками. Тулупы из целых овчин за большие деньги продавались в столицах, а сшитые из мерлушковых лапок недорого шли на местные рынки.

Для крестьян, извозчиков, ямщиков зимой мерлушковые тулупы были незаменимой одеждой. А еще ремесленники шили фуражки,

шапки, перчатки, резали ремни, изготавливали кошельки, чемоданы, саквояжи.

Животноводство в губернии процветало недолго. Уже в 90-е годы XIX века в Старый Свет хлынул поток пальмового и кокосового масла, которое оказалось дешевле русского сала. Выгоднее стало выращивать пшеницу твердых сортов, всегда имевшую спрос на мировом рынке. Шихобаловы одними из первых принялись распахивать свои огромные земельные владения.

Животноводство стало второстепенной отраслью хозяйства. В салотопенное и кожевенное дело перестали вкладывать капиталы. Затухла слава самарских мерлушек.

Но бурно развернувшаяся хлебная торговля создала город таким, что впоследствии его называли приволжским Орлеаном.

«...по количеству собираемой пшеницы и вообще хлеба, — писал П. В. Алабин, — по расчету на душу населения, Самарская стоит на первом месте между губерниями империи, а по среднему годовому избытку зерна, поступающему на вывоз за границу — на втором месте».

Самара становится центром хлебной торговли задолго до основания губернии. Были тому обстоятельства и условия. К Самаре, расположенной на главном водном пути, исстари тяготели Бузулковский, Бугурусланский, Бугульминский уезды Оренбургской губернии, Николаевский и Новокузнецкий — Саратовской, Ставропольский — Симбирской, которые и вошли позднее в ее состав. Везли в город хлеб и уральские казаки. Сюда вел возникший много лет назад скотопрогонный Уральский тракт.

Поставка хлеба в Самару до постройки железной дороги велась только гужевым транспортом: с осени до весны. В иные дни сотни подвод выстраивались в очередь, ожидая переправы через Самару. Зимой торговля хлебом разворачивалась прямо на льду реки.

По самой реке, хотя она и брала начало в Оренбуржье, хлеб не подвозили. Только дважды, в 1851 и 1852 годах, по весне спустили несколько барж из Бузулука и Борской крепости. Мельничные плотины, мелководье, большая извилистость мешали судоходству. И дело не пошло.

Но река Самара, как могла, помогала людям. Она вскрывалась на две недели раньше Волги, ледоход короткий – менее трех суток. В верховьях было много плотин. Талые воды через каждую из них спускали постепенно, по мере накопления. Далее, в средней части реки, равнинной и извилистой, течение прибывало лед к берегам, ледоход наблюдался только в устье на протяжении около пяти верст. Если суда зимовали на реке Самаре, их можно было сразу ставить под погрузку. И, как только очищалась от льда сама Волга, отправлять в рейс. Это бывало, как правило, в первой половине апреля, когда верховые суда только спускались к городу Самаре.

А первый хлеб всегда был дороже.

Это преимущество быстро оценили местные купцы. Они успевали сделать за навигацию до Рыбинска на два-три рейса больше, чем другие...

Глава 3. К истокам

С тех пор, как мой внук, приехавший из Москвы, узнал, что я собираюсь сплавиться по Самаре, спокойная жизнь кончилась.

У него роились в голове свои планы.

— А давай... — и он начинал перечислять, что мы должны взять с собой, что сделать...

— Весь в деда, — смеялась жена.

Он даже завел записную книжку для этого. Семилетний возраст, видимо, давал ему полную уверенность, что я непременно возьму его с собой.

— Бинокль, дед, у меня есть, маленький. Я тебе его могу дать. Он раздвигается. Плавать умею.

Или вдруг загорелся:

— Надо тент для лодки сделать. Я знаю, как! И от солнца, и от комарищев! А давай мы возьмем толстую мою тетрадь и все туда запишем, что с нами будет! Каждый день с утра до вечера! Всех, кого увидим, любую букашку — запишем в тетрадь.

— Как же я не догадался? Конечно, надо это сделать.

В конце долгих деликатных переговоров было условлено, что, возможно, сын и внук встретят меня у поселка Красная Самарка, который стоит в четырех километрах от Утевки, и дальше поплывем вместе.

...В начале марта Анатолий Березин позвонил мне и объявил, что пора готовиться к походу. И начались неторопливые сборы, прелесть которых понятна только людям, зараженным сладкими недугами: рыбалкой и охотой.

Оказалось, что моя одноместная самодельная лодка, по мнению Анатолия, не подходит для нашего плавания.

Мы съездили с Анатолием на рынок и, не найдя подходящей, вроде бы, удачно стоворились с одним из местных умельцев. К маю нужная лодка была обещана.

* * *

Поход начался от подъезда моего дома на Волжском проспекте города Самары утром девятого июля. Поочередно заехав за всеми членами нашей команды, основательно загрузили микроавтобус «Газель». Стратегия относительно поклажи и запасов еды была проста: раз уж у нас есть техника и нам не надо добираться поездом — берем все необходимое, разумеется, в разумных пределах, чтобы в походе совершать вылазки в населенные пункты только за водой и хлебом.

Мы отправлялись во вторник, потеряв из моего отпуска субботу, воскресенье и понедельник — и все оттого, что на эти дни пришелся пик известного Грушинского фестиваля. Анатолий должен был быть там. Оказалось, что он один из тех специалистов, которые вот уже около двух десятков лет отвечают за звукорежиссуру.

Потеря этих трех дней была для меня большой досадой, ибо в запасе оставалось всего восемнадцать суток, которые я и так-то еле-еле выкроил для похода.

— Стоит ли держаться за Грушинский, ведь попса одна осталась? — пытался я спасти свои три дня. — Неужели это вам так важно? Да и платят-то поди с гулькин нос...

— А мне память дорога. О Валере и о нас всех. Я ведь Грушина знал, еще когда он занимался у меня в секции туризма. Я вообще-то сказал Борису Кейльману, что, наверное, на следующее лето буду в последний раз на «Грушеньке» заниматься звуком. Через год — тридцатилетие фестиваля. А там посмотрю.

Я встречался с Березиным во время подготовки к походу три раза: когда заказывали лодку и два раза потом, когда ее выкупали в Смышляевке у того самого умельца с рынка, оказавшегося изрядным пьянчужкой.

Когда приехали за лодкой, тот вначале никак не мог признать в нас заказчиков. Но потом, разобравшись что к чему, разводил руками и обезоруживающе невинно бубнил:

— Б-б-бери, земляк, любую, раз так быстро надо, любую... потом разберемся, пынешь...

К концу общения он завалился между двух лодок и пытался вести разговор уже оттуда.

Любая лодка была не нужна, а нашей не было. Через неделю мы должны выезжать, и надо было исправлять ситуацию. В конце концов удалось найти какого-то дальнего его родственника, весьма интеллигентного на вид. Он пообещал лодку отыскать, закончить неделанное и через три дня отдать.

— Вот видите: все устроилось, — говорил мне Анатолий. — Все хорошо, не надо было отдавать аванс — глядишь, и не напился бы. Но он заверил, что надо покупать материал, я и дал ему ваши деньги.

Я кивал согласно головой, лишь только, чтобы Анатолий успокоился, а сам недоумевал: можно ли за три дня сделать хорошую лодку?

Сомнения оказались оправданными. Но это стало очевидным на реке...

...Сидя в «Газели», я приглядывался к своим спутникам. Кореянского, невозмутимого Константина Баруздина пригласил я, зная, что он хороший фотограф.

И Константин с удовольствием согласился: оказалось, что он давний любитель туристских походов.

С двумя остальными я не был знаком. Один из них, Борис, был тот самый глухой и почти слепой спутник Анатолия, с которым мы его видели в первый раз на реке. Другой — Юрий Грачев, худенький и низкорослый, похожий на муравья, с белесой бородкой и голубыми глазами, по словам Анатолия — опытный турист.

— Я взял его еще и потому, что он неплохо видит. Правда, у него прошлым летом был инсульт. Он на инвалидности.

«Ничего себе, — подумалось мне, — команда собралась...»

Водитель Саша попросил у меня еще за неделю до поездки карту, которую я, по примеру Анатолия, склеил из карт Самарской и Оренбургской областей.

Карта получилась красивой. Я обозначил русло реки Самары со всеми ее притоками от истока до устья голубым фломастером, а населенные пункты — светло-желтым. Получалось, что река, как голубая светоносная артерия, объединила огромное количество населенных пунктов. А рядом с ней пролегли железнодорожная (Самара-Оренбург) и автомобильная магистрали.

...Конечно же, водный турист я никакой. Да никогда и не собирался им быть. Когда Анатолий заговорил о предстоящем сплаве, я, привыкший к упорядоченности во всем, что касается командных действий, предложил:

— Очевидно, чтобы было больше порядка, надо выбрать старшего.

Анатолий ответил сразу и категорично:

— Я подбираю команду. Я — самый опытный среди вас и есть старший.

Это меня и удивило, и порадовало. «Командор, — отметил я про себя».

* * *

В свои пятьдесят с лишним лет я побывал в пятнадцати странах мира. В одни города и страны меня заносило из любопытства, в другие — по служебной надобности. И каждая поездка давала повод для размышлений на самые неожиданные темы. Не обходилось и без приключений.

...Желая почувствовать то, что творится с нашими русскими при игре в рулетку, помня страсть к этой игре Федора Михайловича Достоевского, еще пятнадцать лет назад в игорных домах Монте-Карло я наблюдал несколько раз игроков. И сам пытался играть, но удовольствия получил не больше, а может, и меньше, чем от игры в волейбол под палящим солнцем на берегу океана на пляжах Рио-де-Жанейро с местными бразильскими парнями.

Правда, итог той игры на пляже был грустный: нас обокрали. Мы с приятелем остались в одних шортах и почти без денег...

...В Милане, в гостинице на прикроватной тумбочке, забыл я подаренный мне Василием Ивановичем Беловым с дарственной надписью томик его «Вологодских бухтин». Я иногда фантазировал: что бы сказал Кузьма Иванович Барахвостов, будучи со мной в Милане? Что дало бы в этом случае вечное противостояние между городом и человеком, да еще таким, как Барахвостов?!

Восхитился бы он городом известных бессмертных памятников? Подметил бы длинные водостоки крыши церкви св. Амброзио, и высокие шпили Дуомо, гордости не только Ломбардии, но и всей Италии?..

Он бы, наверное, увидел то, чего я не заметил...

Какими бы они, Барахвостов и другой герой Василия Белова – Иван Африканович, стояли перед Тайной Вечерей великого Леонардо?

...В каких бы заповедных залах я ни был, всегда хотелось после них попасть в свободный поток вершившейся сиюминутно жизни. Туда, где человек предоставлен сам себе, где живет не по этикету, а как хочет и может. Тянуло под открытое небо. И мне несколько раз удавалось это сделать.

Так было, когда мы плавали с компанией парижан по реке Сене мимо Лувра, собора Парижской Богоматери. Нечто похожее было и во время путешествия по немецкой реке Изар на нашем, искусно и прочно сработанном из сосновых золотистых бревен плоту, в кругу шумливых немцев, как осы облепивших бочку с баварским пивом...

...Я поражен был, увидев в Германии почти такие же, как на моей родине, березы. Долго ходил вокруг них, недоумевая: почему они здесь, ведь березы должны быть только у нас, в России?

...И в нью-йоркском пригороде Блумфельде я тоже обнаружил в небольшом парке три березы. Они несколько отличались от наших. Американцы зовут свои березы «серебристыми». Наши березы — белые. На самом деле они одинаковые.

Эти неупорядоченные воспоминания во мне сидят прочно. Я даже собирался их подробно записать. Но все они меркнут перед встречами и впечатлениями, которые были у меня во время путешествия по реке в лесостепной и степной моей Самарской стороне.

Глава 4. У истоков

Слева от моста через Самару на станции «Переволоцкое» мне приглянулось местечко, где захотелось остановиться. Ширина быстрого мутно-желтого потока – метров пять-шесть. Берега высокие, обрывистые, местами до трех метров. Течение норовистое, русло извилистое. Не река, а ручей, но мощный, как крепко и надежно скрученный жгут. Этот жгут так своеволен, что может и свернуться, и расправиться неожиданно, подчиняясь своим, только ему понятным желаниям.

Река-ручей, насколько вверх и вниз доставал глаз, укрыта была зарослями. Клен, ветла, ольха, осинник надежно прятали животворный поток от палящего солнца. Лесная полоса, извивавшаяся на всем протяжении нашего семичасового пути вдоль реки с обеих сторон ее, четко обозначала речной путь, уходивший за нашими спинами в северо-западном направлении, к Волге. «Но не на север стремится река, а вместе с Волгой – на юг. Не оттого ли она так изначально смугла и темпераментна», – подумал я.

Мы вышли из автобуса. Прошли чуть вверх по течению метров тридцать и увидели внизу, у воды, в конце тропинки, извиристо спустившейся с травянистого высокого берега рыбака. В ногах у него – три поплавочные неказистые удочки из тальника длиной всего метра по два. Поплавки – из ветловой коры.

Самара, извиваясь, делала до и после этого укромного местечка резкие повороты. Вода пенится, течение стремительное, быстрое, а он у маленькой завадинки, у омутка, спокойно сидит себе, покуривает.

— Как рыбалка? — спросил я и, спохватившись, добавил: —
Добрый вечер.

Старик повернул бородатое, темное от степного солнца лицо с
детскими синими чистыми глазами.

— Только пришел. Вон, одного поймал.

— Посмотрю?

— Смотри, коль охота.

В холщовом мешочке, надетом ручками на коряжину в воде у
его ног, оказался желтый карась граммов на триста, не менее.
Он затрепыхался, когда я приподнял мешочек, смешно чмокая гу-
бами.

Я был удивлен. Караси обычно водятся в озерах. На Самарке
карасей мы использовали в качестве наживы. А ловили их в водо-
емах со стоячей водой.

Я высказал свое недоумение вслух.

Старик отозвался:

— У нас тут так. Мой свояк вчера, вон повыше, где плотинка
есть и воды поболее, поймал утром двадцать таких, не вру. Там
вода теплее.

Я взял карася в руки. Опасаясь, что упругий красавец вмиг
может спружинить и оказаться в воде, я повернулся спиной к
речке, и солнце осветило это неожиданное чудо. Красные его пе-
рья и золотая чешуя, покрывающая крепкое тело, заиграли в лу-
чах летнего солнышка. Я приподнял карася над головой, показы-
вая его своим спутникам, стоящим наверху.

— Ребята, это же золотой приз за нашу решимость сплавиться
именно отсюда, где так узко!

Мои спутники заулыбались.

Когда осторожно положил рыбу в мешок, спросил:

— На червя берет?

— Не-е, на хлеб, и только на белый.

Я спрашивал, желая продолжения разговора, о рыбалке, хотя и понимал, что рыбаку это помеха. Какое ему дело, что мы соскучились. Мало ли всяких чудаков. Но он приветливо отзывался. И его замечательный улов, и добродушие показались хорошим знаком.

Река увиделась тут домашней и своей, только в несколько раз меньше, чем я ее знал. Она была похожа на подростка. Это было непривычно.

Тут я и пожалел, что внук мой Саша не с нами.

— В первый раз видишь такого?

Я повернул голову — старик смотрел снисходительно.

— Да нет... — ответил я.

Спустился к воде и Анатолий, потрогал ладонью карася.

— Хорошая добыча.

— И то, — согласился старик.

Анатолий сходу начал:

— Помните, как говорил Аркадий Райкин: эпоха была жуткая, время мерзопакостное, но рыбка в Каме водилась! Так, кажется. Это и про Самарку тоже. Вот мы с Борисом, вернее, он, два года назад под Тоцком во время сплава поймали щуку на блесну, ну, небольшую, кэгэ на два. Потрошить стали — нашли зажигалку. Помыли, посушили — работает нормально. С бензином была.

— Сказки рассказываешь, — сказал рыбачок и засмеялся.

— Нет, — роясь в карманах, отвечал Командор. — Она у меня с собой, вот только, наверное, в рюкзаке лежит. Теперь постоянно в походах при мне.

Старик больше не реагировал на слова Березина, а тот продолжал:

— А в другой раз в полутораметровой щуке, пойманной на Сорочинском водохранилище, в брюхе обнаружили полуметровую.

— Ну, эт-т бывает, эт-т сколько разов, — тихо согласился старик, не оборачиваясь. После добавил: — Вам выше по течению забираться не надо. Там плыть нельзя — сплошные завалы.

Мы почувствовали, что рыбачку все-таки мешаем, и пошли к машине.

— Старик прав, мы так далеко забрались, я ни разу отсюда не сплавлялся — всегда сплошные коряжины были, — подтвердил Березин.

К «Газели» подъехал на бойком, низкорослом кауром меринке калмыковатый всадник-пастух и тут же, узнав, что мы собираемся сплавляться, вызвался показать родник, чтобы сделать запас воды.

Попрощались с водителем Сашей и вскоре его беленькая машина, мелькая в осиннике и высокой траве, скрылась из глаз.

Мы начали распределять багаж, натягивать самодельные тенты на лодки, чтобы утром отчалить.

Но место было, как нам показалось, не очень уютное: заросли кустарника, высокая трава на берегу речки, крутые подходы к воде. Хотелось ночевать так, чтоб был рядом речной песочек,

плес и поменьше комаров. Чтобы была не духота, а легкий ветерок на просторе.

Когда лодки оказались вполне готовыми, я предложил начать сплав.

— Всего девять вечера, часа два можно плыть, за это время выберем хорошее место для стоянки. Да и опробуем лодки...

...Хотя мы и забрались далеко в верховье реки, но все же значительная часть Оренбуржья — около пятидесяти километров от села Переволоцкое до Кариновки — к сожалению, оставалась за нашими спинами. Там-то, у Кариновки, на равнине и начинается река Самара...

Мы дали себе слово, что на следующее лето обязательно побываем у истока нашей реки.

За спиной оказались и единственный в России Заповедник Степи, и соленое озеро Развал, по концентрации солей идентичное Мертвому морю в Палестине, и многое другое...

* * *

Едва мы оттолкнулись от заросшего густой высокой травой и камышом берега, быстрый поток подхватил наши лодки. Грести веслами нельзя — не успеваешь принаравливаться, ибо своенравный пенящийся поток крутит лодки. Пытаешься веслами бессистемно выправить движение, но бесполезно. Нависшие деревья и кустарники хватают ветвями лодку, плечи, голову. В воде много коряг. Меняющаяся глубина: от «по колена» до полутора-двух метров. Водовороты играют с лодкой, как с оброненным птичьим пером.

Раздался хлопок — лопнула перегородка у моей лодки. Невольно вспомнился умелец-пьянчужка.

Но это не остановило. Хотелось плыть!

Мы прошли два завала.

Первый завал Константин, стоя по пояс в воде, прорубил топором. Три осины толщиной у комеля сантиметров по тридцать, обрубив сучки, мы прижали к берегам и закрепили свисавшими к воде ветками. Другой разобрали, выбравшись на берег и сплавив застрявшие бревна длинными кольями.

Непривычно видеть такое на реке: у завалов греются на солнце огромные листья белой кувшинки. Между ними проглядывают яркие звезды цветков. Такое у нас в Заволжье бывает только на озерах. В жаркую погоду кувшинки обычно широко раскрыты, а вечером плотно смыкаются. Так растение бережет тепло.

А рядышком его скромная сестра — желтая кубышка. И надо всем этим по берегу — частые султанчики рогоза...

Третий завал, имевший проход с метр шириной, мы прошли, не выходя из лодок, но на таком же, четвертом, лодку нашего Командора проткнула коряга.

Одна секция лодки «стравила» — часть продуктов ушла под воду, часть удалось спасти, но все намокло.

Выбрались на берег.

Неутомимый Константин, вернувшись из разведки, сообщил, что впереди метрах в пятидесяти от нас — еще два завала.

— Там такие коряги нанесло, что их сразу не разобрать, лучше обойти по берегу.

Уже втроем – Командор, Константин и я – обследовали ближайший завал.

– Была бы лебедочка, все бы растащили, – убежденно говорил Командор. – Зря не взяли.

Было уже совсем темно.

Решили сделать привал. Вытащили лодки на берег. Место оказалось заросшим густой, высокой травой с несметным количеством комаров. Стоянка оказалась такой же неудачной, как та, от которой уплыли, если не хуже.

Помогая Командору вытаскивать лодку и мокрые вещи, Константин недоумевал:

– Анатолий, в чем дело, коряга, которая пропорола вашу лодку, торчала посередине на самом виду, да еще она белая, как сабля? Можно было увернуться.

Командор молчал.

Только потом в сторонке Юрий вполголоса пояснил:

– Они же оба с Борисом в сумерках совсем ничего не видят. Все на ощупь да по догадкам.

Пока вытаскивали лодки, наспех разбирали поклажу, готовили ночлег, наступила полночь. Костер мы все-таки развели и отметили начало сплава спиртом с какими-то непонятными по вкусу, но весьма полезными, по заверению Юры, добавками из его алюминиевой битой баклажки. И легли спать.

Я и Борис устроились в своих палатках, остальные – в лодках. Как я ни уговаривал, Командор улегся в лодке. Хотя он ее и основательно протер, но она все же была влажной. Переубедить

его было невозможно. Свои привычки, как мы уже поняли, он менял редко.

...Не спалось. Будто «заплыл» в детство.

Вышел из палатки, вернее, выполз – палатка настолько миниатюрна, что вход, закрывающийся на молнию, высотой не более полуметра.

Под комариный гул, раздевшись догола, выкупался в парной водице. То стоя по колени в воде, то падая в ямы по самый подбородок, смотрел на небо, отяжелевшее от огромных звезд. Было во всем, что происходило, что-то древнее, дремучее. Возвращение блудного сына, уставшего от многолюдья в больших городах.

Мелькало в памяти совсем недавно прочитанное и в суете, вроде, забытое:

*Недаром в потаенной глубине,
И вовсе не по прихоти искусства,
Живут непредсказуемо во мне
Забытые языческие чувства.*

«Мы забыли, кто мы. Нам помогают забыть, кто мы. Мы оторвались от природы. Человека зомбируют, скоро будут, пожалуй, и клонировать... В человеке разжигают страсти, – думал я, путаясь в мыслях. – А где страсть – там разрыв. Страсти не соединяют людей. Где страсть – там нет свободы. Сейчас в стране – разгул именно страстей, разгул темной силы, дьявольски срежиссированный кем-то...»

...Дурманил запах невидимых глазу цветов и трав.

Все пытался отогнать тяжелые мысли, внезапно пришедшие при купании. Хотелось, чтобы было все, как в детстве. Вот ведь все

рядом: речка, бесконечная степь, запахи цветов и трав. Что еще надо?..

«Ведь и раньше, в моем детстве, темные силы были, да еще какие. Именно тогда, когда я был маленьким, они и родились. Или еще раньше. Они были всегда. Только мы в детстве не знали это так, как знаем сейчас. Мы просто жили, и все. И мои родители, и родители моих сверстников, в большинстве неграмотные, они не знали так, как мы это сейчас знаем. И жили себе, как могли, радуясь жизни...»

Жили радостней, жили коллективней, а теперь начинаем не понимать самих себя.

«Современный коллективизм — это последний барьер, который возводится человеком на пути встречи с самим собой», — утверждал еще пятьдесят лет назад Мартин Бубер.

Неужто действительно так?

Уединение лечит, когда самыми тяжкими формами одиночества страдают те, кто находится среди людей?

Может, для сохранения здоровой психики необходимо чередовать общение с себе подобными и погружение в себя. Но как это сделать в наше-то время?.. Может, так, как я сейчас, вырвавшись к своей речке?.. Как мне повезло с моим походом...»

...Под утро странный звук — металлический и резкий вначале, потом рыхлеющий, но быстро усиливающийся и разрастающийся вширь неимоверно, надвигался на мою палатку. Я лежал, пытаюсь понять, что происходит: откуда этот звук? Похоже, он принадлежал огромному механизму, который вот-вот подомнет меня под себя. В какой-то момент показалось, что это отдаленно похоже на

звук проходящего мимо поезда. Но почему он так упрямо идет на палатку?

А что, если не выскочу? Не будет ли это непростительной оплошностью, которую потом ничем не объяснить и которая будет стоить мне слишком дорого?

Я рванул «молнию» и раскрыл выход.

В тот момент, когда я оказался снаружи, звук значительно стих, но был все же силен. Конечно же, это звук от проходившего где-то в двух-трех километрах от речки поезда. Но почему он был все-таки таким устрашающе громким, бесформенным и будоражаще близким?

Я огляделся. Туман и роса невероятные. Палатка снаружи вся мокрая.

Все вокруг: уходящая от меня, от речки в сторону железной дороги степь-матушка, сама речка в трех десятках метров, вытянувшийся влево-вправо лесок вдоль нее — все тонуло в тумане. Все было размыто в белесо-сине-зеленом. Такого я никогда прежде не видел. И солнце показалось из-за леса, словно выплавок-яйцо, снесенное без скорлупы.

Утренний туман, низина и намокшая палатка, очевидно, создавали такой звуковой эффект.

Потом все подтвердили, что вскакивали ночью от странного шума. Все, кроме глухого Бориса.

Я вновь залез в свою палатку. Там уже хозяйничали с десятков комаров. Они и определили мой дальнейший суматошный сон.

Разбудил меня крик перепела — настоящей птички-степнячки: «Встать пора... встать пора!..»

Я нашарил в изголовье фонарик-«жучок». Посветил на часы — было четверть седьмого. Встал, как велела птичка, вернее, вывалился из палатки. Туман стал реже, но было очень зябко. Дождь затих. Трава отяжелела от росы.

Осторожно пошел в направлении островка густого ковыля, откуда доносился голос птицы. В сладострастном томлении вождельно вел свою звучную, чистую, мелодию невидимый мне в траве перепел.

— ...Встать пора... встать пора... — призывно продолжало звучать в утреннем вольном воздухе под открытым утренним небом.

Вожделение, с которым перепел призывал к себе подружку свою, было и во всем окружающем. Слоистый туман, разнеживший ковыльную равнину, ложбинка слева, собравшая в себя отяжелевший увлажненный синеватый воздух, древесная, зримая, волнующая плоть раскидистых ветел и стройных осокорей, чуть поодаль от них трогательно-трепетные, белоствольные, будто нагие березки — все было открыто по-утреннему чувственному приятию продолжения жизни. Все желало оставить себя в потомстве... в жизни... в вечности...

Я знал с детства, что перепела любят скрытно держаться в траве. Летают редко — им лучше убежать в траву, поэтому-то не очень ожидал увидеть птицу. А хотелось. Я боялся, что могу наступить на гнездо в высокой траве, поэтому шел медленно, ожидая каждый момент внезапного резкого вертикального взлета птицы, так она обычно делает в момент явной опасности.

Мне показалось, что я видел что-то, мелькнувшее в траве. Комочек охристо-буроватой окраски скрылся быстро и бесшумно.

— У меня в детстве дядька охотился на перепелов, он в Курской области жил. Их и разводят дома. Некоторые — для пения, другие — из-за очень полезных перепелиных яиц. Они очень сильно влияют на умственное развитие детей, — проговорил Юрий.

— Тебя, Юра, в детстве такими яичками кормили, да? — не удержался Костя: уж очень удобный момент для шутки.

— Ага, — согласился Юра. — Кстати, тебе за сорок, имей в виду: содержимое перепелиных яиц способствует оздоровлению и улучшению работы предстательной железы, лечит импотенцию, а также сердце, печень, почки, поджелудочную железу.

— Жалко птичку, — отозвался Константин. — Птичка поет, а вам бы лишь съесть чего-либо. Желудочки вы, а не лирики.

Они еще что-то для разминки, видимо, слежавшихся за ночь мозгов говорили друг другу, но я уже не слушал их. Вернувшись в палатку, пытался разобраться в своих вещах. Вспоминать, в каком рюкзаке что лежит, в первый день похода было непросто.

Глава 5. Завалы, завалы...

Когда собрались все вместе у костерка, возник вопрос: как поступить? Ждать солнца, сушиться и сплавляться по воде дальше, прорубая завалы, или обходить их по суше?

Пока грелся чай, мы с Константином пошли посмотреть обнаруженные впереди завалы. Они оказались настолько мощными, что было очевидно: рубить их — только терять время.

Лесины лежали поперек речки. Четыре штуки, и каждая не менее тридцати-сорока сантиметров толщиной, кроме того, такое нагромождение веток и коряг, что разбирать их в воде пришлось бы очень долго.

— Смотри, это же все искусственное, — воскликнул Константин. — Смотри, что они вытворяют!

Он показывал на три пенька, белеющих в кустарнике, откуда упали большущие осины.

Они торчали из земли, как заточенные толстые карандаши, а рядом — комли осин, образующих завал. И они с конца имели форму заточенного карандаша. Будто кто-то громадной точилкой прошелся или обрезал на конус на огромном токарном станке.

— Бобры, — высказал Константин вслух очевидное.

— Да, бобры, — согласился я.

И как искусно все сработано! Деревья уложены одно к одному поперек реки. Осина, которая повалена с противоположного берега, тоже лежит аккуратно, как и эти — поперек русла.

— Мы их не перебором, — произнес Константин. — Их тут, наверное, тьма, а нас — только пятеро. И на всех — два топора.

Было ясно: пока русло Самары значительно меньше в поперечнике, чем высота деревьев, растущих вдоль реки, запруды будут нам преградой.

После такого нехитрого вывода стало ясно, что мы забрались действительно чересчур далеко в верховья и нормальный сплав будет, когда речка вырвется из бобровых владений.

...У следующего завала мы увидели этих диковинных и умных зверей. По всем признакам, они занимались строительством запруды. Близко подойти не удалось. Заслышав шум наших шагов, они не спеша ушли под воду, и нам оставалось только рассматривать плоды их усердной работы — массивную запруду из таких же осин в основе, как и в предыдущем завале.

На берегу обнаружили кучи сушняка, холмики из земли и песка. Было ясно, что все это дело лап и зубов наших новых знакомых.

Позже, после похода, я с интересом читал все, что смог найти о бобрах.

У поваленного дерева они отгрызают ветки и разделяют на части. Одни ветки поедают на месте, а другие сносят и сплавляют по воде к жилищу или к месту строительства плотины. Дерево диаметром 10-12 сантиметров бобр валит и разделяет за одну ночь, так что к утру на месте работы зверька остается лишь пенек и куча характерных стружек.

...После второго завала, пройдя с Константином по суше метров пятьсот, мы обнаружили еще три подобных запруды и решили вернуться на стоянку.

После нашего доклада Командор определил:

— Надо искать грузовик в селах, грузиться и ехать до Гамалеевки, после этого поселка точно завалов нет. Мы слишком далеко забрались.

Решили, что искать машину отправимся мы с Константином.

Солнце уже пригревало ощутимо. Договорились, что в наше отсутствие они втроем подсушат вещи, вынесут их на опушку леса и будут дожидаться нас.

Мы переоделись в сухое, попили чаю с печеньем и отправились в путь.

И степь-матушка приняла нас. Растворила в себе.

Я постоянно оглядывался назад, в ту сторону, где была река, где остались наши спутники. Все старался зафиксировать взглядом какую-либо приметку, по которой можно было бы определить на обратном пути, где наши товарищи. Но взгляду не за что было зацепиться: однообразная волнистая поверхность была вокруг.

А за рекой поднимались довольно высокие холмы, по ним змейками тянулись лесные полосы.

Напротив того места, где был наш первый привал и которое я уже еле угадывал, но за рекой холмистая местность прерывалась, образуя среди леса низкую пролысину. Это место я и взял на приметку.

Кругом пестрело от разнотравья. Все перемешалось: красноватый ковыль, тысячелистник, полынь, василек, шалфей.

Здравствуйте, давние знакомые! Цветы заывают остановиться, приглядеться, принюхаться к каждому. Настой запахов таков, что порой невозможно выделить какой-либо.

— А вон пижма, рядом медуница, Иван-чай, чертополох, подорожник, дикая мальва, татарник, — перечислял Константин.

Песня цветов чудесным образом была разлита вокруг нас, и тихий восторг переполнял душу.

Вокруг, словно в далеком детстве, искрился мир, полный новизны открытий, света и теплыни... Не хватало рядом только деду, мамы, сестренки... И еще я все искал глазами где-либо свои особо любимые цветы – желтенькие, беленькие, фиолетовые колокольчики. Но этих милых спутников моего детства не было. Не их время – лето уже в разгаре.

Мой спутник опускается в благоухающее царство, стоит на коленях. Над ним, около него трепыхаются разноцветные бабочки.

– На, – протягивает мне фотоаппарат. – Щелкни пару раз, пожалуйста.

Он сидит в траве, похожий на большую древнюю, давно исчезнувшую птицу и вот в этой сказке вновь объявившуюся, и удивляется тому, что все реально, как раньше. Все, как в былом. И нету этому миру и этому цветению конца и края. Все вечно и остается навсегда. Нас не будет, наших потомков не будет, а это чудо – степь-матушка русская будет вечно!

А может ли так думать человек-птица, сидящая передо мною в этом райском уголке?

– Может, может, – говорю вслух, и Константин глядит на меня, недоумевая: я говорю сам с собой в этом благоуханьи воздуха и света.

Пожалуй, впервые тогда, как нигде, я благоговейно ощущал божественность мира...

...Мы отделились от реки, наверное, уже километров на пять, поднимаясь все выше и выше. Открывшаяся перед нами степь не давала оторваться взгляду.

...Этот край заселяли смелые люди. Открытые пространства, снега и лютые морозы зимой, суховеи летом, набеги ордынцев – все требовало характеров твердых и решительных.

Еще до нашего похода я прочитал у Бажанова в книге «Вольный город пионеров Дикого поля», что многочисленные стада сайгаков, диких лошадей, а позже и одичавших лошадей домашних пород поселенцы отстреливали порой не только ради мяса, но и для защиты посевов хлеба. В пойме Волги, Иргиза, Самары, Сока и других рек водилось множество водоплавающей дичи: несколько видов уток, гуси, даже пеликаны и розовые фламинго. В степи стреляли стрепетов, журавлей, перепелов. А «русского страуса» – дрофу, чье мясо высоко ценилось, пытались даже одомашнить.

Теперь этот край был перед нами.

...Сказочный, космический по своим масштабам пейзаж. Остро ощущаешь себя малой частичкой огромного, сотворенного Богом на радость мира. Благодатно на душе.

Для русской духовности горы, видимо, не самая родная стихия. У русской души неутолимая, связанная с желанием обрести покой, тяга к степному простору...

Мы вышли тогда на крепко утоптанную, песчаную дорогу с двумя машинными колеями и муравой посередине.

Брели по ней около часа и оказались у очистных сооружений села Переволоцкое. Вскоре мы уже пили чай в комнатке дежурного насосной станции.

Наш новый знакомый Володя, узнав, кто мы, охотно пообещал нас отвезти до Гамалеевки на бортовом «братнином» КамАЗе. Но надо узнать: дома ли жена брата, у которой ключи от машины

(брат приболел, лежит в больнице). И, пока Владимир нас будет возить, надо было, чтобы кто-то его подменил.

— Скоро приедет начальство, я как-нибудь улажу это дело.

Отсутствовал он недолго. Вернувшись, сказал, что все складывается удачно.

Мы покинули помещение и присели в тенечке на крылечке. Марило так, что хотелось лечь и не двигаться. Стоял полдень. Большой двор с разбегающимися полукругом свежими валками скошенной травы залит солнечным светом. Над головой висит, словно на невидимой нитке, пустельга. Праздно у стены стоит коса с поблескивающим металлическим черенком и приваренной подковой вместо окосива.

— Да, такой косой много не накопишь, — говорю я.

— Дак нам много и не надо, — весело отзывается Владимир. — Начальство вот определило нам кулигу, — он махнул рукой в сторону валков, — и — хорош... «А струмент сами гоношите», — так приказано. Оно, начальство, у нас молодое, да строгое, увидите.

Попробовал покосить, вспомнив всегдашнюю легкую радость, которую испытывал вначале косьбы, держа в руках отцовскую легкую, выверенно насаженную, с ловким, вязовым окосивом, косу.

«Струмент», конечно, был не тот. Быстро уступил его Константину. Пошел в помещение конторы посмотреть, где приютилась ласточка, которая бесстрашно сновала над нашими головами.

Ласточкино гнездо прилепилось в раздевалке, в углу под потолком, прямо над шкафами. Чтобы попасть сюда, ей приходилось пролетать по узкому коридору метров десять. Отчаянная.

Когда я вышел во двор, Владимир рассказывал Константину, как он ловит сазанов в Самаре.

— Это вы зря не ловите, особенно ночью...

— Ну да. Мы вчера вечером одурели от комаров...

— Это да, — согласился рассказчик. — Но надо в штанах и рубашке, одетому. Так и рыбу собирать лучше.

— Чем ловить-то одному ночью? — интересуюсь я.

— А вот! — Он растопыривает пальцы обеих рук. — Ручками!

— Чудно! — недоверчиво восклицает Константин.

— Ага, чудно, — соглашается Владимир. — Но результат! Вот смотрите!

Он оттягивает тугую резинку и закатывает штанину, оголив ногу выше колена. От самой ступни она вся в ссадинах и порезах.

— Это они — сазаны, я их кладу в шаровары, больше некуда, когда ловлю.

— Ловишь-то как? — не выдерживает Константин.

— Ну как, сказал же: руками. В коряжках стоят. Надо замереть. Они к тебе привыкают, как к дереву. Потом — хоп, ладошками ко дну прижимаешь — и все!

— Ширина-то речки всего пять метров! — говорю я.

— А где ж ее шире взять-то? Какая есть. Это у вас там Каспийское море.

...Приехавшее начальство — молодой крепкий парень — оказалось редкостно строгим.

Не вступая ни в какие переговоры, поигрывая внушительной связкой ключей, оно потребовало немедленно «очистить территорию».

– Наверное, освободить, – попытался уточнить Константин.

– Как хотите, а чтобы вас не было здесь, посторонних! А тебя, Владимир Иванович, накажу. Везде норовишь на свой карман заработать...

– Игорь Петрович, нехорошо. Они люди не просто так. Они аж в Самару плывут, смекаешь?..

– Накажу!..

Чтобы хоть как-то отвести угрозу от Владимира, потихоньку «очистили» территорию. Двухчасовое ожидание оказалось напрасным.

...Машину, бортовой ЗИЛ, нашли только около трех часов пополудни. Владелец ее, подрабатывающий частным извозом, долго не соглашался, пытая нас, кто мы такие и куда плывем?

– Чудно, конечно! – делал он вывод. – Просто так три недели ничего не делать?

«И впрямь, – соглашался я мысленно. – Со стороны мы кажемся странными и подозрительными». Константин – дремучий на вид, огромная, черная, прямо-таки смоляная борода. Напугать любого можно. Очевидно, водитель оттого так долго и не соглашался ехать. Да и мой видок – тоже... Большая с широкими полями пятнистая шляпа, тельняшка и цветастый платок, схваченный узлом на шее. Прямо-таки персонажи «Острова сокровищ».

В конце концов за пятьсот рублей мы стоворились.

Глава 6. Характеры

...О нашем Командоре Анатолии Григорьевиче Березине, может, лучше не рассказывать, а привести отрывки из небольшой статьи в самарской газете «Свежий ветер» – «Самарский «левша» с душой романтика».

«...Кто он и кто его родители? Как случилось, что детский дом чуть ли не с самого рождения стал для него родным домом? – эти вопросы волновали Анатолия с тех самых пор, как он научился самостоятельно мыслить. Воспитатели рассказали ему, что в Новозыбковский детдом Брянской области его сдали в шестимесячном возрасте. В 1941 году детдом эвакуировали в Оренбург. Состав, в котором везли раненых солдат и детей, разбомбили, только процентов десять пассажиров в живых и осталось.

Толю нашли после бомбежки полумертвым. Тело мальчика, во многих местах изрешеченное осколками снарядов, еле подавало признаки жизни. И все-таки его выходили...

Закончив школу и выйдя из стен Оренбургского детдома, Анатолий поступил на завод рабочим. В свободное время увлекался фотографией. Однажды он принял участие в кинофотоконкурсе и победил!

Наградой стала рекомендация во ВГИК. Не мечтавший об этом престижном вузе и никогда о нем не слышавший Анатолий, тем не менее, поступил в него. Успешно закончил, получив специальность оператора-документалиста...

...И опять заболел. Настолько серьезно, что брянские врачи отказались его лечить. Анатолий совсем перестал ходить. Из-за атрофии зрительного нерва все хуже и хуже видел...

Но он не собирался сдаваться. Добился направления в госпиталь имени Бурденко. Там, просветив рентгеновскими лучами позвоночник Анатолия, медики обнаружили в нем три осколка от фашистских снарядов.

Он перенес две операции, из его позвоночника хирурги извлекли два осколка. С третьим Анатолий живет до сих пор.

Пока он лечился, от него ушла жена. Инвалид ей был не нужен.

Давно уже Анатолий, вняв рекомендациям столичных врачей, верящих в целительность средневожского климата, возвратился в Самару. Он, слава Богу, ходит сам. И ходит безо всяких там костылей. Вот только ничего почти не видит. Но Анатолий не одинок. У него есть друзья. И жена (нашлась-таки женщина, не побоявшаяся его инвалидности!). Да это и неудивительно. Ведь в чем-то Анатолию Григорьевичу могут позавидовать молодые и здоровые. Он, например, не пропустил ни одного Грушинского фестиваля.

...Много лет занимается изобретательством. На областной выставке «Левша», проводившейся в «Экспо-Волге», он был удостоен диплома и ценного подарка. Жюри отметило высокий профессиональный уровень представленных им изделий. Его приборы заинтересовали тогда многих. Например, мини-примус «Шмель», который работает на любом виде топлива».

...У меня хранятся записи из дневника Анатолия, сделанные одним из его товарищей после сплава «на резине» в 1999 году.

Они хорошо характеризуют и самого Анатолия, и его верного спутника Бориса, которого мы в течение всего нашего сплава

звали Пятницей. Он не обижался, только неопределенно улыбкунул-ся, когда мы ему об этом в первый же день написали на его рыжей коробке.

...Когда смотришь на Бориса, невольно вспоминается Николай Гумилев:

*В чашах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубках мохнатых и темных
Странные есть мужики.*

Борис – из «странных». Он мало говорит. Если начинает разговор, то делает это так, как будто рассуждает сам с собой. Очевидно, ему так легче, он не слышит, что говорят в это время окружающие, не знает ответов.

В микроавтобусе он всю дорогу молчал. Темные очки скрывали глаза. В очках он похож на сову или филина. Мудрого и древнего.

Анатолий и Борис познакомились в клинике Бурденко. Борису пятьдесят лет. Зрение и слух потерял в детстве от взрыва найденного с друзьями снаряда. У него и левая рука повреждена.

Жена – слепая с детства. Полностью оглох Борис пять лет назад. После чего крепко запил. В первый год знакомства Анатолий предложил приятелю пройти на лодках по маршруту «Жигулевской кругосветки». Тот согласился. Очень понравилось. Пить бросил совсем.

С тех пор каждый год в майские праздники они идут этим маршрутом.

За лето преодолевают несколько маршрутов по разным местам.

— Это же тяжело! — недоумеваю я.

— Он очень вынослив, наш Боря, — утверждал Анатолий. — Знаете ли, в прошлом году перенес операцию, ему вырезали желчный пузырь, и на четвертый день ушел в поход.

* * *

Реальная опасность и успешное ее преодоление — действительно большая роскошь, ради которой стоило отправиться в подобный, как наш, поход.

В наш техногенный век, несущий множество неприятного человеку, есть островки первозданной опасности природной стихии, которые завораживают и притягивают. Это я прочувствовал сам. И часто видел в нашем походе, каким задором освещались лица попутчиков в предчувствии нестандартных ситуаций. Хотя наш Командор и проповедовал неприятие авантюрных поступков...

Пятница же самые неожиданные ситуации воспринимал как неизбежные и невозмутимо их преодолевал.

Чем объяснялось это его внешнее спокойствие: отсутствием ли слуха и зрения? Умением все принимать как должное? Не знаю. Но мне с первых минут знакомства с ним показалось, что он все о нас знает. Ему ведомо наперед, что будет в походе, какими мы будем в нем. И даже после него...

Глава 7. Под Гамалеевкой

Итак, мы миновали села Мамалаевку, Верхнюю Платовку и Покровку по воде. А под Новосергиевкой, не добравшись до правого притока Самары — Кувай, погрузили снаряжение в грузовик и, проехав по суше мимо Барабановки, оказались под селом Гамалеевка на высоком берегу реки.

В Новосергиевске есть краеведческий музей, и я жалел, что мы в суматохе дел не попали в него, хотя и намеревались в начале похода.

День оказался нелегким. Было жарко. Разгрузив машину, пошли с Анатолием в детский дом, в котором он когда-то жил. В большом просторном зале беседовали с ребятами. Анатолий вспоминал детство:

— Здесь мы начали свою школьную жизнь, — волнуясь, говорил он. — В этом детском доме в семилетнем возрасте и начался отсчет моих пеших и водных походов. В течение трех каникулярных месяцев нас учили собирать грибы, ягоды и растения, пригодные в пищу. Учили самостоятельно готовить еду. Приучали нас и к работе. Пололи картошку, просо, заготавливали сено, дрова. Ослабленных малышей, которые не могли долго идти пешком, подвозили на бычьих упряжках. Во время походов спали на сеновалах, в шалашах, на чердаках. Иногда стояли иногда очень жаркие дни. Но мы шли, плыли, работали, преодолевая трудности походного быта...

Поговорили с детьми, я прочитал им стихи. Ребята трогательно и внимательно слушали. Поражал дух коллективизма, царивший в детском доме. Ребятишки жались ко взрослым, особенно малень-

кие, некоторым по семь-восемь лет. Они ловили каждое наше слово. Мы были из большой, взрослой жизни и не совсем похожей на ту, которая была вокруг них. Провожали они нас дружной стайкой и все не хотели возвращаться.

...Ночевать расположились на высоком берегу реки, около огромной старинной ветлы. Повечерничали, когда уже от алого-золотого широкого края неба остался узенький ободок.

Самара здесь очень быстрая, но мелкая и узкая, не более десяти метров в ширину. Поплывать негде, глубина по пояс. Тем не менее я искупался и поспешил к костру.

Когда уже укладывались спать, на том берегу в подбугорном леске, в осокорях, где еле просматривались в сумеречи сухие сучья, заворковал витютень. Совсем как в детстве!

Витютня не было видно, но его унылая вековечная песня, его грудной стон густо разливался вокруг.

Мне еще с детства казалось, что эта красивая и сильная птица, дымчатый сизарь с красными ножками, всегда на что-то жалуется. Будто он и не поет вовсе, а завывает. Хотелось пожалеть его.

Я пробовал несколько раз, когда жил у своего деда на бахче, приблизиться к дереву с сухими сучьями, где часто сидел витютень. Но он каждый раз с шумом, хлопая крыльями, круто взлетал вверх. И быстро исчезал.

Витютни обычно кормятся на хлебных полях. Мои дядья-охотники били эту птицу, как правило, затаившись в лежанке на пути перелета. Стреляли влет.

Я ни разу не добыл эту птицу. Вначале это было для меня непростым делом. Потом, повзрослев, понял, что не пересилю себя — не нажму на курок. И уже не делал попыток.

...На том берегу, левее осокорей с витютнем, темнели таинственно кусты таволги и чилиги. И все, что я видел и слышал в вечернем сумраке, невыразимо волновало меня.

Под грудное пение витютня я и уснул.

...Наутро проснулся от голоса женщины:

— Это вы кто же такие? Вчера не было никого, каждый день пасу тут своих милашек, а теперь: ба — целый табор...

Я выглянул из палатки: вокруг было десятка полтора коз, и часть этих «милашек» уже обнюхивали наши лодки.

И начались сборы.

Во всем селе не могли найти воды. Колонки не работали. Решили искать родники вдоль речки.

Юрий уже прошелся по правому берегу и пока родника не обнаружил, надо было начать поиск на левом.

Константин развел костер, вырубил быстро рогульки под котелок. Но был чем-то озабочен.

— Ребята, если каждый будет топить свою поклажу в речке раз в день — мы останемся без провизии ровно через четыре дня. Нас пятеро — Командор уже растерял почти все свое.

— Ты должен понять, Константин, — невозмутимо произнес Юрий, роясь в рюкзаке в поисках соли, — в походе все, что может рассыпаться, обязательно рассыплется, что может разлиться, непременно разольется.

– Вот я и говорю, – отреагировал спокойно Решительный (так мы стали называть Константина после борьбы с завалами). – Надо как следует все упаковывать. И с заранее составленным меню по дням дежурств. В отдельных полиэтиленовых мешочках.

– Голова, – согласился Юрий. – Но уйдет столько времени!

– Ничего, – поддержал Костю подошедший Командор. – Зато будет порядок.

И мы начали паковать запасы.

– Мужики, а вот, действительно, если вдруг окажемся без продуктов и до жилья далеко, что будем делать? – спросил я, совсем не рассчитывая на продолжение разговора.

Юрий мои слова оценил, очевидно, как возможность заявить о себе – бывалом и опытным туристе.

– Коллеги, мы где находимся? – Он сказал это, как на кафедре, академическим голосом и окинул нас, не подготовленных к самостоятельной жизни вдали от дома, случайно собравшихся в одну команду людей, ироническим взглядом.

Мы не успели сообразить с ответом. Он помог:

– Мы находимся с вами в степи, где могут быть кузнечики или нашествие саранчи. Если даже утопим все наше продовольствие, потеряем деньги – и тогда не пропадем. Саранча – даже не пища, многие народы в пустынях и степях почитают ее за лакомство. Саранча раньше для кочевников была как манна небесная. А мы идем их путями.

– Ты всерьез хочешь перевести нас на кузнечиков? – спросил Константин.

Юрий невозмутим:

— Для людей, привыкших есть ящериц и грызунов, саранча — лакомое блюдо.

— Ее начнешь глотать, а она в ноздри или в ухо выпрыгнет! — попробовал пошутить Константин.

— Ее надо вначале поджарить, затем оторвать поросшие колючками задние лапки, остатки необгоревших крыльев, а уж потом отделить голову, извлекая одновременно кишечник. Все! Можно, похрустывая, есть. Как креветки!

— Ты что, действительно ел? — все еще не верит Решительный.

— Креветок? — вяло переспрашивает рассказчик.

— Да нет, саранчу эту?

— Спрашиваешь тоже, — тоном бывалого человека отвечал Юрий.

— И много таких гадостных блюд ты еще знаешь? — спросил Константин.

— Наши с тобой предки, жившие не в таких тепличных условиях, как мы, считали пищей все, что бегают, ползает, летает и плавают. Если во всем мире насчитывается около четырех тысяч видов млекопитающих, то, как видишь, выбор есть... Хотя, — он почесал затылок, — может случиться, что наступит время, когда не станет особо большого выбора, и люди будут есть личинок и куколок, жуков-короедов, пауков, термитов.

— Ну, до этого не дойдет, — запротестовал Константин.

— Почему?

— Да если животные все повымрут, значит и человек, — того... вместе с ними...

Под такой диалог я чищу почерневший котелок речным песком, усевшись на толстое бревно, застрявшее на мели.

Вспомнился эпизод из поездки в Китай. После утки по-пекински, которой нас угощали накануне в ресторане и которую мы все с удовольствием ели, заворачивая лакомые кусочки птицы в тонкие лепешки с зеленью, мне захотелось попробовать мясо змеи и лягушки.

Лягушачьи бедра я пробовал в Париже несколько лет тому назад. С тех пор искал случая попробовать мясо североамериканской лягушки-быка, которая бывает до двадцати сантиметров и весом до шестисот граммов.

...Мясо лягушки показалось мне похожим на куриное, разве что посуше и жестче. Змеиное мясо, лежавшее на моей тарелке, было несколько схоже по форме с разрезанным по длине небольшим, сантиметров пять, легким, эластичным развернутым резиновым шлангом. Запаха я никакого не ощутил. Легко порезав на кусочки, я съел это пугающее, но завораживающее блюдо. Мясо по вкусу, как мне показалось, было похоже, скорее, на какую-то рыбу. Но вполне не ручаюсь за свое ощущение, ибо проглатывал я эти кусочки, пребывая в каком-то мистическом состоянии духа.

Все, вроде бы, прошло хорошо. Присутствующие за столом соотечественники так и не решились последовать моему примеру. Таким образом, я выбился из общего ряда и рейтинг мой, говоря чужеродным, но ныне модным языком, значительно вырос.

Расплата наступила, когда выходили из ресторана. То ли так задумано было или получилось случайно, но входили мы в ресторан через нормальный вход, а выходили там, где в больших стеклянных коробках кишели те самые гады, змеи, лягушки, тритоны,

рыбы, которых в жареном, пареном, вареном виде подавали на стол.

Я шел, а они все смотрели на меня, словно теперь уже зная, что я их могу съесть. Казалось, что это дурной, адский сон...

Меня затошнило. Опережая своих спутников, рванулся я на свежий воздух. Когда я, раб своего желудка или, вернее, любопытства, оказался на улице и присел на скамеечку, шум от шин многочисленных велосипедов, которыми китайцы заполнили добрую половину улицы, мне показался шипеньем множества гадюк...

«Боже мой, они еще и собак с кошками едят...»

Меня подташнивало и поламывало в висках. Непривычные мысли теснились в голове. Стало страшно за все человечество.

«Имя ему, к которому отношусь и я, — пожиратель, самый большой зверь на земле. И самый страшный: у него ум и оружие, созданное его умом. Во что бы ни проникал ум, что бы ни изучали ученые — самые, казалось бы, умные из всего человечества, известно уже давно: в результате получается оружие, которым человечество убивает и себя, и «братьев наших меньших»...

Разве так должно быть?!»

Недалеко возникли мои соотечественники. Два китайца, сопровождавшие их, чему-то улыбаясь, оживленно по-своему разговаривали меж собой... Когда они увидели меня, их лица враз стали другими.

Они направились ко мне. Я поднялся со скамейки. Надо было выправляться. Некогда думать за все человечество, предстояло персонально продолжать суетиться. Так кем-то заведено...

Глава 8. Добровольные пленники

Сразу за Гамалеевкой, где-то через полчаса, мы обошли завал по суше. Два огромных тополя аккуратно лежали поперек речки. Вернее, это был не завал, а пешеходная переправа, которую сделали жители окрестных деревень.

Пока мы переносили снаряжение, за нами с любопытством наблюдали два подростка, которые купались там, где заросли неожиданно расступались и желтел бережок.

Один из ребят подошел. Оказалось, он из Гамалеевского детского дома, был на нашей встрече. Звать его Дима. Родом из Федосии, но кто его родители, не знает. Ему уже пятнадцатый год. Он помог переносить вещи. Когда прощались, я дал ему денег и, написав домашний адрес и текст, попросил послать телеграмму жене с сообщением, что у нас все в порядке. (Сотовая связь не срабатывала – оставалась надежда на телеграф.)

В тот день мы преодолели больше тридцати километров. Самара здесь особо крутоберегая. То левый берег обрывист, то правый: так и извивается она, так и стремится туда, куда ей надо...

Закончился день тяжело. Пришлось около десяти часов вечера остановиться ночевать на заросшем густой травой и кустарником берегу. Причиной тому был массивный завал. Будто кто-то крепко и намеренно пошалил: до десятка огромных осин лежали поперек узкой ленты реки. Причем все связаны между собой мелкими корягами так, что разрубить и растащить просто невозможно и за несколько дней. Не завал, а плотина. А на высоком песчаном берегу, готовом обрушиться в следующее половодье, стоят еще несколько неохватных осин.

Легко представить, что будет здесь на следующий год: каждого такого дерева хватит на два-три раза, чтобы перекрыть поперек реку.

Сил на то, чтобы снаряжение развязать на лодках, перенести, затем снова упаковать и увязать, уже не оставалось. Мы остановились.

Из записок, которые я все-таки иногда делал:

«Сегодня 12 июля. Вчера прошли путь от Гамалеевки до села Бурдыгино. Преодолели три завала: один рубили, два обошли по берегу. Прошли металлический низкий мост под Бурдыгино. Ночевали у завала ниже села. Ужин готовили около двадцати трех часов, когда было уже темно.

Мы с Костей ночью рыбачили бреднем. Река глубокая, берега крутые, рыбачить неудобно. Поймали одну щучку и несколько со-рожек.

Песок, осины, лопухи — в изобилии. Вода изумительная. Все есть, о чем я мечтал, отправляясь в поход. Но комаров столько, что спасения от них нет.

Спали, как в предыдущие ночи: мы с Борисом, каждый в своей палатке, остальные в лодках, которые вытащили на сухой песчаный пятачок среди прибрежного краснотала и шелестящих осин. Противоположный берег, весь поросший высокими осинами и ветлами, кажется труднопроходимым.

С первых же дней я понял, как нужны мне вновь те навыки, которыми я владел, когда с дедом жили то в лесу, то в степи...

Мое умение по-дедовски вязать узлы, ладно починить бредень, взять лыко с вяза, сварить «сливную» кашу, в которой сразу и

первое, и второе, поставить на перекате бечевочный перетяг между кольями для ловли подустов – все пригодилось вдруг. Каждый раз обнаруживалось умение, которое удивляло теперь моих спутников.

Полузабытые навыки радовали. Они роднили с окружающим.

А если бы нас окружали лошадь, рыдван, косы, конные грабли, крестьянская утварь – сколько бы открылось забытого...

Проснулся я от того, что ладони мои горели от долгой работы накануне веслами. Хотя был, как и все, в перчатках.

Неугомонный Анатолий разжигает костер. Слышу, как будит Юрия, напоминая ему, что его очередь готовить завтрак.

Бориса он не трогает. Борис на примусе готовил себе ночью в палатке еду – это его странность. Он варит и ест в одиночку. Еще перед поездкой Анатолий обнародовал это его неперемное условие. Мы приняли его, недоумевая. Все запасы продовольствия были заранее сделаны на пять человек. И в поход взяли провизии на пятерых. Но Борис своих установок не изменил. Он не подчинялся и требованиям Командора в отношении воды. И пищу готовил на речной воде. Завел из самарской водицы в пятилитровой канистре и квас.

Я заметил, что больше всех работаю веслами и, кажется, понял, почему. Лодка моя, изготовленная на скорую руку, имеет задранные кверху нос и корму. Таков раскрой. Очень часто течение реки меняется, направление ветра – тоже. Иногда течение еле заметно, а ветер силен и, если не грести усиленно, несет назад. А поскольку парусность у моей лодки больше всех, то и трудиться приходится покрепче остальных.

К слову сказать, Самара течет почти строго в северо-западном направлении, но петляет, и чаще всего ветер дует в лицо.

Побаливают, и сильно, не только руки, но и кости... «пятой точки». Постоянное ерзанье на доске при гребле дает знать.

Юрий показал, как он разрешил этот вопрос. Оказывается, он сидит на прямоугольном лоскутке из синтетического материала, который надевает на себя. Этот лоскут крепится на «пятую точку» простой широкой резинкой, охватывающей туловище внизу живота. Он, лукаво ухмыляясь, порылся в своем рюкзаке и, достав такое же устройство, протянул мне:

— Это называется «пендель» — изобретение туриста-водника.

Я взял, примерил. Действительно стало легче. Движения на сиденье теперь не связаны были так сильно с болями в костях.

Думаю, он специально не сразу дал мне «пендель», а чуть позже, чтобы я по достоинству оценил.

За лукавство он был отомщен, хотя и без моего участия.

Я еще в своей палатке. В сетчатое окошечко своего убежища вижу, что происходит у костра. Там уже трое. Вылез из своей берлоги и Борис.

— В жилах комаров течет человеческая кровь, — громко провозглашает Юрий, заслоняя рукой лицо от костра.

— Ну что ты, Юрий, жалуешься, — успокаивал Константин. — Прелесть турпоходов в том, что любая самая тяжелая работа после них — отдых.

— Эт-то мы знаем, что турист живет дольше человека, но все же... Жрут, окаянные!

...Когда завтракали, Юрий рассказывал:

— Раньше за огромными сомами охотились в больших омутах Волги. Брели, к примеру, маленького утенка и пускали его в то место, где могла водиться «речная свинья». Если сом хватал и проглатывал утенка, тем самым обнаруживая себя, то рыбаки тут же быстро подплывали к тому месту и из приготовленного большого глиняного горшка бросали в воду ком горячей каши. Сомина обжигался, хватанув каши, и выплывал на поверхность. Тут его острой и брали.

— Это рыбацкая байка, — уверенно подытожил Командор. — Какая каша-то была, гречневая, как у нас?

Он стоял напротив Юрия. Оба маленькие, сухонькие, в общем-то старики уже и оба по-молодому «упертые»; будь то в деле, в каком-либо разговоре — между ними постоянно велась некая дуэль. Но это соперничество явно они не проявляли.

— Какая байка, если рыбы в Волге еще в начале XX века было столько, что когда человека в первый раз брали на рыбалку, предупреждали: «Не болтай ногами в воде, особенно на глубине». Вишь, было как: из водной бездны могла подняться огромная рыба и оторвать ногу.

— Ну, сом ногу не оторвет, зубов нету.

— Сом заглатывал пловцов, а щука рвала ноги, — разъяснил Юрий. — Рыба не была дешевой, но самарцы были разборчивы и некоторые сорта рыбы считали сорными. Мелкоту использовали как удобрение для полей, а сушеной воблой топили пароходные котлы.

— Куда ж это все подевалось? — не удержался Константин.

— Куда-куда. — Юрий, нагнувшись, поставил пустую миску на пенек около костра. — Распяли красавицу-Волгу плотинами ГЭС — и все дела. Щуки наподобие градусников стали из-за повышенного содержания ртути. Тоже ведь дела рук наших.

Разговор еще долго мог бы продолжаться, но Командор торопился.

Мы попили чаю и взялись за укладку снаряжения.

Таская вещи в лодку, невольно рассуждал про себя: «Который уже день находясь на реке, я замечаю, что мне важно здесь все. И река! И люди! Что они говорят? Как говорят? Все интересно! Человек на реке, сама река, и все, что вокруг до самой маленькой букашки — интересно. Будто заранее знаю, что не скоро все это увижу вновь. Словно вижу: это все мое, принадлежащее по какому-то праву мне, но долго не виданное. И мне от этого радостно.

Мне подумалось: «Эти бесхитростные разговоры, встречи, взгляды, рукопожатия, события — все некий только аккомпанемент к чему-то очень серьезному, тому, что во мне рождается или родится? Или это — самая важная часть того, что мне нужно сейчас? Смогу ли когда-нибудь объяснить смысл своего похода другому человеку?.. Смогу ли так понять себя, чтобы рассказать другому?..

И надо ли это другому кому-то, кроме меня?

Наверное, надо! Вот ведь около меня сейчас еще четыре человека, они тоже — пленники реки.

Пленники. Из них только один человек с детства связан с Самарой — Анатолий. А родился на ней — только я».

И опять всплыл в памяти рассказ мамы, как ее и меня отчим привел ночевать на Самарку. Тогда прошедший пол-Европы бездомный солдат Василий Шадрин сидел у реки и думал невеселую думу.

О чем он безмолвно говорил с рекой? И что он понял тогда? Неизвестно... Уносились вдаль воды Самары, а впереди – была жизнь.

* * *

Два течения влекут меня по Самаре в моем путешествии. Одно идет от истоков к устью: из заводей, сутемья, прибрежной ольхи и ветельника, зарослей таволги и чилиги, по мелям и перекатам, выныривая порой из глубоких темных омутов и неодолимых завалов, оно вырывается на простор.

Другое, не менее сильное – встречное течение, влечет меня от многошумных городов и цивилизации, от устья реки к истоку ее. К небольшому родничку. К той завораживающей силе, которая вытолкнула этот ручеек из недр земли и сделала его рекой. Она притягивает к себе и манит, эта таинственная сила. И этой силе нету меры. И вновь я даю себе слово побывать у заветного родничка.

И в памяти своей в который уже раз возвращаюсь к детству, словно плыву вспять по реке своей жизни.

Эти два противоположных, казалось бы, течения несут меня в моем легком суденышке, и я весь – в их власти.

* * *

К тому, что я веду дневник, мои спутники относились спокойно, правда, с некоторым налетом иронии.

Я слышал, как Костя в разговоре с Анатолием, кивнув в мою сторону, обронил: «Наш летописец».

Пусть кивает, память теряет подробности, которые иногда так хочется осмыслить заново, а записки можно ворошить многократно.

– Послушай, – обратился я к Анатолию, – а что, если я задумаю повесть написать о нашем сплаве и везде упомяну настоящие фамилии?

– Делай, как надо.

– Но вдруг где-нибудь будет какая неточность? Можете обидеться?

– Да пиши, мы все равно слепые, кто из нас будет читать... Разве Юра, да и ему не до этого...

* * *

Сейчас в январский денек сижу я, разглаживая крепенькую свою тетрабочку, с листочками, помеченными карандашом. Прелесть – эти листочки! От них идет аромат июльского солнца, воды, света. Из тетрабочки этой, нет-нет, да и выпадают золотистые речные песчинки.

Выпав на белые листы писчей бумаги, они так и лежат. И я не убираю их. Руки не поднимаются, да и зачем? Это похоже на особый знак.

Несколько штук задержалось на краю стола, прямо у окна.

Поймав солнечные лучи, прорвавшиеся в комнату через толщу морозного воздуха в оконное стекло, песчинки светятся – каждая по-своему.

Глава 9. У села Бурдыгино

Мы проплыли чуть больше часа после нашей последней стоянки, когда встретили на берегу крепкого усатого мужика, а с ним десяток ребят, примерно восьми-девяти лет.купаются шумно и весело в обласканной солнцем речке. Потрескивает на песчаном мысочке костерок. Еще не жарко. Утреннее солнце едва выкатилось на чистое синее небесное поле над осинником. Оказалось, что ребята – из трудового лагеря. «Трудных» ребят свезли со всего района, и теперь они живут в селе Бурдыгино. Ребята как ребята. Любознательные. Пришлось рассказать, кто мы да откуда.

«Усатый» оказался воспитателем, а заодно, по совместительству, трактористом в лагере.

Он намеревался ехать в село Бурдыгино, оставляя подопечных на время со своим помощником, высоким белобрысом парнем Виктором. Мы попросились с ним. Он охотно согласился. Хотелось посмотреть село и купить молока.

Трое – Борис, Костя и я – забрались в тракторную тележку и, проехав километра три, оказались в селе. Отчаянно хотелось пить. В селе всего одна работающая колонка. Вода еле течет. Пекло. Температура, как нам сказали, выше тридцати пяти градусов.

У ближайшей саманной избенки сидят две молодки. Лавочка сохранилась, а за оградой палисадника ничего не растет, кроме лебеды. Заросли лебеды и серая тяжелая пыль царствуют там.

– Отчего плохо с водой? – спрашиваю.

– Так уж давно, насос сломался один, а этот вот плохо качает... на одну колонку... – отвечает та, что постарше.

— Железом отдает, как же вы пьете?

— А что делать-то?

— Как что? — удивился Константин. — Давно вырыли бы колодец! Ни одного колодца не видно. И это в селе, где около тысячи жителей!.. А где работаете?

— Нигде. А кто работает, тот не получает за работу.

— Чем же живете? — спрашиваю.

— Огородами да скотиной.

— Отчего село называется Бурдыгино?

— А не знай, — отвечает равнодушно.

— Может, первый, кто жил тут, Бурдыгин был. — Это опять говорит та, что постарше.

Помоложе, в серой косынке, надвинутой низко на глаза, безразлично глядит перед собой на траву.

Из переулка выехали парни на велосипедах и остановились у палисадника. Очевидно, мужья.

— Мы, эта, на бахчи — туда и обратно, арбузы прополоть, ага?

Они о чем-то поговорили вполголоса меж собой, искоса поглядывая на нас, копошащихся у колонки, и уехали.

А мы направились в столовую, в которой женщина по имени Люба, пожалев нас, продала четыре буханки хлеба. И она жаловалась, что зарплату не выдавали уже три месяца.

Когда сидели в зале и ели с удовольствием «докторскую» колбасу и белый с хрустящей горбушкой хлеб, она принесла горячий чайник. Поинтересовалась насмешливо:

— Жен, что ли, у вас там дома нету? В такую далищу умыкнулись? Или прячетесь от кого?

— Да нет, — пытался отвечать я. — И не прячемся, и жены есть.

Она смотрит на меня и покачивает удивленно головой.

— Люба, вы не думайте о нем плохого ничего, — вмешался Константин. — Не глядите, что в тельняшке с косыночкой и похож на пирата. Он, если наденет фрак и бабочку нацепит, вылитый Раймонд Паулс.

Смотрю удивленно на Константина и думаю: «Зачем ему это надо, приткось эта? Поговорить охота?.. Видать, мы уже надоели друг другу. И потом, я, скорее, похож на Жана Габена, чем на Паулса, если уж на то пошло».

Только мы вышли из столовой, столкнулись с трактористом, который нас привез в село.

— Вот, мужики, вам! Жена велела подхарчить. — Он вынул три бутылки с молоком из кабины и протянул нам, довольный. — Моя сказала, чтоб больше тридцати рублей не брал за все. А это, — он протянул поллитровую стеклянную банку сметаны, — в довесок, бесплатно.

Крепко пожав нам руки, вскочил в кабину. И «Беларусь» запылил на другой край села, грохоча в ленивой тишине скрипучим железом прицепа.

Мы остались стоять посреди улицы с шестью пятилитровыми канистрами воды, молоком, сметаной и четырьмя буханками хлеба.

Константин подобрал брошенный кем-то на дороге кривоватый черенок, как коромысло водрузил его на шею. Повесив на каждый конец по канистре, стал примеряться к остальной поклаже.

– Турист ослаб – ему осла б! – изрек он глубокомысленно.

– А куда нам идти-то? – невольно оглядываясь, спросил я.

– Э-э, дорогой мой друг, коль заблудился, примени старинный способ ориентирования на местности, – отвечал Константин, лоя выпрыгивающие из свертков буханки хлеба и пытаясь одновременно удержать раскачивающееся коромысло на плече.

– Какой? – спрашиваю.

Константин с напускной солидностью поучает:

– Надо первого же попавшегося, желательно не глухого прохожего спросить: а скажите, пожалуйста...

Мы шли по сонной сельской улице и я думал: «Хорошо, что в селах Оренбуржья свой газ. Дома зимой надежно отоплены. Замечательно! Но это же малость. В крае открыто более двух тысяч месторождений семидесяти пяти видов полезных ископаемых, среди которых природный газ, нефть, железные, никелевые и медные руды, золото, серебро, поваренная соль, бурый уголь, даже мрамор. Ведущие отрасли: черная, цветная металлургия, машиностроение, химия и нефтехимия, электроэнергетика. И при этом мы, россияне, умудряемся жить в нищете и неустроенности. Воды нет, вместо магазина – закуток. Пыль и бездорожье... Пьянство... И разве так в одном Оренбуржье? Нет же, конечно. Выживаем, но не живем! Выживает вся Россия. Россия, русская земля погружена, как и встарь, в страдание...

Мы, россияне, перешли ту допустимую границу, за которой человек лишается созидательной роли в обществе.

Без излечения нашей социальной болезни — бедности мы можем погибнуть все: и бедные, и богатые.

Какие мы? Как мы живем? — эти вопросы терзают душу...

И будем ли мы русскими через пятьдесят лет?

Нас, россиян, каждый год становится на семьсот-восемьсот тысяч человек меньше. Американцы утверждают, что их в 2050 году будет около 349 миллионов человек. А нас сколько?

Остается надеяться. Нет, не надеяться — верить, что мы выдюжим! Верить, что и у Оренбуржья, и у Самарской области, у России — все еще впереди! Вера, только она и дает энергию выживания. Она и щит — Вера!

Когда-то И. С. Аксаков, любивший эти края, главную задачу русского общества видел в том, чтобы «трудным подвигом самосознания расторгнуть оковы народного духа, воссоединить разрозненные слои... вернуть русской народной жизни свободу, цельность, правильность и плодотворность самобытного органического роста».

О росте ли сейчас идет речь? Увы, о самосохранении!

...Я шел, пошатываясь, под палящим солнцем в ближайший переулок, который уходил в сторону реки, и невольно озирался на пустые, словно вымершие улицы.

Совсем еще недавно, чуть более десятка лет назад, Оренбуржье считалось одной из самых крупных житниц России. Ее хлебное поле было четыре миллиона гектаров, второе после Алтая.

И наш самарский край, и Оренбургская область, и Алтай связаны воедино именем и талантом Василия Шукшина. Как теперь уже известно, прадед писателя Павел Павлович Шукшин приехал в Сибирь вместе с родителями из Самарской губернии в десятилетнем возрасте. Было это в далеком 1867 году. А дед Василия Шукшина по матери Сергей Федорович Попов, мордвин по национальности, по утверждению Василия Гришаева, алтайского краеведа, приехал в Сростки из села Толкаевка Сорочинского уезда Оренбургской губернии. Я вспомнил об этом и невольно остановился. Остановились и мои спутники, тут же опустив неудобную поклажу на землю.

— Ребята, помните, где село Толкаевка? Я на карте отметил, но она в лодке.

Константин не помнил. Мы написали «оранжевое послание» Борису.

Он тут же ответил: «Пройдем водохранилище Сорочинское за день, там слева — сам Сорочинск, а по правому берегу, почти напротив, будет Толкаевка. Я там был».

— Большое село? — пишу на коробке.

— Такое же примерно, как Бурдыгино, там хлеб хуже, чем здесь.

— Тут Лев Толстой жил, — спохватился Константин. — Где-то здесь...

— Жил, но ближе к Бузулуку, — отвечаю я, а в голове: «Так вот, возможно, откуда пришла неизбывная любовь Шукшина к разинской теме — предки его с самарско-волжской земли, наполненной сказаньями и былинами о Степане Разине».

Я все оборачивался, ища взглядом саманную избенку, возле которой сидели две молоденькие женщины с потухшими глазами.

— Вань, хоть сегодня-то не напейтесь, — крикнула тогда вдогонку мужу та, которая постарше.

— Да че пить-то? И на что? — отозвался один из них, не оборачиваясь.

— Вы найдете, что... знаем...

— Кричи, не кричи — все равно напьются, — безысходно проговорила та, которая в серой косынке.

Она сказала это, не поднимая головы.

* * *

Таает на глазах крестьянство, единственная верная сила, которая могла бы вывести русского человека на спасительную дорогу православной народной жизни.

Это же бессмыслица: в стране с огромными посевными площадями, с суровым климатом, отсутствием необходимой инфраструктуры возвращаться к хуторскому хозяйствованию.

Абсурд это или злой умысел?

Имея в стране избыток собственных энергоносителей, с их же помощью создавать адский механизм разрушения своей экономики и, в первую очередь, сельскохозяйственной промышленности.

В 2002 году урожай в Оренбуржье был неплохой, почти на полмиллиона тонн хлеба больше, чем в прошлом году. Но ведь почти все добытое сельчанам придется отдать за горюче-смазочные материалы, за кредиты, за налоги. За тонну горючего — шесть тонн хлеба!

В нормальный незасушливый год область обычно собирала более пяти миллионов тонн зерна.

А в наши годы? Умудрились закупать тысячи тонн у французов, чтобы дотянуть до нового урожая.

Если бы в одной только области такое вершилось!..

Потеря продовольственной независимости – это начало утраты державной силы. Это же ясно всем. Но маховик крутится, сопровождаемый хором и праведных, и зломудрых голосов.

И потонуло в этом разноголосье шукшинское: «Ванька, смотри!» – сказанное вовремя, да не услышанное нами...

Глава 10. На Сорочинском водохранилище

После села Бурдыгино плыть стало тяжелее. Весь день гребли почти в стоячей воде и против ветра. Впереди Сорочинское водохранилище, и Анатолий говорит, что, очевидно, сливы на дамбе закрыты. Руки поламывало до плеч. Ладони горели. В придачу ко всему у меня одна перчатка, вторую где-то обронил.

Река разливается шире и шире. Какой-то человек на берегу кричал нам, сложив ладони рупором, что по радио передано штормовое предупреждение. Мы не придали крикам должного значения.

Берега густо заросли травой и кустарником. В них неизменные полчища комарья. Вот уж где понятен смысл непобедимого: «камарилья». Причалить к берегу и искупаться — негде. Незаметно река превратилась в большую водную гладь из нескольких разделенных огромными кулигами камыша протоков.

Еще у села Бурдыгино договорились, что как только выйдем к водохранилищу, остановимся и обсудим не спеша на берегу обстановку: если волна большая, надо будет остановиться на ночлег, а уж утром пойти через большую воду. Но какое там! Мы пропустили момент и оказались посередине водного пространства, где до берега не менее двух километров. Не понять, где основное русло. Волна бьет навстречу движению лодки.

Быстро опорожнил от воды и привязал пустую пятилитровую канистру к длинной, метров шесть, веревке, а ее — к лодке, соорудив тем самым буй, по которому можно было бы, в случае, если все потонет, искать имущество.

К левой ноге приторочил такую же пустую канистру.

«Будем надеяться, что эта – не буй, а спасательное средство», – подумал я.

Посмотрел на часы – было чуть больше двадцати. Юра, шедший до того уверенно первым, остановился и зычно, словно команду, объявил:

– Все! Заблудился. Не знаю, куда плыть, честно скажу...

Мы струдились, насколько можно, выдерживая дистанцию. На крутой волне это было нелегко.

Отгляделись. Тяжелые, нависшие тучи, сумерки не давали отыскать заходящее солнце. Наконец, мы определили западное направление и двинулись с места.

Вокруг властвовало необозримое водное пространство, берега еле угадывались дальней, темной расплывшейся полоской.

Юрий затравленно озирался вокруг.

Неожиданно он воскликнул:

– Я знаю, куда плыть. Вон она, вон там!..

Он указывал в направлении чуть правее нашего курса. Там что-то темнело на воде.

– Это баржа! – выкрикнул возбужденно Юрий. – Я ее запомнил в прошлый раз. Надо плыть прямо на нее – за ней основной вход в водохранилище.

Он оживленно заработал веслами. По тому, как Юрий обрадовался барже и как заспешил к ней, я мог догадываться о степени настигшей нас опасности.

– На барже заночуем, – объявил Анатолий.

«Понятна теперь радость потерпевших крушение в настоящем море при виде земли», – невольно подумалось мне.

С трудом пришвартовались к барже, вернее, к металлическому понтону, неведь откуда занесенному сюда. Там оказалось гнездовье белокрылых крачек. Добрая сотня потревоженных шумных птиц стали виться над нашими головами. Некоторые пролетали совсем рядом. Ни одна не осмелилась сесть при нас на понтон.

На нем много мертвых птиц. Яичная скорлупа, невысиженные пестренькие с темными пятнышками яички лежали прямо на металле. Шустро бегали пушистые, желтенькие с белой грудкой птенцы. Кое-где на понтоне кулижками росла на комках грязи трава. Много сухой низкорослой растительности — в ней прячутся совсем еще маленькие обитатели шумной колонии.

Один из птенцов, проворно подбежав к краю понтона, смело плюхнулся в большую волну. Добрая сотня его взрослых сородичей металась над нашими головами, беспокойно крича. И было непонятно, то ли они одобряют смелый поступок, то ли осуждают. А он упорно продвигался по волнам к камышам, темневшим метрах в тридцати от нас.

— Они его найдут и выкормят в камышах, — успокоил нас Анатолий.

— Жди, пожалуй: либо сом, либо щука сегодня же его и проглотит, — возразил Юрий.

Жаль было смельчака, не ведавшего об опасности, которая скрывалась в камышах, принятых им за спасительные. Хоть плыви-догоняй неразумного...

А птенец, вдохнув обманчивой свободы, упрямо плыл к камышам...

Он до сих пор у меня перед глазами.

...Я взял одного такого на понтоне в руки. Как цыпленок. Светло-коричневый комочек спокойно и доверчиво сидел в моих ладонях.

Дикое дитя природы. Я протянул Константину фотоаппарат. И теперь этот снимок – один из лучших в моей коллекции.

Устойчивый запах помета и нескончаемый крик не располагали к ночлегу. Да и птиц не хотелось беспокоить, и мы решили уплыть и заночевать на берегу.

Это оказалось непросто. Еще на понтоне Константин определил силу волны в три балла. Мы засомневались, но он опытнее нас: пять морей за плечами. Однако все согласились, что таких волн на Волге из нас никто не видел.

Мы поплыли по самой короткой прямой к берегу, стремясь скорее туда, где камышовые заросли гасят волну. Уже метров через тридцать вещи в лодке вымокли. Наконец-то пошли по камышовой протоке. Стало спокойнее. Но тут из камыша появились трое на лодках. Явно браконьеры. Мы помешали их промыслу. Осерчав, один из них все стращал карабином:

– Всех перешлепаю!

Другие, зло поглядывая на нас, пытались его успокоить.

Мы не свернули. Так протокой, вдоль их снастей, и пошли к берегу.

– Я вас ночью перешлепаю, обещаю, – неслось из камышей.

– Давай-давай, только порох не замочи, – дерзким оказался наш Юрий. – Не истявкался еще? – поинтересовался он. – Не трогают, и сиди в кустах. Охальный больно. Набузынился, поди, с утра – троится в глазах. Не бойсь... нас мало...

Я видел, как он достал из рюкзака и положил в карман куртки газовый пистолет.

«Газовый пистолет против карабина? Нормально! Ай да Юрий!»

Метрах в ста от берега лодка Командора оказалась на коряге. Пока снимали, сдулся один отсек лодки. Константин быстро перехватил из лодки часть вещей и поспешно отбуксировал Анатолия в камыши от волны и коряг.

Там Командор подкачал свое судно, и мы, не останавливаясь, пошли к берегу.

Нельзя сказать, что мы причалили. Скорее, нас выбросило на берег.

Я достал фонарик и осветил: на часах – половина двенадцатого. А надо еще готовить ужин (неимоверно хотелось есть), ставить палатку.

Анатолий заартачился – ему не понравился берег.

– Там, километра через два в сторону дамбы, есть пологий мыс – мы на нем всегда ночевали.

Уговоры оказались напрасными. Когда мы выгружали и таскали вещи, он подкачал лодку. Волны играли с его посудиною, как со скорлупой, пока он не начал грести.

– Я не даю «добро» оставаться здесь, следуйте за мной! – прокричал он, уже работая веслами.

– Это каприз, и он нам непонятен, мы остаемся, – ответил за всех нас Юрий.

Так прорвалось наружу сдержанное соперничество официального лидера – Командора и неофициального – Юрия.

Наш командир Анатолий опытен. К сожалению, мы неудачно начали: у него на старте случился прокол лодки. Потом, по определению Юрия, зря Анатолий поддался на мое предложение «заехать как можно ближе к истокам»: в результате мы «собрали» все мыслимые и немыслимые завалы и порядком устали.

— С ним может случиться беда, как можно? — Я не мог успокоиться.

— Ты не знаешь Командора, — отвечал Юрий.

Я же про себя подумал: «Не привезти бы в Самару утопленника...».

Действительно, связь с окружающим у Анатолия своя, особенная.

— Александр, вот тут смотрите, справа от нас, речушка впадает, маленький безымянный приток, — кричал он мне, когда мы отчалили от Бурдыгино.

Смотрю: никакой речки нет.

Докладываю Командору:

— Нет речки!

— Плохо смотришь, должна быть!

Речушка действительно была, но метров через пятьдесят. Он знает очень много по памяти. Когда был еще зрячим, зафиксировал на всю жизнь. Ведь половину из двадцати сплавов по Самарке он проплыл до того, как потерял зрение.

Помню, в первый день обронил на берегу булавку, которой застегивал карман пиджака с документами. Я искал ее и не мог найти. Он подошел и, узнав, в чем дело, тут же присел на колени и, ладонями поведя по сторонам, как мне показалось, даже не

дотронувшись до песка, вмиг обнаружил ее и протянул мне булаву, как ни в чем ни бывало.

...Костя долго стоял и смотрел в бинокль. Когда он сообщил, что какая-то темная точка километрах в двух от нас появилась и, обогнув косу, исчезла, мы несколько успокоились.

— Да, разыграло у Командора ретивое, — высказался перед сном Юрий.

Но мы с Костей промолчали. Не хотелось вслух обсуждать поступок Анатолия.

Борис давно был в палатке. Огонек от примуса поблескивал в его логове. Он отказался есть нашу гречку и готовил сам, как обычно.

— Еще один ненормальный, — перехватив мой взгляд, проговорил Константин. — Чудят ребята...

— Нормально, Константин, — отвечал я.

Ночью спалось плохо. Думалось о Командоре. «Как он мог переступить одно из правил: не делиться, не бросать членов команды без нужды? Но кто кого бросил? Тоже вопрос».

...Утром, часа в четыре, меня, едва задремавшего, растолкал через ткань палатки Юрий.

— Александр, у тебя топорик где?

— Не понял.

— Отыщи быстрее, те балбесы-браконьеры едут.

Я быстренько взял рюкзак, который лежал в ногах, и вылез.

«В Переволоцком нас будили перепелки, а здесь — браконьеры. Дела!»

Юрий сидел около моей палатки. В руках у него был топор, за поясом – газовый пистолет. Выражение лица вполне решительное.

– Если что, мотню тому мордастому в упор отстрелю, слово даю...

– Да ладно, кому мы нужны-то, они ночью явились бы. Вон с другой стороны машина тоже подъехала. Рыбаки кругом. – Мне верилось в разумное.

Вылез из своей лодки и заспанный Константин.

УАЗ и «шестерка» двигались на скорости прямо на нас. Мы оставались на своих местах, не двигаясь. Они были совсем рядом...

Метрах в пяти машины сделали резкий вираж вдоль палаток и рванули по бездорожью в степь.

– Ребята мирные оказались. Спокойные такие. Как наш Борис, – сказал Константин и бросил на траву осиновый кол.

– Разбуди его, – попросил Юрий.

– А зачем?

– Готовиться будем.

– Стоит ли плыть? Смотри, какая волна. Надо больше пяти километров одолеть.

Действительно, ветер дул еще сильнее, чем вчера. И под обрывом рокотали совсем по-морскому волны.

– Тогда пусть отсыпается, – согласился Юрий.

Глава 11. Затянувшийся привал

И ночью был сильный ветер. Легко представить, что здесь творится зимой или осенью в непогоду.

Молоко в бутылках прокисло. Консервы и черный кофе — вот наш завтрак.

Я сижу на высоком берегу у палатки, а Константин, взяв на себя ответственность за обед, не теряя времени, приступил к его приготовлению. По-моему, Юра — повар все-таки не очень. Его фирменная шурпа?.. Я в ней ничего не понял... Посмотрим, что накухарит Решительный.

Плыть нельзя. Рыбачить нельзя.

— Надо же, так раскачало калужину, — удивляется Константин, поглядывая на волны.

Ветер и палящее солнце. На нашем высоком берегу мы, как на сковородке, Юра сказал — «как на бархане».

Увы, у меня на правой руке мозоль. Одну перчатку потерял, вот и поплатился. Вчера в горячке борьбы с волнами почувствовал, что на обеих ладонях кожа сильно затвердела и, опасаясь, что будут мозоли, стал держать весла не в кулаке, а кистями. Ладони уберег, а у основания безымянного пальца заработал мозоль.

За спиной «степь да степь кругом», перед глазами огромное пространство водохранилища. Волны пенящимся валом обрушиваются на песчаный берег и, грозно откатываясь, урча, тащат за собой темно-коричневый песок.

Когда стоишь на высоком берегу, над тяжелой водной равниной, чувствуешь себя необычайно легким. Понимаешь, почему человек издревле мечтал оттолкнуться от земли и взлететь.

Эти первые дни похода дали столько впечатлений, что невольно начинаешь говорить сам с собой. И сейчас шепчу то ли строку стихотворения, то ли заклинание:

Самарский край, поля мои, леса и речка -

Мой с детства радостный пейзаж!

Потом кричу громко, будто это для меня самое главное сейчас:

— Я — ваш! Я — ваш! Я — ваш!

Над головой величаво плывут огромные белокипенные облака.

Голос пропадает в бездонной сини неба и огромного водного пространства. Эхо не отзывается мне. Слишком мал я и голос мой не в счет в сравнении с этой водной пустынностью. То ли было два дня назад на берегу речки. Там эхо, как добрая подружка.

Замолкаю. Равнодушие простора меня не огорчает.

Сию тихо, вспомнив слова Жан-Жака Руссо:

«Может быть, вам неважно услышать то, что я скажу, но мне важно вам это сказать».

Невольно возник вопрос, который в последнее время и дома часто преследовал меня: кто я? Не поздно ли задавать такой вопрос, когда тебе уже за пятьдесят?

Кто я — человек, стоящий на высоком берегу этого рукотворного чуда?

Я поднялся на некую вершину, став генеральным директором завода и, оглядевшись вокруг, почувствовал узость рамок, в ко-

торых оказался. Вновь начал заниматься с усердием наукой, которую, было, забросил уже совсем, — хотя внешние атрибуты есть: ученые степени, изобретения. И науки через некоторое время стало недостаточно. Запас сил таков, что требуется неизмеримо больший простор для них...

И вот теперь приоткрываю двери туда, где все так сомнительно и зыбко — в литературу.

Чего я хочу?

Славы? Нет. Это я точно знаю: уже не хочу.

Более того, начинаю понимать прелесть жизни незаметной, безвестной — в этом есть что-то древнее и цельное.

Хочу денег? Каких и зачем? Дети взрослые, у них свои семьи. Зарабатывают сами. А с собой туда, где мы когда-нибудь встретимся все, этого не возьмешь.

Чего же я хочу?

Деятельной жизни хочу. Но на каком поприще?..

Перед смертью в 1831 году, больной холерой, Гегель произнес: «Умирает единственный человек, который понимал меня, и то не всегда и не полностью».

Под этой фразой, очевидно, могут подписаться многие думающие и искренние люди.

...Если бы сейчас мне было дано выбирать заново профессию, я бы избрал ту, которая связана с путешествиями или выращиванием деревьев. Мне кажется, что это самые удивительные на земле занятия.

* * *

...Осматривая свою лодку, я обнаружил в середине днища сдир, грозящий вот-вот превратиться в большое, с кулак, отверстие.

Вчера в темноте, когда плыли от понтона к берегу, я раза два «садился» на коряги. Лодка вертелась от волн, как на приколе.

Пришлось заняться ремонтом.

Когда прикатывал заплату концом весла, подошел Юрий. Уставшее и опухшее лицо его пасмурно. Спросил:

— Александр, ты помнил, что лодка твоя без перегородок, когда кувыркался вчера на воде?

— Помнил, — ответил я.

— Перекрестился поди?

Я вспомнил одно мое наблюдение и сам задал вопрос:

— Когда Борис купается или умывается, он крестится и что-то говорит, верно?

Юрий внимательно взглянул на меня и спросил:

— Помнишь, что говорила мать, когда купала тебя или твоих братьев и сестер?

Я призадумался.

— Кажется, «как с гуся вода...»

— ...так с Сашеньки худоба», то есть хвороба? Так?

— Да, — подтвердил я.

— Вот видишь, мать знала, а ты забыл.

— А что я забыл?

— Не ты один, большинство забыли, что человечество с самого рождения окружают волшебные свойства четырех стихий: Земли,

Воздуха, Огня и Воды. Вода смывает с человека не только грязь. У воды своя память и своя сила. Она смывает чужеродную информацию, усталость, твою и чужую энергию. Она выравнивает ее течение в энергетических каналах тела и помогает сбалансировать биополе. Борис обязательно шепчет воде благодарность и молится, помогая воде в ее чудесном действии. И дома, когда занимается уборкой, стиркой или чисткой одежды, тоже приговаривает благодарности. У меня дома жена периодически моет зеркало в прихожей. Оно может долго «помнить» плохое настроение смотревшего в него человека, и вредить здоровью жильцов. Но самая сильная помощница человека — это проточная вода, такая, как в Самаре. Если тебе приснился дурной сон, подойди к реке и расскажи ей, вода унесет дурное.

— А в городе? Куда податься?

— Многие, не осознавая, вырываются к реке... А можно просто открыть кран в душевой, на кухне и поведать свои беды льющейся струе.

Я невольно поискал глазами Бориса. Он стоял неподвижно внизу у самой воды. Было что-то неуловимое, что отделяло его от нас.

— Откуда у него это?

— Он ближе к природе. Ему это дано и он чувствует.

— А сейчас что делает?

— А кто его знает. Может, говорит с умершими родственниками или друзьями.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Он — что?.. — Я терялся. — Он может общаться с параллельным миром?

— Да, он говорит, что спиритизм — это не шарлатанство. Я ему верю, ибо даже Менделеев утверждал, что в этом что-то есть...

— Юра, ты какой институт закончил? — спросил я.

— Я закончил три института, а живу дураком.

— Почему так?

— Как — почему? Сейчас работаю сторожем на турбазе. Таков мой итог. Сейчас многие стали сильными мира сего. Только не такие, как мы...

— И все-таки?

— Электротехнический факультет политехнического института в шестьдесят пятом году. — Он потряс бородкой и поморщился. Юрий часто так морщится и не поймешь, то ли мается язвой желудка, то ли доводит неуспокоенное тщеславие. — Был красавцем когда-то. Первый разряд по гимнастике имел. На последнем курсе стал лауреатом Всесоюзного конкурса художественной самодеятельности. Пробовал себя в качестве конференсье, в разговорном жанре, драме. Голова закружилась. — Юрий говорил неторопливо, глядя куда-то за мою спину, на воду. — Три года проработал по специальности, потом закончил Самарский институт культуры. После — ГИТИС, двухгодичные заочные курсы. Я ведь специалист по культмассовым мероприятиям.

Он сидел около меня так же, как я, теребя травинку в руках.

— Я вот пришел к мысли... — Он пристально посмотрел на меня. — Знаешь, к какой? — спросил он без перехода.

— Нет, — отвечал я. — Не знаю, естественно.

Он усмехнулся озорно.

— Мы все букашки, — проговорил он.

— И мы живем под чьим-то колпаком, вернее, микроскопом, — продолжил Константин.

— Верно, — спокойно ответил Юра. — Все под колпаком живем. С самого рождения. Все человечество!

— А как же роль личности в истории, великие политики, завоеватели? — продолжал разговор Константин.

— Ну, это проще: все войны на Земле и революции следуют за солнечной активностью. Человек — существо космическое, и его деятельность, по большому счету, зависит от Солнца. Когда телескопы фиксируют мощные вспышки на Солнце, люди начинают «сходить с ума». Они легко поддаются разным лозунгам, отсюда — социальные катаклизмы.

— Нам, всем россиянам, грозит не социальная, а национальная катастрофа, — сумрачно глянув на меня, обронил Константин.

— Это как эпидемия. Только психическая, а центры ее распространения, носители — люди с динамичной психикой. Такими были многие вожди: Ленин, Наполеон, Гитлер... — продолжал Юрий.

— Тебе надо преподавать в институте, столько знаешь. Позавидует любой, — подивился я.

— Чего преподавать-то, такие вот «страшилки»? Это всерьез никто не воспринимает. Маркс обосновал экономическое развитие истории и увел всех в сторону. Но есть энергетическое обоснование: человеком движет не только его воля, но и неведомые ему силы. Они рождаются в Космосе. Ученые посчитали, что смена пери-

одов у небесного светила происходит раз в восемь-четырнадцать лет. Ну, в среднем это где-то одиннадцать и одна десятая года. Такой отрезок разделяет первую русскую революцию 1905 года - и революцию в 1917 году. Добавим к этому еще одиннадцать-двенадцать лет - получим «великий перелом» и начало коллективизации в СССР и Великую депрессию в США. А через одиннадцать лет Европа въехала в мировую войну. Точка!

Он всплеснул руками, как ребенок.

Все, о чем он говорил, было настолько неохватно!

Константин - человек конкретный.

- Ну, а дальше что? - вопрошает он.

- Если о цикличности, то все найдешь: там и ГКЧП, и демократическая революция. Правда, человечество в силу своей инерции раскачивается долго. Есть некоторые сдвиги в событиях, но...

- Нет, я вообще: дальше - что?

- А-а, ты вот о чем, - миролюбиво произнес Юрий. - Отвечу. Человечество только еще приближается к пику социальных потрясений. Все еще впереди. Как у нас сейчас с тобой: и водохранилище - надо переплыть, и дамба - впереди. Мало будут открыты сливы - будем целый день грести, хорошо бы встречного ветра не было, а то и течение не поможет. Пошире откроют - будет по-другому.

- Ты, Юра, колдун.

- Нет, Костя, колдун у нас Борис, походи спроси у него про погоду, сколько нам еще загорать здесь...

— Я действительно пойду, чуть подогрею — и давайте на обед, пора.

Он встал и направился к затухающему костру, поодаль от которого внизу занимался своей лодкой Борис. Оттуда уже, от костра, с расстановкой Константин проговорил:

— Юрий, ты не прав: у человечества впереди самое светлое. Оно прошло первую ступень развития самосознания, когда удовлетворяются лишь физиологические потребности. Сейчас заканчивает свое пребывание во второй ступени, когда к тем же потребностям добавилась жажда самоутверждения. И впереди у него: Богочеловеческая цивилизация, когда служение Богу, миру и людям станет главной потребностью. Это — светоносная эпоха. Мы будем ее добровольными пленниками...

— Я думаю, — отозвался Юрий, — индустриализация, в той форме, которую она приняла сейчас, вредна для человечества. Оно должно понять, что огромные города не нужны. Но для этого понадобятся века.

— Я согласен, грядет эпоха разума, понимаешь, будет господство интеллекта. Наука и культура приведут человека к природе, а через нее — к Богу. Когда человек станет патриотом всей Земли нашей — тогда прекратятся войны и распри! — уверенно произнес Константин.

— Да, — согласился Юрий. — Может, так мир и будет развиваться. Какие-то глобальные закономерности и законы к этому приведут, но через тысячелетия.

— Почему? — спросил Константин.

— Потому что глобализация, к которой мы никак не готовы, все равно наступает. Человечеству предстоит пережить ее. Но при ней не будет равенства, а значит, не каждый человек будет одинаково чувствовать себя патриотом Земли. Вот и все!

— Ты, Юрий, считаешь, что человечество движется к своему тупику? Зря! Этого никак не должно быть! — возразил Константин.

Юрий не ответил. Легонько оттолкнувшись руками, поднялся, словно вспорхнул с земли. И пошел, молча, к воде. Лицо его было сосредоточенно, будто он боялся сделать неверное движение, от которого очень многое зависело для всех нас.

«Странные люди окружают меня, — думал я. — Или они такие, какими и должны быть? Такими, какие они сейчас есть, делает их степь, вода, небо. По-другому, видимо, не может быть».

На реке многое воспринимается по-особому.

Вчера, когда в сумерках плыли под бездонным густым небом, показалось, что мерцающая серебристая дорожка реки — это магнитофонная лента и кто-то, кому подвластна река, нас всех слышит и фиксирует не только каждый разговор, но вздох, взгляд, мысль каждого из нас. Где этот магнитофон? Река — часть космического атрибута, и она служит таинственной цели? И оттуда, из Космоса, таких рек разбросано было когда-то много. Они охватили своими чуткими дорожками всю планету. И не известный мне собрат-землянин на далекой Миссисипи, и знаменитый артист со своей яхтой-домом, которого я встретил на Сене в Париже, все, кого я знаю из землян, все — дети Космоса, все подвластны небу? Кажется, кто-то иронично там, наверху, в Космосе, улыба-

ется: какой же русский не попадет в плен раздумий и воспоминаний на степной дороге или когда долго плывет по реке. Да и только ли русский подвластен этой душевной истоме?

Все уже было, было. Все было и прошло... Русский человек чувствует пронзительность этого чувства в пути. И какое сердце не тронет судьба русского человека на русских дорогах!

Но отчего такая щемящая грусть? Только ли от того, что все пройдет и тебя не будет? Будет такое же, но уже без тебя, с кем-то другим, который лучше тебя, полезнее, не только людям, но всему, что есть на Земле доброго. Только ли от этого? Отчего еще? Ведь еще отчего-то?

Почему светло на душе и так грустно?!

Слишком мало отпущено человеку жить? Не успевает он, суетливый, совершить задуманное? Не успевает понять самого себя?

Наконец-то что-то, кажется, понял, а на другое — времени уже нет. И близких, и современников, с кем некогда получил в награду этот мир, все меньше.

Или оттого, что человек мал и не в силах влиять на вселенский расклад?..

Россия и ее дорога? Ее будущее? Все это тоже зависит от этого бездонного неба? Непостижимой для человеческого ума бесконечности? Или только мы, плывущие сейчас по реке, идущие в тайге по бездорожью, мы, уставшие в июльской духоте от работы, удрученные безработицей, мы, сидящие в прохладных новеньких офисах, можем свершить спасительное дело для России, для Земли, где русскому человеку было дано так много. И так щедро!

Сколько нас, русских, на своей дороге, полегло, так и не поняв, что же уготовано нам. Полегло, не остудив душу, не ли-

шившись жгучего томного чувства дороги и себя на ней. А небо! Оно так же величаво и спокойно молчит, как и прежде... Или только так кажется? Может, где-то высоко в его глубине зреет нечто до времени, до своего космического срока? Ответ на все сразу.

* * *

В тот день на крутом берегу мы говорили с Юрием о многом.

...Уже после обеда, сидя у воды, он продолжал рассказывать о себе непринужденно и с какой-то даже легкостью:

— Павел Васильевич, отчим мой, был когда-то светлая, говорили, голова. Учился на физмате МГУ. Но сказанул что-то «нечто», и их пятерых, не дав доучиться, в тридцать седьмом отправили в Сибирь. Началась и кончилась война, а он там отбыл десять годков. Такой добряк был, а во хмелю буйствовал. Советскую власть называл сокрушителем всего человечества. «Обязательно вступай в партию, иначе пропадешь, — это его слова. — Власть такая все равно рухнет. Но когда еще, жизни твоей не хватит». Маленько не угадал отчим мой: дожил. Рухнула, но чтой-то тоже от этого невесело. Отчим спился и умер. Успел один раз только напоследок в Москву съездить. Там у него семья была: жена и сын. Приехал, мама рассказывала, черный весь — не захотел сын его признать.

— А мама, — спрашиваю, — она-то пожила?

— Она жила до восьмидесяти лет. У нас ведь в роду все крепкие были. Дед Егор — полный георгиевский кавалер. Дед Андрей был похож на него — под два метра ростом. Мама моя целительницей была. Ходили к ней женщины со своими болезнями. Она трав-

ницей была и меня научила сбору трав. Два раза на моих глазах чуть не погибла.

— В Сибири? — спрашиваю, — в тайге?

— Да нет. Была у нас еще в Бугуруслане коровенка Манюшка. Мама просила у директора мукомольного завода лошадь, чтобы привезти сено, а он не дал. Сено мама погрузила и повезла сама. Запряглась в рыдванку. Это было в сорок шестом году. Мне было-то всего с гулькин нос. Помогать всерьез не мог. На Кирюшинской горке рыдванка пошла враскат. Мама меня отшвырнула в сторону, сама бросила оглобли, но ее переехало. Раздробило обе ноги. Три месяца пролежала в больнице, выжила. Работала потом. Еще разок было такое, что вспоминать не хочется... Когда директором дворца культуры работал, вошло мне в голову, что детей надо воспитывать через этику и театр. Захотел и начал создавать «театрально-этические классы». Свободное обучение детей, понимаешь?

— Не очень, — признался я.

— Поверь, цель и способ были замечательными. Я потом узнал: оказывается, такая система была в Германии. Начали парткомы, профкомы меня заслушивать. Ринулись искать причину, по которой можно выгнать. Я и сейчас ершистый, а тогда был — не удержать! Написал Брежневу, Ильичу нашему дорогому. Прислали инспектора, долго ковырялись в чужом белье. По результатам проверки вывели: аморальное поведение. Вылетел с работы и уже больше культурой нигде не заведовал...

* * *

Когда день начинается общением с рекой, солнцем, землей, огнем, небом, на все начинаешь смотреть другими глазами.

Невольно становишься пленником окружающей воздушной, лесной стихии. И, конечно же, во главе всего — вода!

Ведь и по космогоническим преданиям, Земля возникла первоначально из воды в виде острова, известного под именем Буяна, на котором живут буйные, вечно деятельные силы, отцы и матери всего живущего.

В восточнославянской мифологии природы земля — женское существо. Мать-сыра земля, хлеборобица.

Любое деяние, связанное с оскорблением земли и материнства, с покушением на животворящую силу, было великим грехом; расплатой за святотатство могли быть болезни, природные бедствия, смерть.

Женскому образу Матери-земли соответствовал образ Неба-отца. Признак отцовства также надежно сохранен в славянских языках, фольклоре. Мать-земля и Небо-отец в славянском сознании — носители силы животворения. Дохристианское понятие святости, раздваиваясь в признаках мужского и женского, ведет к понятию священного брака.

Славяне придавали земле останки человека, рассматривая обряд погребения как возвращение в первородную стихию.

Наши предки считали Солнце всевидящим оком, которое строго присматривает за нравственностью людей, за соблюдением законов. А священным знаком Солнца с незапамятных времен был... крест! Прищурьтесь, глядя на Солнце, — и вы его увидите. Имен-

но поэтому христианский крест, так похожий на древнейший языческий символ, и прижился столь быстро на Руси.

Вода была для славянских язычников исконно доброй, дружественной стихией. Но, как и все стихии, требовала обращения с нею на «вы». Могла ведь и утопить, погубить ни за что. Могла потребовать жертв. Могла смыть деревню, поставленную «без спросу» у Водяного, поэтому Водяной часто и выступает в легендах существом враждебным человеку. Видимо, славяне, как опытные жители леса, заблудиться боялись все-таки меньше, чем утонуть, отчего и Водяной в сказаниях выглядит опаснее Лешего.

Душа истинно русского – христианка.

А вот такое еще есть: вчера, когда обедали, Костя, спохватившись, стал искать свой складной нож.

– Я же им только что хлеб резал, он должен здесь где-то быть.

Этот ножичек его я давно отметил: крепенький в ручке, толстенный такой, с двумя лезвиями и со всякими там приспособлениями – мечта любого мальчишки.

– Потерпи, поиграет и отдаст.

– Кто? – спрашивает Константин.

– А кто взял, – спокойно ответил Анатолий. – Он все время нас сопровождает... Он таких ножичков, наверное, еще не видел.

– Леший, что ли?! – восклицает Константин и озирается вокруг.

Анатолий в ответ только пожал плечами.

Через некоторое время свой ножичек Константин обнаружил под мешковиной, на которой была разложена наша провизия.

- Странно, - недоумевал Константин, - я же несколько раз там смотрел - ничего не было. И точно помню, что я его не складывал. А теперь он лежит смирно, свернувшись маленьким зверьком, поджался.

- То-то и оно, - веско и неопределенно высказывается Юрий, сам похожий на Лешего.

...Я вспомнил: в моем детстве, когда что-то пропадало, дед всегда посмеивался:

- Отдаст, погоди...

...А двумя днями раньше, когда Юрий стоял с удочкой у воды, я заметил, что он временами совсем не смотрит на поплавок. Я сказал ему об этом.

- А я нарочно не смотрю: стоит только отвернуться - рыба клюет. А так - нет.

Глава 12. Сорочинский переполох

Наконец-то волны попритухли, и мы решили отправиться через водохранилище к дамбе.

Было около семи часов вечера. Я накачал резиновый матрац и расстелил его на дне лодки. Когда только отчаливали, волна захлестнула через борт. С полведра воды оказалось в моей лодке. Начало не очень удачное.

Порой не плыли, а делали все возможное, чтобы нас не сносило назад.

Несмотря на то, что было пасмурно, жажда одолевала нестерпимо. Часто пили. Болели руки. Вторую перчатку мне дал из своего «нз» Константин. Не только ладони горели, болели фаланги пальцев. Часто приходилось на ходу их массировать, иначе они становились непослушными.

Наконец-то на левом берегу на фоне бордово-красного неба вначале появились мутные очертания города Сорочинска, а потом прямо по курсу – и угрюмая дамба.

Солнце, пока шли по водохранилищу, не показывалось. Рваный ветер и тучи, вот-вот готовые разразиться грозой либо сильным дождем, преследовали нас.

Но одно преимущество все же было: глубина и отсутствие коряг.

На всем протяжении нашего перехода никого на водохранилище не было. До берега в любой конец – не менее двух-трех километров.

Мы пробыли на воде пять часов. Крепыши Константин и Борис меня не беспокоили. Но как выдержит Юрий? Низкорослый и ху-

денький, его порой не видно из-за ярко-красного рюкзака в лодке.

Потом на берегу я узнал, что у него есть маленькие хитрости, которыми он продуманно пользуется. Он дозаправляется, так сказать, на ходу и постоянно. На рюкзаке, который лежит на носу лодки, он укрепляет мешочек со смесью очищенных семечек, сухариков, урюка, кураги и другой разной съедобной мелочи. А рядышком – термос с чаем из набора трав.

– Поклюю на ходу и не жу-жу, – пояснил он на следующее утро, когда мы были уже по ту сторону дамбы.

Я перенял этот опыт, и стало намного легче. Юрий выделил всем часть своего запаса. У него оказался увесистый мешок с этим «кормом».

...Со стороны большой воды подходящей площадки для ночлега не было. Кругом бетон. Решили перебраться на другую сторону дамбы и там переночевать.

Ночь была темная, сырая и малозвездная. Дамба освещалась тускло. Как гусеница, она растянулась от берега до берега.

Слив воды, хотя и небольшой, но был. Непривычный глухой шум стоял окрест. Споткнувшаяся об эту огромную бетонно-металлическую гусеницу, своевольная, степная, вечно юная Самара изменилась; ушло очарование, которое исходило от нее. Став огромной, потеряв на время свое имя и обретя непривычное, птичье – Сорочинское водохранилище, она стала похожа на старуху. Крепкую, устоявшуюся в своих капризах и нраве.

Машинный запах, тусклый свет, однообразный и нудный шум потока воды через слив, похожий на старческий голос, определен-

ность и размеренность взятой в рамки жизни — все было уже не то. Где-то там, на дне водохранилища, была река Самара. От нее шел свет. Русло ее, казалось, просвечивало из глубины, как солнечный лучик из детства в жизни старого человека.

...Откуда-то из тьмы появился Анатолий. Будто мы и не расставались, спросил:

— Вы еще не перенесли вещи?

— Да нет, вот собираемся, — отвечал Константин.

— А я две заплаты наложил днем, лодка моя теперь надежна.

Все, кроме Юрия, пошли за его снаряжением. Туда, где причалил немного левее нас Командор.

Костя не выдержал:

— Командор, все нормально было?

— Конечно. А что может быть ненормального? Лодка, правда, сдувалась. Раз пять подкачивал, а так — все в порядке. — Он говорил буднично и спокойно, наш Командор.

...Ночевали недалеко от дамбы, метрах в пятидесяти от слива — на песчаном берегу.

Ночью было холодно. Надел на себя все, что было с собой. Все равно не помогало. Сказывалось то, что многие вещи были мокрыми. И стоянка случилась в низине, где большая влажность. Мы это понимали еще вчера, но сил перетаскивать вещи дальше уже не было.

Около четырех часов утра стало невмоготу. Так промерз, что стучали зубы. Встал, нашарил в рюкзаке бутылку водки, с пугающей поспешностью сделал два глотка и быстро нырнул в спальный мешок.

Через некоторое время согрелся. Но спать уже не хотелось.

...Надоело лежать, и я вывалился из палатки. Было половина шестого. Самое любимое мною время на реке.

Туманная пелена покрывала воду. Река нехотя, разнеженно освобождалась ото сна.

Пройдя с десяток шагов, обнаружил чистый, прозрачный ручеек, выбивающийся из песчаной толщи в метре от воды. Тихо журча по мелким гольшам и крупному речному песку, сокрытый от посторонних глаз мелким камышом, течет малыш в большую реку умиротворенно и потаенно. Он словно иллюстрация к старинной мудрости: «проживи незаметно». Сколько таких родников-ручейков питают Самару на ее пути к величавой Волге! Тысячи? Наверное. И редко кому из них выпадает имя. Так вот живут они безымянными... в согласии с собой и своим предназначением.

...Я потрудился всего-то минут пять, сооружая на пути родничка углубление величиной с большую чашу, оставив выход к реке. В чаше тут же собралась таинственная, пришедшая неведомо откуда, из близко-далека ли, влага. Вначале она была мутноватая, но песчинки вскоре улеглись либо унеслись в большую воду. И вот уже родничок ясным своим оком глядит на меня. Глядит так, что я чувствую на себе взгляд всей притихшей, затуманенной округи. Все окрест будто решает: кто я и какой? Зачем я на этих берегах?

Пью прохладную воду из светлого бочажка. Ломит зубы. Из водички, когда нагибаюсь напиться, смотрит на меня, словно уже и не я, а другой, незнакомый мне человек.

...Когда вернулся к палатке, в котелке уже что-то булькало.

Я поторопился на дамбу. Хотелось посмотреть на Самару сверху при дневном освещении.

...С пеной и бурунами вырывается река из бетонного плена. Утробные звуки исчезают только метрах в пятидесяти ниже по течению от слива, превращаясь в синюю спокойную гладь. Вновь мне показалась степнячка-река ящерицей, ускользающей из случайного плена. Стало радостно и свободно на душе: то ли от высоты дамбы, позволившей увидеть шире и дальше окрест, то ли от моего наивного сравнения реки с ящерицей, которое веселило меня...

Я смотрел на реку, облокотившись на синенькую металлическую оградочку. За спиной шипела широкими волнами, лизавшими серый бетон, водная гладь. И она вновь показалась мне древней гневливой старухой, к которой все давно потеряли интерес. Так, очевидно, во мне протестовало мое «я» после того, как пришлось почти сутки ждать спокойной воды на высоком степном берегу.

...Я подошел к будке сторожа. Она оказалась заперта. Дежурного обнаружил у притопленной лодки за дамбой. Вычерпывая воду из лодки, он жаловался:

— Такая волна была эти дни, нахлестало... Редко так бывает...

Я постоял недолго и вскоре ушел.

Спускаясь по дамбе, спугнул невольно стайку голубей. Все разлетелись, а две пары, которые были чуть в сторонке, остались на месте. Им до меня не было дела — голуби целовались.

Одна голубка все отходила в сторону, но не улетала, и ее любовник клювиком настойчиво прорывался в ее изящный ротик. У другой пары было полное согласие: и он, и она самозабвенно це-

ловали друг друга. Ветерок сносил их с наклонной части дамбы, но они согласованно так, вместе, не разъединяя клювиков, карабкались наверх. Целовались страстно и продолжительно.

Этих целующихся на утренней заре голубей я долго потом помнил...

...В воскресный день на воде людно. Кто купается, кто рыбачит. Несколько раз спрашивал, что ловится. Показывали сорожку, подлещиков.

Течение реки плавное.

Миновали три моста: один низкий, понтонный, два автомобильных, высоких.

Чтобы избежать сумятицы в строю, которая была, когда подходили к Сорочинскому водохранилищу, договорились впредь держать на воде свой порядок: первым идет Юрий, он и не новичок в походе, и зрячий, вторым — Константин, третьим плыву я, а затем уж — Борис. Замыкает строй Командор. Условились — необходимые сведения по цепочке передавать ему. Последнее слово — за ним. Казалось бы, это разумно: рвущегося постоянно вперед Константина, у которого силенок и выносливости хватало постоянно рыскать взад-вперед, ставили в один ряд с нами. Желавшему лидировать Юрию мы определили место первого. Но управление движением оставляли за Анатолием, делая его более «зрячим» нашей информацией. Все наконец-то становилось по своим местам. Появилась слаженность в движении и некая стройность.

Так мы подошли к четвертому в тот день на нашем пути мосту. Место красивое: большой железобетонный мост, по обе стороны

песчаные берега. Много ребяташек. Кто ловит раков, кто балуется около воды. Течение под мостом стремительное и неровное.

Я ткнул нос лодки в камыши, метрах в тридцати от моста, намереваясь заменить пленку в фотоаппарате и запечатлеть момент прохождения под ним. То, что случилось в следующие минуты, ошеломило. Приблизившись к опоре метров на пять, Юрий почему-то остановился. Было видно, как он с трудом удерживает лодку в сторонке от рвущейся под мост стремнины.

В это время туда прямым ходом устремился Константин. И произошло странное: лодка вырвалась из-под него и в потоке ушла вниз по течению. Константин с фотоаппаратом на шее пропал в бурунах.

В следующее мгновение тоже самое произошло и с Юрием, с той лишь разницей, что лодка его, после того, как он оказался в воде, перевернулась.

Ничего не понимая, вижу, как под мост, захваченная быстрым течением, несется и лодка Бориса. Кричать бесполезно. Поток неудержимо влечет лодку.

Борис, очевидно, крепче всех сидел в суденышке: лодка на миг приостановилась на самом гребне потока. И тут же взмыла вверх, встав на «дыбки», как необъезженный или очень резвый жеребец. Седок выпал. А лодка, словно дельфин, вертикально, свечкой, зависла в воздухе.

Среди ребятни звучали непонятные крики. Бабий истошный голос панически и громко спросил:

— Что же вы делаете, ироды?

Мы подплыли с Анатолием ближе, и все стало ясно: между опорами моста в полуметре над водой ребяташки натянули толстую проволоку. Балуюсь, преодолевали по ней бурный поток.

Спокойно проплыв под соседним пролетом, где не было такого течения, мы причалили сразу же после моста.

Постепенно все, что можно было, выловили и сложили на берегу.

Константин недоумевал:

— Поток оказался очень сильным. Когда увидел в последний момент проволоку, схватился обеими руками за нее, стараясь приподнять над головой и поднырнуть под нее, но не получилось.

— А я и схватиться не смог, только лицо успел закрыть руками, — досадовал Юрий.

— Зачем же поплыл?

— Да удержать лодку не мог, утянуло течением.

Больше всех перепало Борису. Разумеется, он вообще не видел проволоки, которая пришлась ему поперек груди, и у него возникла сильная боль в ребрах, чуть ниже левого соска. Ему было трудно дышать, но пойти в город к врачу он не захотел.

— Ладно, — наконец соглашается и Анатолий. — Не надо ему ко врачу.

Я протестую: Сорочинск рядом, почему бы не сделать этого? Вопросительно смотрю на Командора.

Тот поясняет:

— На нем, как на собаке, все заживает.

Что оставалось делать? Я замолчал. Довод какой!..

— Я вынырнул, — нервно усмехаясь, говорил Юрий, — а они оба, котелки-то, плывут рядышком. Я хватить их — и на берег. Не пропадем теперь, есть в чем варить.

Он лихо забарабанил по дну котелка.

— А рюкзак, — спрашиваю, — как он цел остался?

— Привязан был к сиденью. У меня все привязано, кроме котелков этих. Все мокрое, но цело. Фотоаппарат жалко вот...

Намок цифровой аппарат и у Константина. Уплыла панама, которую я ему подарил перед походом.

У Юрия обнаруживаются на левой ноге два ушиба и кровоточащая ранка чуть выше щиколотки.

— Не помню, откуда они взялись, — сказал он, — в суматохе не почувствовал.

— Топорик! — вдруг восклицает Борис. — Топорик утонул! На дне лодки в тряпке лежал завернутый!

— Утонул? — повторил Юрий и начал хохотать. — Хорошо, что ты топориком ко дну не ушел! — И вновь залился смехом.

Вслед за ним все смеются. Кроме Бориса, ему непонятно, что с нами.

— Тут не достанешь топорик, — деловито сказал белобрысый пацан, один из подошедших поглазеть на нас. — Тута семь метров глубины, мы с Димкой зимой измеряли. Ямина такая...

Пока потерпевшие сушили вещи, мы с Анатолием пошли за хлебом в Сорочинск. Не спеша поднялись от речки на пологий берег и оказались на уютных затравевших улочках городка.

Не сразу нашли здание главпочтамта. Попробовал позвонить домашним. Ни жены, ни дочери дома не оказалось, пришлось зво-

нить в диспетчерскую одного из заводов, на котором я когда-то работал. Узнавший меня по голосу диспетчер пообещал передать домашним, что дела мои идут нормально. Это была вторая, после Гамалеевки, попытка сообщить о себе.

Нашли мы и хлебный магазинчик. Купили пять булок белого, а рядышком в колонке набрали три пятилитровых канистры. Струя воды била упруго.

— Радоваться надо: впервые такая вода! — говорил Анатолий, вытирая подолом длинной майки мокрое от пота лицо. И эта длинная майка на щупленькой фигурке, кепка с огромным козырьком, и остроносое лицо делали его похожим на маленькую бодренькую птичку. Скорее всего, на трясогузку.

Заслышав неожиданно напористый, часто с непререкаемыми интонациями голос, прохожие невольно поворачивались в его сторону.

Мы возвращались, и я жалел, что, находясь в этом новом для меня городе, так мало знаю о нем. И с этим ничего не поделаешь! Не просить же первого встречного рассказать о городе на улице в сорокаградусную жару.

«Прости нас, Сорочинск! Мы обязательно вернемся к тебе, не на «резинке», а посуху. И познакомимся ближе», — пообещал я мысленно. Невольно вспомнились похожие малые города, в которых бывал. Их я насчитал больше десятка. Восемь — в Самарской области: Жигулевск, Кинель, Октябрьск, Сызрань, Нефтегорск, Новокуйбышевск, Похвистнево, Чапаевск. Россия теперь одна из наиболее урбанизированных стран мира. Горожан у нас к концу XX века стало около семидесяти процентов. И половина живет в ма-

лых и средних городах. Эти города должны выжить и быть экономически самостоятельными. Если таковыми не станут, какое будущее ожидает Россию?

Если все роднички, питающие реку Самару, начнут пересыхать, что станет с моей рекой? Ответ очевиден.

Глава 13. Волчья падь

Мы отплыли километра два вниз по течению от злополучного моста и остановились на правом берегу на ночлег. Расстелили и развесили непросохшие вещи. Живописная это была картинка.

Наскоро поев картошки с рыбными консервами, стали укладываться. Поглядывали невольно на шумливую группу разбитных молодых ребят, приехавших на двух ЗИЛах на реку купаться. Перспектива остаться без вещей и лодок не устраивала.

Где-то около двух часов ночи шумной компании не стало, а под утро начался сильный дождь. Все, что до того высохло, к рассвету оказалось вновь мокрым.

Меня удивило спокойствие спутников, с которым было принято это обстоятельство. Решили: пока все не высохнет, с места не трогаться. Сушиться так сушиться! Но ведь наше-то с Анатолием имущество все сухое. Целый день сидеть на якоре?

Я подошел к Юрию, и мы начали поочередно выжимать вещи. Расстилали их тут же у лодки. У него оказалось с собой несколько записных книжек и тетрадей. Некоторые, несмотря на то, что были в полиэтиленовых мешочках, промокли, и написанное покрывалось чернильными разводами.

— Что это? — спросил я, взяв толстую тетрадь.

— Мои стихи. Я ими изваракал* три таких тетрадки.

— Можно почитать? — спросил я.

— Читай, раз взял, — как мне показалось, нарочито небрежно обронил Юрий.

Я отошел под развесистую ветлу и в тени ее раскрыл тетрадь.

* изваракать — измарать, понаписать

Странно. Живой и изобретательный в жизни, Юрий в стихах оказался скован и однообразен. Большею частью в них – о том, как было худо до перестройки и как стало еще хуже после нее. Природы нет вообще. Лиризма нет. Зачастую и рифм не было. Но все написано аккуратными столбцами. Как бы выпестовано на бумаге красивым, уверенным почерком.

Нашел я две живые строки на всю тетрадь:

*А для меня мое Кукушкино,
Как когда-то Болдино для Пушкина.*

Мне стало скучновато с толстой тетрадью наедине. И тут в разложенной подмоченной «библиотеке» я увидел крохотную книжечку, величиной не более чем в четыре спичечных коробка. На супер-обложке ее зрела высокая рожь и разнеженная от полуденного марева дорога, делая крутой изгиб, ныряла в золотое море.

– Бунин?! – удивленно и радостно прочел я вслух.

– Да, Бунин, – ответил Юрий. – И нисколечко не намок!

Я взял сборничек, и с первой же страницы пахнуло волшебством:

*И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?».*

*И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.*

Я посмотрел на дату под стихотворением – 14 июля 1918 года.

Боже мой, более восьмидесяти лет назад, в лихие для Отечества дни, оглушившие Россию и надолго вперед, поэту дано было так слышать живую душу природы.

Я подошел к реке. Она тотчас приняла мою тень и вода ее, приветливая и светлая, поманила ступить босыми ногами на мягкое дно. Тут же почувствовал чьи-то прикосновения легкие к ногам. Пошевелил пальцами песок и прикосновений стало больше. Нагнувшись, легко различил стайку бойких пескарей, промышлявших на мели. Река купалась в утреннем свете. Вокруг была бездна света. Сияние чистых и светлых красок.

«Любовь, способная преобразить человека и приблизить его к Богу, спасет мир», — эта мысль всплыла во мне неожиданно, казалось, безо всякой связи с чем-либо.

— Любовь спасет, — вслух сказал я и непроизвольно оглянулся.

Юрий копался в своих мокрых бумагах, а Константин стоял вполборота ко мне и просветленно смотрел на реку. Показалось, что он меня услышал. Иначе почему так улыбнулся?

Я вспомнил, как убежденно говорил он в прошлый раз о том, что скоро человечество подойдет к такому этапу своего развития, когда любовь к Богу осветит и дела, и жизнь человека особым светом. И этот светоносная эпоха изменит планету. Он тоже думал об этом. Он постоянно думал, поэтому и услышал меня. Мне было радостно за него...

Я вернулся в тень могучей ветлы. От крупной, растрескавшейся ее коры шло тепло.

* * *

В отличие от Юрия, постоянно готового пофилософствовать, Анатолий в своих рассказах чаще всего поучает. Говорит только о том, что сам испытал.

— В прошлом году во время ночевки около Волчьей пади под Николаевкой к нам на огонек заглянули волки, колонизировавшие тутошний лесок, — проговорил Командор. — Бывалый Боря, наплевав на такое соседство, выдавал в палатке храпака. Юра, беспокойно наблюдая за мечущимися темными силуэтами, выкладывал круг из пылающих головней.

Я смотрю на Юру. Он, кажется, не слушает Командора.

— Будучи уверенным в миролюбии серых лохмачей, достал из сумки горбушку хлеба и вытянул наудачу. Парочка непрощенных гостей, прохаживаясь рядом, усиленно пыхтела носами. Я подогревал их уговорами: «Волчок, не робей».

Я вновь смотрю на Юру вопросительно. Похоже, Командор привирает. Но тот молчит.

— А Юра, — спрашиваю, — что делал в это время?

— Дрожал, убежденный, что хищники предпочтут хлебу сырое мясо, — последовал ответ. — Наконец-то любопытство туземцев пересилило недоверие, — продолжал Командор. — Подношение было принято, и в кустах зачавкали...

— А где же эта Волчья падь? — поинтересовался я.

— Скоро будет, недалеко от Николаевки.

Мне хотелось увидеть волков.

...Позже у костра Юрий рассказывал нам свои «бывальщины».

— Волк — зверь особый, а вот медведь — глупейшее животное. Добывать его легко. Многим охотникам, которых знал в детстве в

Сибири, это даже было неинтересно. Волка добыть – совсем другое дело.

– Потому-то ты головешками и обкладывался, чтоб подальше от интереса быть? – сказал Константин.

– Просто знаю, что с голоду волки могут напасть и на человека, а если зверь бешеный, тем более, – спокойно возразил Юрий. – Я знал одного волчатника, который не стрелял волков, а душил их.

– Да ладно, – Константин удивленно смотрит на Юрия. – Ведь волки бывают иногда до восьмидесяти килограммов, а в среднем около пятидесяти. Если такой зверь бьет передними лапами в прыжке – человек не устоит на ногах.

– Во всяком деле есть тонкость. Авдей бил палкой волка по самому кончику носа, где у серого больное место, и пока тот был в болевом шоке, бросался на него и душил своими лапищами. Шкура такого зверя совершенно целехонька! Охота на волка – дело иногда изнурительное. Большие клыки и мощные челюсти позволяют ему умертвить даже таких крупных животных, как взрослый лось или лошадь. За сутки зверь перемещается на десятки километров. И он может оставаться по нескольку дней без пищи. Умный. Я видел проволоку у капканов, раскрученную волками. Когда волк отравится, отрывает пищу и промывает желудок в речке.

Однажды в березовом лесу мы с дедом видели волка. Я удивился: он был похож на обычную собаку. Хвост у него был большой и почти прямой. Я видел, как он смотрел на нас. После этого взгляда ни с какой собакой волка я уже спутать не могу.

Дня через три тогда, после встречи с волком, дед и мама уехали в село. Меня оставили на сенокосном стане одного. Всего на один день. Мама должна была остаться дома, а дед – вернуться.

Дед накануне, когда ложились спать под рыдванкой, сказал:

– Мы уедем рано утречком на Сером, а тебе в охрану оставим Карего. Ружье под сеном в рыдванке. Там в стволе два патрона, один можешь в сороку пальнуть. Спи, не волнуйся. Всем ехать на двух подводах или одну оставлять без присмотра не резон.

«А как же с волком?» – хотелось спросить мне. Но я так и не решился, подумают, что трус. Ведь и так все сказано: ружье и мерин Карий будут со мной. Чего еще?

...Я проснулся, когда было уже светло.

К утру прошел небольшой дождь. Я лежал под рыдваном с сеном, укрытый огромным тулупом. Дождь мне был не страшен.

«Все уже кругом проснулось, – подумал я. Тут же кольнула мысль: – И волк, наверное, где-то здесь рядом».

Редкие капли дождя падали на мой тулуп, из-под которого не хотелось выбираться. Казалось, он – неприступная защита. Наружу торчала только моя голова.

Синичка спорхнула с ветки краснотала и села на мокрый тулуп. Я перестал моргать, руки мои были под тулупом. Синичка с любопытством посмотрела на меня и затенькала свое.

«Пусть она подумает, что я какое-нибудь дерево, а то рас-
трезвонит, что тут живой мальчишка. Волк услышит, – подумал я.

Они тут в лесу заодно все. И птицы, и звери. Не дам себя объе-
мелить*!»

Синичка прыгала-прыгала и припрыгала почти к самому моему
носу, мне даже плохо стало видеть все остальное.

«А вдруг в это время волк крадется? — мелькнула мысль. — А
что, если клюнет птичка в глаз, да еще в правый? — заволновал-
ся я. — Стрелять как потом буду?»

Я незаметно набрал в легкие воздуха и сильно дунул на сини-
цу — она испуганно метнулась в сторону.

— Так-то вас, лазутчиков, учить надо, — сказал я вслух, сам
уже поверив, что птичка может быть разведчицей. Мои десять лет
заставляли меня быть проникательным. Не маленький.

Я вылез из-под тулупа, достал нож, отрезал кусок соленого
желтого сала и водрузил его на горбушку хлеба. Дождя уже не
было. Природа ликовала. Омытые дождем посвежевшие таловые ку-
сты, осиновые и березовые колки вокруг и остроконечная гряда
темного сосняка вдали — все было обласкано утренним солнцем.
Радоваться бы...

Но мешало присутствие волка где-то в лесу...

А тут еще начал кричать неугомонный дергач. Однообразие
дергачьих звуков в уреме подтолкнуло меня к действиям.

Хотя я и знал, что это кричит маленькая, серая, безобидная
птица, становилось не по себе. Почему она так по-особенному
сейчас кричит? Долго и нервно.

Я нашарил приклад и достал из рыдвана двустволку.

* объементировать — облапошить

«Дед, наверное, не знает, что я еще ни разу не стрелял. Он думает, мне дядька Сергей или Алексей давали...»

С большим трудом, налегая ладонью, взвел правый курок.

«Пусть сунется зверюга, попробует...»

И тут возник вопрос: на какой спусковой крючок нажимать? Ведь можно потерять время. Нажмешь на один, а взведен другой. Не долго думая, я взвел и второй курок.

Послышался топот. Это явился стреноженный Карий.

«Странно, он хочет что-то сказать?»

Мерин мотал головой, будто соглашаясь с моими мыслями.

Я подошел, глаза его были облеплены мошкаррой, а на лбу сидели три большущих слепня.

...Полведра воды, которое я ему дал, он выпил в один миг и, кажется, успокоился.

Стало скучно и захотелось стрельнуть, тем более, в осиннике стрекотали сороки. Я пошел к леску.

Но птицы оказывались проворнее, они не подпускали близко. Перелетали с одного дерева на другое. Я обошел три колка и не мог выстрелить. Наконец, смекнув, как надо действовать, оборудовал лежанку недалеко от двух высоких осинок и стал, схоронившись, ждать.

...Пока жал на тугой спусковой крючок, сорока вспорхнула. Я дернулся, приподняв ружье с кочки, и сорока удалилась невредимой. Промах не обескуражил. Чуть побаливало плечо от дернувшегося приклада при выстреле, но разве это – главное?

Второй патрон решил беречь, так ведь определил и мой дед. Снова захотелось есть, и я пошел к стану. В котелке должна была быть картошка «в мундире».

Когда прибыл дед, я спал.

— А я был у Янина в гостях в Крепости. Они передали тебе творог и молоко. Прямо из погреба, все еще холодное. Будешь? — говорил он. Осмотрев ружье, спокойно спустил курок.

— Буду, — обрадовался я.

— Ты в миску положи творог, налей молока и кроши хлеба, с моченками веселей хлебать будет...

— Знаю, — отозвался я, — это не сало резиновое есть.

— Вот-вот, — согласился дед. — А волк-то, чать, не приходил? — спросил дед то ли в шутку, то ли всерьез. — Пальнул-то в кого?

— Нет, не приходил, — подтвердил я, гремя бидончиком и кастрюлей у фургона, — в сороку промазал.

— Сорока — не волк, в нее трудно попасть, — определил дед. — А волк правильно сделал, что не приходил, ему бы не поздоровилось, — сказал дед уже из-за кустов, куда он повел Серого. Было непонятно: всерьез он говорит или так...

— Известное дело, — согласился я.

Было слышно, как дед засмеялся.

Мне тоже стало весело. У кого еще есть такой дед?!

Глава 14. Под Николаевкой

...Место, которое Анатолий назвал Волчьей падью, – большая низина, окаймленная рекой и лесом. Под косогором большие и ухоженные огороды. Недалеко село.

Пошли туда за водой. Напротив колонки возводят дом. Газ уже подведен. Все делается добротнo, с размахом. И туалет, и ванная уже готовы. Люди строятся! Значит, верят в будущую жизнь.

После приветствия спрашиваю:

– Кто сейчас в селе живет?

– Приезжие, – отвечает чернявый. – Местные все повымерли давно.

– А где вы работаете?

– Нигде, где здесь работать? Огороды, скотина – вот вся работа.

– Значит, все-таки есть, чем жить?

– Летом еще можно, а зимой кормить скотину нечем, – это говорит, не поднимая головы, тот, который внизу, широкоплечий здоровяк.

– Как так? – удивляюсь я.

– Так вот, – неопределенно отвечает чернявый.

– А молодежь-то есть? – все еще недоуменно глядя на собеседников, продолжаю спрашивать я.

– Молодежь есть, – отвечает чернявый, – вечером появляются, а днем больше пьют.

– Кругом такая травища, – говорит вполголоса Анатолий, – а им нечем скотину кормить, чудно. – Помолчал и добавил: – При-

езжие. Не умеют жить крестьянской жизнью. Не обучены с детства. Цены не знают тому, что вокруг.

Появился Константин с пучком лука. Оказывается, он уже и молока в соседях попил, и поговорил, с кем мог.

Мы забрали канистры с водой и пошли вниз к реке.

«Деда бы моего сюда, — думал я. — Он бы развернулся».

...Светлей на душе стало, когда у самой воды встретили деловитого начальнику. Одет в синенькую маечку и короткие штаны, одна из штанин порвана по шву.

— Приезжий? — спросил я с ходу.

— Какой приезжий? — не понял рыбачок.

— Ну, ты откуда?

— Живу тута.

— В школе учишься? — поинтересовался Константин.

— В первом классе.

— Звать-то как? — спросил Командор, удивленно глядя, как мальчишка ловко вынул из воды небольшой экранчик из сетки, где трепыхались сорожка и рак.

— Митя, — подозрительно поглядывая снизу вверх, отвечал тот.

— Ты не бойся, мы у тебя ничего не отберем, — поторопился я его успокоить.

— А я и не боюсь. Много вас тут туристов всяких...

— В классе-то твоём сколько ребят?

Он посмотрел на меня в упор большими синими глазами, и я поймал себя на том, что у меня ощущение, будто разговариваю не с мальчишкой, а сразу со всем меня окружающим здешним миром. В

этих глазах отразилось и соединилось, кажется, все живущее окрест. И он – маленький, но полномочный представитель всего. И никак нельзя обидеть его.

– С девчонками вместе одиннадцать.

Не обращая внимания на наши удивленные лица, поднял проворно из травы второй экранчик с крупным карасем-сивачом и зашагал независимо по тропинке вверх.

– Ничего себе, – удивился Константин. – Мы бреднем ночью бродили – три сорожки поймали, а он, как в магазине...

...Митька, Митька! Такое чувство, будто мы не так говорили с тобой? Или совсем не о том говорили...

* * *

Ночью мы с Константином рыбачили бреднем под Николаевкой на хорошем таком, облюбованном с вечера песчаном мыске, а вернее, небольшой недоткой. Поймали всего ничего: одного рака, окуня и трех сорожек. Уже сидя у костра, много позже, слышали, как шумел на отмели быстрый стайный подуст. Но лезть вновь в воду уже не хотелось.

Добычу я использовал в качестве живцов, и пять донок на том берегу простояли всю ночь.

Когда рыбачили, было холодно до дрожи. Даже голова мерзла. Потому, очевидно, и не выспались. Результат: утром Константин оступился в лодке и упал в воду, уронив туда второй свой фотоаппарат.

Такие мы имели обретения и потери у Волчьей пади.

Утром проверил донки – выпала удача: на рака взял голавль. Небольшой, около килограмма весом, но так радостно было на не-

го смотреть. Не подвела меня интуиция: все донки были поставлены в одном месте, у обрывистого берега, с расчетом поймать сома. Но попался голавль. На какую только наживку ни ловили мы голавля в детстве! Но чаще всего – на рака и майского жука, лягушат, рыбку и навозных червей. Теперь я знаю: он берет и на хлеб, зерна пшеницы, риса, гороха, на вареный картофель, кузнечиков, пиявок, мучного червя, сыр. За границей, я слышал, ловят голавля даже на вишню. Одно слово – заграница!

Обычно голавль, став добычей, неистовствует, мечется на удочке в разные стороны. На поверхности воды он, как молния.

Но «мой» голавль, очевидно, попался давно и уже притомился. Леска была толстая, так что я удачно вытащил добычу.

Правда, в самый последний момент он показал норы. Голавль упорно и долго держался на дне, я же не спеша, но настойчиво понуждал его выплывать. И вдруг он ходко пошел со дна прямо на лодку и через секунды оказался у самого борта так близко, что мне еле удалось вовремя задействовать сачок.

...До чего же красив голавль! Он пружинисто бьется рядом на мокром песке, и мои спутники смотрят на рыбу. Спина у него темно-зеленого цвета, почти черная. Его бока с серебристым и желтоватым оттенками в детстве нас, мальчишек, гипнотизировали. Мы часто наблюдали стайки голавлей либо с крутого берега, либо с моста.

– Смотрите, у этого красавца края чешуек оттенены мерцающей темной каймой из черных точек. Грудные плавники – оранжевые, а брюшные – красноватые. Франт!

Мы все смотрели, как Юрий водит пальцем по притихшей рыбине. Рыба смотрит на нас большим, блестящим, с буровато-зеленым пятном сверху глазом.

Юрий уже выстраивает свою аналогию исторического свойства. Просто так ему скучно:

— Знаете, — говорит он, постукивая остороженько ноготком указательного пальца по широкому лбу голавля, — когда-то, кажется, в шестнадцатом веке, жил один император. Он так восторгался природой! Так любил ловить рыбу удочками, что при первой возможности убегал из роскошных хором и ночевал в шалаше на берегу реки. Я его ой как понимаю!

— Конечно, — соглашается Константин. — Чего там сидеть во дворце среди сундуков с добром? Одной моли и пыли — не прочи-хаешься.

— Да подожди ты, — продолжает Юрий. — Дай самое главное сказать.

Голавль, резво толкнувшись, видимо, из последних сил, подпрыгнул и упал Анатолию под ноги. Тот ласково, ладошкой, стал поглаживать его.

— Вот этот император, как только ему попадалась рыба, легонько снимал ее с крючка, вешал на грудные плавники жемчужное ожерелье и отпускал обратно в воду. Ни разу не обошел дорогим подарком ни одной рыбы, — продолжал Юрий.

— Мамаши с папашкой у этого императора не было, но жена-то была? — спросил Константин.

— Ты о чем? — поинтересовался рассказчик.

— Как — о чем? Деньги на ветер, вернее, в воду бросал правитель твой. А у него дети, подданные... Он — разоритель империи.

— Да у него богатство было немеренное. В сундуках жемчуга было больше, чем зерна в закромах.

— А-а, так бы и сказал...

— Я тебе, голова, о чем толкую? О том, что император не заврался, не загордился, что он такой всемогущий. Он считал, что самая магическая сила на земле — красота озер, рек, морей. Рыба — олицетворение совершенства и гармонии.

— Давай, Юра, — ласково начал Константин, — давай твои часики с браслетом пристроим голавлику нашему на туловище и пустим в водичку-то. Пусть потикают. Они водонепроницаемые?

— Костя, ну что ты, ей-Богу? Ну, нету же у Юры такого, чтобы сундуки дома были набиты часиками и браслетами. Ты его с кем-то путаешь, — возразил Анатолий.

...В это утро собирались долго. В десятом часу наконец-то отчалили... Встреча с волками не состоялась. Не было волков.

— Значит, в следующий раз, — пообещал Командор, но мне почему-то слабо верилось в его обещание.

Прошли металлический мост. Очень низкий. С трудом протиснулись под железным настилом. Миновали по правую руку приток Самары — Малый Уран. Где-то у села Тоцкое должна впадать речушка Сорочка. Мы ее ждали, но проскочили, не заметив...

* * *

...Кроме волка, мне давно хотелось увидеть дрофу и стрепета. Дрофу я один раз видел в детстве: мой старший дядька Алексей добывал ее. Однажды я пришел из школы и увидел огромную

птицу, лежавшую посреди комнаты на полу. Меня поразили ее размеры и, помню, большие желтые зрачки. Странные были у этой птицы ноги: толстые, со светло-серыми чешуйками и на каждой ноге – всего по три пальца.

А стрепета я никогда не видел, хотя много слышал об этой птице.

На нашей улице напротив дома деда, «на том порядке», жила многочисленная семья рыбаков, мужчин в ней всех звали «стрепетками». Настолько они были шустрые, быстрые на подъем, проворные, своеобразные и заразительные во всех делах, что я заочно полюбил эту птицу. Когда у нас на селе говорили, «как стрепеток», эта характеристика была самой исчерпывающей. Уже поумирали все из того старого поколения «стрепетков». Кроме одного, самого бойкого и неудержимого – Сашки-«стрепетка». А я все никак не увижу птицу, от которой пошло прозвище этой семьи.

Глава 15. Такая дорога — река

— Вечером я еще от усталости засыпаю, а под утро просыпаюсь и не могу лежать в своей лодке, — жалуется Константин.

Он стоит посередине нашего стана. Озираясь, смотрит на поляну, покрытую белесым плотным туманом.

— Я тоже плохо сплю. В прежних походах было нормально, — отзывается Юрий, снимая полиэтиленовое покрывало, которое растяжками каждый вечер громоздит над своей лодкой перед сном.

— Со мной впервые такое, понимаешь? Здесь, у речки, такая влажность. Все разморено. Под утро туман, истома. Я чувствую, как все вокруг шевелится. Вокруг меня, под моей лодкой, вообще везде в земле миллиарды всяких растений рвутся на свет Божий. Я лежу на беременной земле! Земля постоянно беременна, каждый час и миг! Мне ночью вчера показалось, что растения, как бамбук, через меня пройдут и вырастут над головой. У Земли неудержимая силища! Она все может. Сегодня приснилось, будто через меня проросли огромные подсолнухи. И, наклонив надо мной конопатые лица, смотрят: как я? А я распят на земле в своей лодке и не могу пошевелиться. Сказать слово не могу. Вылез из лодки. В глазах — мерцание. То ли от голов подсолнечных, то ли от вчерашнего солнца. Напекло. Земля дает жизнь всему! А я, человек, будто ей стал помехой. У меня с головой что-то не то, а?

Константин замолкает.

— Не у тебя одного, — тихо и спокойно отозвался Юрий. — У нас у всех с головой что-то не то. Земля и Небо не знают, что

с нами делать. И давно уже не знают. Я часто думаю о нас, русских... и вообще о человеке...

— Ты поэт, Юра, — отозвался Константин. — Порой эпически недосыгаемо мыслишь. С моей-то теперешней головой не понять.

— Как раз сейчас поэт — ты, а я — угрюмый, увы, свидетель.

— Что же ты свидетельствуешь?

— Не о нас одних речь. Человечеству давно пора одуматься. Оно может распять самого себя. Давно знаки подаются!

Я выглядываю в сетчатое оконце палатки и смотрю на говорящих. Странно слышать такой диалог утром на затерянном, вытоптанном пятачке у безмятежно журчащей под боком речки.

— Мне кажется, что я сплю на костях покойников. — Юрий сел на дно лодки, опустил руки, и его распухшее лицо дернулось. — Вообрази: сколько их, когда-то живших на земле, лежат теперь в ней! Кто-нибудь скажет? Вся земля скоро станет единым человеческим прахом. Может, от этого из нее и прет так все, что она удобрена нами?

Константин, диковато скосив на него взгляд, прохрипел:

— Что ты говоришь?

— А то, что ты ворочаешься на ростках и побегах Земли, а я — на черепах. Мне они спать не дают. А иногда они начинают шевелиться подо мной, лодка тогда скрипы издает...

— Все, хватит! — Командор поднял край пленки и выглянул на свет. — Дальше некуда! Юрий, шагай за дровами, Константин — за водой! Будем ставить нашу любимую гречневую кашу. — Он вылез из лодки, олицетворяя полное воплощение самой деловитости, и

направился к моей палатке. — Подъем, ребята! Подъем! Юрий объявил всемирный потоп! Спасаться надо...

* * *

Полдень. Жара нестерпимая. На воде еще сносно. Но как только выходишь на берег, тем более, если отправляешься за водой или за хлебом — невыносимо. Рыбаки на берегу сказали, что на солнце днем плюс сорок пять.

Помню, в детстве, сколько бы работы ни было, родители в полдень стремились пережить жару в доме, в своей саманной избе, с занавешенными темными полушалками и одеялами окнами. Толстенные саманные стены держали прохладу отменно. Обычно спали на полу. Так делали многие в селе.

Было у древних славян особое мифическое существо, которое строго присматривало, чтобы в полдень никто не работал. Это Полудица. Ее представляли девушкой в длинной белой рубашке. Или наоборот — косматой страшной старухой. Полудицы побаивались: ведь за несоблюдение обычая она могла наказать жестоко. Теперь это называется солнечным ударом.

Мы же в самую жаркую пору дня нередко в темных костюмах, белых рубашках и галстуках паримся на совещаниях, маемся в автомобилях на раскаленном асфальте бесконечных дорог... Трудовые будни наши нескончаемы. И никакая Полудица нас не пугает. А большинство из нас о ней, Полудице, не знает. И она махнула на нас рукой. Не наказывать же всех солнечным ударом.

* * *

Сегодня впервые за весь поход мы видели Юрия крайне растерянным. Даже в шторм на Сорочинском водохранилище он был не таким. Правда, это длилось очень недолго.

Вздумалось Юрию, пока мы возились с обедом, опробовать новый спиннинг. Он нацепил небольшую, сантиметров пять длиной, желтую блесну и выехал на «резинке» на середину Самары.

Место действительно попало хорошее: и немелкое, и течение приличное. Но ведь коряжины торчали, хотя и нечасто, но внушительные. Да и на жару, какое блеснение?

Вдруг мы услышали шум и увидели редкую картину: Юрий, встав в лодке, с трудом удерживал спиннинг. Очевидно, большая рыбина, не поднимаясь на поверхность, ходила вокруг лодки. Течение, коряги — все против Юрия. Мгновение, и борьба может кончиться плачевно, добычу из-под коряги уже не достанешь.

— Гребь на мель, к нашему берегу! — кричит Константин. — Упустишь!

— Да как я ее? Не осиливаю. И ничего не могу делать — руки заняты.

Поведение рыбы было странным: она не шла прямо на лодку, не выпрыгивала из воды, пытаясь освободиться от тройника. Она делала круги. Будто хотела раскрутить лодку и пустить по течению юлой.

— Я не знаю, что с ней делать. Она не подходит! — взмолился Юрий. — Ее не стянешь с орбиты!

Константин бросился к своей лодке, а мы застыли на берегу в ожидании развязки.

Лодка с Юрием была уже значительно ниже по течению, когда Константин на буксире потащил ее на отмель.

Когда мы подошли, все стало понятным. Юрий поймал на блесну судачка, в общем-то и небольшого для такого переполоха. Но блесна зацепила рыбину за спинной плавник. Потому-то судак и тащил по кругу. И оттого его невозможно было заставить идти к лодке.

— Этот килограмма на два. А если бы за плавник зацепился раза в три крупнее? — рассуждал Юрий.

Он был доволен рыбалкой. Случай-то какой редкий! О нем теперь можно так рассказать! И, главное, есть свидетели. Для рыбака это весьма важно.

* * *

На привале, глядя на стайку бегающих по мокрому песчаному мыску куличиков и трясогузку, Константин спохватился:

— Ребята, а где воробьи?

Вопрос застал врасплох.

— Зачем тебе они? — откликнулся Анатолий.

— Ну, как — зачем? Непривычно же. В городе они все время рядом. Привык. У меня жена на балконе цветы разводит, так они постоянно там. Я чирикаю, они отзываются. В городах — воробей домовый. Здесь, я полагал, будет полевой. Слышал о таком, но не видел.

— Полевой воробей — франтоватая птица, — отозвался Юрий. — Наряд куда изящней, оперенье более нежных оттенков. Но ни тот, ни другой долго в неволе не живут. Домовый воробей сильнее,

чем какая-либо иная птица, дичится людей. Это одна из самых осторожных птиц, и поймать ее очень трудно.

— Воробьи, особенно домовые, — вступил в разговор Анатолий, — по воле человека оказались под угрозой исчезновения. Это случилось, когда появился автомобиль, а воробьи очень зависели от лошадей.

— Как это? Я не очень понимаю, — спросил Константин.

— Очень просто. Если точнее, то не от лошадей зависели, а от конского навоза. Лошадей ведь чаще всего кормили овсом, который полностью никогда не усваивался. Вот его-то и использовали воробьи в пищу по всем городам России и весям. Не стало гужевого транспорта — не стало привычного корма для птицы нашей. Но воробьи пережили-таки нашествие автомобиля. Стали питаться другим кормом.

— За воробьями интересно наблюдать, — проговорил Константин с детской улыбкой, — и в городе на балконе, и на даче. Если даже бывает он жестоко бит, все равно не покоряется сильному противнику. Настоящих драк из-за корма меж воробьев не бывает. Если добыча по силам, воробей с ней улетает. И за ним, как это бывает у ворон, никто не гонится. Никто из сородичей не отнимает добычу у воробья, если он держит ее в клюве. Когда воробей найдет много корма, то не спешит сам наклеваться. Он полетит за своими. У меня на даче многие синички клюют крошки с руки. Ни один воробей не позволяет себе этого. Не из-за трусости. Из осторожности.

— Когда-то на североамериканском континенте вообще не было воробьев, — сказал Юрий, — и новые жители Америки страшно го-

ревали по ним до тех пор, пока не привезли несколько пар из Старого Света и не выпустили на волю. Воробьи, как и новые люди, обжили континент. Все встало на свои места.

Глава 16. Косуля под Тоцком

Переночевав метрах в трехстах от моста у поселка Тоцкое, мы проснулись рано. Но собирались вяло. Наконец-то поплыли.

Течение очень медленное. По берегам – нависшие деревья, в основном ольха, ветла. Местами деревья так закрывают реку, что на воде нет солнечных лучей. Почти смыкающиеся ветки образуют сверху живую галерею. Командор называет это место «Зеленые гроты».

В этой своеобразной трубе, состоящей из воды, берегов и деревьев, когда идет встречный ветер, начинаешь плыть в обратную сторону, если прекращаешь работать веслами. Чувствуешь себя пыжом в стволе какого-то огромного воздушного ружья. Руки устали, а вода кажется тяжелой, будто добавлен в нее жидкий свинец.

Собравшись в лодочный круг, стали обсуждать, как лучше поступить. Получалось, что я опаздываю на завод дня на три. Единственный выход – налечь на весла, что мы и сделали. Решили: с целью экономии времени без особой надобности на берег не выходить.

После военного городка Тоцкое-2 по берегам частенько сидят рыбаки. Река стала здесь намного шире, гроты зеленые исчезли. Вода легкая и ласковая.

Моего отчима и многих его сверстников, наших односельчан, на фронт забирали из Тоцких лагерей. Там они проходили подготовку.

Две части человечества, противоборствуя меж собой, мимоходом калечили планету Земля и мою светлую родину.

Столько уже лет прошло с того дня, 14 сентября 1954 года, когда здесь испытывали атомную бомбу. Повинится ли человек перед природой-матушкой? Ведь он большой ее должник.

Не случится ли так, что Земля когда-нибудь не выдержит присутствия на ней человека?..

...Напротив зашумели, и на берег из кустов вышли солдаты и два офицера. У одного в руках была развернутая карта. Видимо, шли какие-то учения.

Солдаты гурьбой подошли к самому краю обрыва и стали смотреть на слепящую от солнца реку.

— Помочь чем? — крикнул один из них, обращаясь к Анатолию, возившемуся у воды со своим снаряжением.

— Да нет, спасибо, — ответил тот.

— А откуда плывете?

— От Оренбурга почти.

Его ответ привлек всеобщее внимание. Молодые загорелые лица повернулись и с любопытством стали нас рассматривать. Один из солдат бесцеремонно начал наводить на нас бинокль.

Вскоре они как-то быстро растворились в густой лесной зелени.

Чуть позже, метров пятьдесят ниже по реке, поднявшись на берег, я наткнулся на козулю. Ее не испугали ни военные, ни мы. Она стояла за черемуховыми зарослями. Какой-то миг это трогательное грациозное создание удивленно смотрело на меня, не пугаясь.

Здесь, под Тоцком, особенно остро чувствуешь незащищенность всего живого. И глаз отмечает живые подробности каждого существа.

...Тонкие и длинные ноги, высокая шея, небольшая изящная голова — все в этом животном завораживает взгляд.

Косуля любит тепло. Очевидно, здесь, в заветрии, у нее была лежка.

Я пошевелился, и косуля — это была самка — бесшумно скрылась в кустах. У самок рогов нет, поэтому их легко отличить от самцов. Летом косули, как правило, держатся поодиночке, поэтому, не рассчитывая встретить другую, я подошел к тому месту, где она стояла. Лежанки не было.

Видимо, косуля здесь кормилась. Косули намного охотнее потребляют в корм почки, цветочные сережки и веточки упавших или срубленных деревьев и кустов, чем растущих. Пастбищами служат обычно лесные вырубки.

Так оно и было. За островком черемухи лежал завалившийся небольшой тополь. Несколько веточек были обкусаны.

Мне рассказывали знакомые охотоведы, что у косули есть три железы, выделяющие специальные пахучие вещества.

Между пальцами задних ног расположен мешочек, содержащий сальные и пахучие органы. Железа хорошо развита и у молодых косуль. Ее назначение — оставлять пахучие выделения в следах. По запаху животные находят друг друга. На передних ногах железы отсутствуют. Они имеются у ланей, лосей, соболей и других животных. У оленей их нет.

Железы на внешней стороне задних ног косули, сразу под коленами, выделяют пахучие и сальные вещества. Двигаясь, животные оставляют на растениях их выделения.

Третья железа – только у самцов. Она расположена между выростами лобных костей. Ее выделения остаются на тонких деревьях. Обычно это происходит в период гона. Цель таких «меток» – обозначение «своего района» и предостережение для другого самца.

* * *

Терпкий настой запахов каленого желтого самарского песочка, развесистых лопухов, ивняка, ольхи, осинника по берегам у воды. Особое марево, исходящее из зарослей черемухи, таволги и чилиги, когда поднимаешься на крутой песчаный сыпучий берег. Едва уловимый чутким ухом трепет осинового листа, шевелящегося даже, кажется, в совсем безветренный, жаркий, томящий своим тягучим зноем полдень – все это нельзя спутать ни с чем. Это все родное!

Глава 17. Светочи

...То, что Пушкин бывал в Оренбурге и проезжал через Борский реликтовый бор, я слышал еще с детства, а вот то, что Владимир Даль жил и работал в Оренбурге, я узнал, признаюсь, совсем недавно.

Два светоча русской словесности встречались в Оренбурге.

...Отрезок пути от Волги на юго-восток Пушкину показался «прескучным». Поднялось настроение, когда на подъезде к Бузулуку его ненадолго принял в свои объятия широкошумный сосновый бор...

Тихий и совсем маленький в те времена городишко Бузулук, приютившийся у слияния рек Самары и Бузулука, Пушкин проехал утром.

В этом незаметном городишке был когда-то центр пугачевских событий. Здесь буйствовала, хозяйничала, побеждала и терпела поражения разудалая казацкая и крестьянская вольница...

...Важнейшими источниками при описании событий пугачевской осады Оренбурга послужила для Пушкина «Летопись» П. И. Рычкова, опубликованная им в приложениях к «Истории Пугачева» и журнал Оренбургской губернской канцелярии («Журнал Рейнсдорпа»), обнаруженный поэтом в делах Секретной экспедиции Военной коллегии. Выполненный Пушкиным конспект этого журнала хранится в составе его заготовок. Почерпнутые из этих источников сведения о «пугачевском» прошлом Оренбурга Пушкин пополнил при посещении города, где он провел около двух суток — с 18 до 20 сентября 1833 года. Поэт был принят оренбургским военным губернатором генерал-адъютантом В. А. Перовским. Они были зна-

комы еще по Петербургу, были дружны и говорили друг другу «ты». Поэт остановился в загородном доме на так называемой даче губернатора.

Здесь-то, на этой даче, Пушкин и встретился со своим приятелем, известным уже тогда литератором Владимиром Далем, служившим чиновником по особым поручениям у Перовского. Даль был проводником Пушкина по «пугачевским» местам и постоянным собеседником. Он рассказывал поэту о примечательных обстоятельствах пугачевской осады Оренбурга, о штурме города 2 ноября 1773 года, о многих других подробностях грозных событий...

...Так и слышатся мне слова Даля: «Вы еще полюбите эту степь: нигде более в России природа не красуется так, как здесь, в степях оренбургских...».

Перовский и Даль познакомили Пушкина с крупным землевладельцем, предводителем оренбургского дворянства Е. Н. Тимашевым, дед которого коллежский советник И. Л. Тимашев оборонял Оренбург в дни пугачевской осады, потом командовал карательным отрядом, подавлявшем пугачевское восстание в Исетской и Уфимской провинциях.

Пушкину удалось встретиться со старой казачкой Ириной Афанасьевной Бунтовой – хранительницей народной памяти о Пугачеве и его времени. От нее он услышал невеселую историю о женитьбе Пугачева на семнадцатилетней казачке Устинье Кузнецовой. Позже поэт изложил ее в «Истории Пугачева».

Пребывание Пушкина в Оренбурге и станице Бердской отражено в его письмах к жене Наталье Пушкиной от 19 сентября и 2

октября 1833 года из Оренбурга и Болдино. Ценные сведения содержатся в воспоминаниях Даля.

...В Уральск А. С. Пушкин прибыл 21 сентября поздно вечером.

С 16 по 23 сентября 1833 года поэт проехал по маршруту Самара – Бузулук* – Оренбург – Уральск – Сызрань. Три года спустя в статье, опубликованной в журнале «Современник», Пушкин с удовлетворением отмечал: «Я посетил те места, где произошли главные события эпохи, мною описанной». Поездка дала ему возможность встретиться с участниками и очевидцами событий 1773–1775 годов. Услышанные и записанные с их слов воспоминания, предания и песни позволили прикоснуться к народной памяти о Пугачеве и его времени. Говоря о свидетельствах современников трагических потрясений тех лет, отмечая, что они «драгоценны и незаменимы», Пушкин в то же время считал возможным использовать их лишь после «строгой проверки», «проверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь проверяя их дряхлеющую память исторической критикой».

* * *

При упоминании имени Даля в памяти сразу возникает «Толковый словарь живого великорусского языка», содержащий более тридцати тысяч пословиц, поговорок, метких речений – неисчерпаемое богатство великого нашего языка.

* Немало в Бузулукском крае бывало великих людей, российских державников. И среди них – Карамзин, Державин. Родители Карамзина и Державина служили в Оренбурге. Их имения были под Бузулуком. В 1837 году в составе царской свиты в Бузулуке побывал и Жуковский.

Но Даль был еще и морским офицером, врачом, писателем, выступавшим под псевдонимом «Казак Луганский». Правдивость его сочинений поразительна.

...После окончания пятилетнего курса в Морском корпусе, куда в 1814 году отец отвез его вместе с братом, Даль – на Черноморском флоте.

Будущий бытописатель недолго служил там. В 1826 году он поступает в Дерпский университет. И оканчивает курс, рассчитанный на пять лет, за четыре года. Новоиспеченного лекаря направляют в район военных действий с Турцией.

Великий хирург Пирогов писал про своего друга: «Это был замечательный человек. За что ни брался Даль, все ему удавалось усвоить».

А вскоре появляются на свет «Русские сказки» Казака Луганского.

...«Не сказки были для меня важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода», – замечает Даль.

Впервые Пушкин и Даль встретились до того еще, как Даль оказался в Оренбурге.

...Со сборником сказок Даль отправляется в Петербурге знакомиться с любимым поэтом.

Пушкин увлеченно читал сказки, восторгаясь емкостью и меткостью русского слова. «Сказка сказкой, – передавал слова Пушкина Даль, – а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать – надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в

сказке... Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!»*

...Даль мечтает о перемене рода деятельности, о такой службе, которая позволила бы ему развиваться творчески.

И такое случилось. При покровительстве Жуковского он получает должность чиновника особых поручений при только что назначенном генерал-губернаторе Оренбурга Василии Алексеевиче Перовском.

Но, и вступив в новую должность, Даль не прекратил врачевания.

В Оренбурге раскрылась всеохватность личности Даля. Он здесь этнограф и археолог, историк и статистик, ученый-естественник, автор учебников по зоологии, ботанике. Именно Владимир Иванович явился организатором и руководителем Зоологического музея в столице Оренбургского края. Даль неустанно занимался пополнением коллекций Академии наук экспонатами, показывающими природные богатства Оренбуржья. В 1838 году Академия избрала его своим членом-корреспондентом за труды в области истории и этнографии, написанные на оренбургских материалах.

...После этих двух встреч с Пушкиным, в Петербурге и Оренбурге, Даль утвердился в намерении собирать сокровища русского языка.

...И на смертном одре Пушкина Даль находился возле него.

Во время нашего путешествия все мне казалось, что в спину мне пристально смотрят две пары глаз.

* А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. - М., 1974.

* * *

Не могу смотреть без душевного трепета на самарские песчаные берега!

Часто они крутые. Поднявшись, попадаешь на равнину с непременно огромными, сказочно-дремучими с густой листвой ветлами. Величавость и былинность придают они таким берегам.

Стоит только приложить ладонь к теплой с глубокими морщинами и рубцами плотной коре, как враз почувствуешь древний дух и... ответный гул в крови своей...

Так и кажется, что место это служит для сборов сказочных русичей-богатырей в доспехах и на конях. Их здесь не хватает. Будто они должны вот-вот появиться из какой-то своей важной отлучки...

...А иные берега труднодоступны, по ним разве что ухватившись за оголенные темно-коричневые корни деревьев, как за канаты, можно подняться наверх. Но там – непролазная чащоба из черемухи, вяза, молодого ветельника, осинника и непременно шиповника, попробуй-ка продерись. И духота стоит в этих зарослях невероятная.

...А то вдруг выйдешь туда, где муравится огромная равнина, и раскинулась на ней широкошумная дубрава. И сердце зайдет от волнения...

...Красивые быстрые щурки и серенькие стрижи полюбили самарские крутые берега. И местами янтарные отвесные склоны от их гнезд-норок сделались похожими на золотистые звонкие соты. Юркие птицы, влетая-вылетая, будто нажимают на невидимые кнопки и разносят радостную мелодию; голоса их четкие и звонкие.

И окружающий синий воздух, принимая звуки, роняет их частью в отзывчивую воду, и там они становятся еще чище. И, отразившись, поднимаются вновь в приветливую синь над водой. И это согласованное действие воды и воздуха делает русло реки, саму реку сказочным инструментом, сработанным волшебным мастером из сине-голубого и золотисто-песчаного...

Звуки этого инструмента состоят не только из птичьих голосов. Сколько здесь звуков от шорохов, всплесков, дуновения ветра, чьего-то близкого дыхания, таинственного до дрожи... И все это образует единое дыхание реки. И так порой это дыхание чарует, что становится трудно молчать.

Еще труднее высказать все, что чувствуешь...

Человек – вершина природы, а не дано ему...

Глава 18. Безгрешные ходят босыми

— Я знаю одного человека, — начал Юра, помешивая ложкой в котелке.

— Императора? — подхватил Костя.

— Нет, — возразил Юрий. — Совсем наоборот — босняка. Так вот он, чтобы замолотить накопленные грехи, ходит почти круглый год босиком. Уверен, что матушка-земля очистит его.

— Нет, не очистит, — возразил тут же Константин.

— Почему так? — поинтересовался кашевар.

— Переполнилась уже Земля. Магма у нее в сердцевине перенапряглась от человеческих греховных дел, сам же говорил. Вот-вот выплеснет наши грехи — и начнется гибель всего. Может, он этот человек последнюю каплю добавит. И никто не узнает, что это он сгубил нас. Не наполеоны, тутанхамоны, а твой босой знакомый.

Я смотрю на Константина: всерьез ли это говорит?

— Вот птички, они все ходят босыми, — сказал вполне спокойно Анатолий и, сам не ведая, подтолкнул Юрия к новой теме.

К философии часто склонны люди мало знающие. Может быть. Но это не про Юру.

— А знаете ли вы, что птицы вообще у древних были священны и безгрешны? — произносит он и его голубые детские глаза смотрят на всех сразу. Будто заранее знает, какой мы темный народишко и жалеет нас.

— Расскажи, Юра, про птичек, ну их, людей, — попросил Константин и подсел к костру, отложив в сторону топор.

Кучка дров, как изрубленные скелеты когда-то живых деревьев, жутковато белела рядом.

— В мировом древе или древе жизни место птиц на его вершине... — начал Юрий.

— Нам бы попроще, — попросил Константин.

— Можно, — согласился Юрий. — Вот перепелка, которая с утра нас в первый день разбудила, она ведь исстари оберегалась. При жатве крестьянин не только обходил стороной ее гнездо, но и не срезал вокруг колосьев, чтобы птица могла прятаться. Украинцы считали, что мир создали два голубя, которые сели на два дуба. У кого плодятся домашние голуби, у того не будет пожара. Клест при распятии Христа пытался вытащить гвозди, поэтому и скривил свой клюв. За это получил награду — он не подвержен тлению. Когда снегирь ломал иглы тернового венца с головы Спасителя, одна капля крови попала ему на грудь. Поэтому снегирь — охраняемая птица. Его даже кошки не едят. Феникс — птица мифов. Древние греки считали, что раз в пятьсот лет она прилетает в Аравию, где питается бальзамом и смолой. Когда Феникс чувствует, что приходит смерть, то строит гнездо из пахучих веток на самой макушке пальмы. Там его поджигает солнце. Потом птица Феникс возрождается из пепла, воскресая молодой.

— Как ты это все помнишь? — удивился Константин.

— Так вот, помню, — согласился Юрий. Замолчал, потом спросил: — Вот ты читал «Капитал» Карла Маркса, а?

— Что ты вдруг? — опешил его собеседник. — Ну, когда-то читал, вроде. В руках держал.

— Что же и кому автор написал в посвящении?

— Там разве есть посвящение? — переспросил Константин.

— Цитирую: слушай, пока жив. Великий Карл писал: «Посвящается моему незабвенному другу, смелому, верному, благородному, передовому борцу пролетариата Вильгельму Вольфу».

— И-и-ех! — выдохнул Константин, глядя сразу на всех сидящих у костра, словно ожидая, не повалимся ли мы наземь от хохота. — А проверить как?

— Сходишь в библиотеку, проверишь.

— И многих авторов так вот запомнил?

— Есть кое-что в черепушке, — ответил Юрий.

— Юрий, ты постоянно недосаливаешь, я уже говорил много раз, — вмешался в разговор Командор. — Сейчас как?

Картинно отставив ногу, большой деревянной ложкой он черпнул из котелка. Ему важно и здесь оставить за собой последнее слово. Но и Юрий не из простаков. Невинным, безразличным, вроде бы, голосом спрашивает:

— А знаете, как умирает дятел? — И, не дождавшись ответа, говорит: — От своей долбежки умирает, получив сотрясение мозга.

— Слишком много знаешь, — отзывается Командор, держа ровный тон.

— Да уж... — неопределенно тянет Юрий. — Не обижайся. Вот когда-нибудь подкарауль, посиди около его гнезда и услышишь, как он стонет. А стонет оттого, что болит голова.

Константин решил заступиться за Командора.

— Дятел — священная птица, — это известно давно, — сказал он авторитетно. Слова повисли в воздухе без ответа. Константин добавил: — И при том, дятел — лекарь леса.

— Во! — удивился почти натурально Юрий. — И этот долбит в макушку...

Глава 19. Светлая моя родина

В Тоцке, миновав по дороге к магазину нескольких строящихся больших кирпичных домов, мы с Константином закупили хлеба, взяли пива и большие бутерброды с колбасой.

— После походной кухни так вкусно! Пиво кажется сверхароматным и необычным напитком! Вот вам и кусок цивилизации, господа! Все ж-таки хороша она, цивилизация-то! — Он явно ждал от меня реакции, высказав отношение к пиву и колбасе.

...На обратном пути к лодкам вспомнил я Германию, ухоженную и прирученную реку Изар, веселых музыкантов, перерывы в сплаве, проводимые в уютных кафе прямо на берегу, и задумался: хочу ли, чтобы так же было и на нашей Самаре? Хочу ли, чтоб нигде было душе спрятаться, хотя бы на некоторое время? Мне кажется, река Самара, какая она есть, ближе и дороже. Она — своя.

...Самара, Самарочка...

Само таинство происхождения этого имени придает реке-степнячке особую прелесть.

Сколько звенело на ее берегах голосов и сколько песен спето! Сколько лиц — и смуглых, и бледных, сколько глаз — и светлых, и жгуче-темных, смотрело в ее воды за тысячелетия?! Но ведь не сглазили и не навели порчу! Не в силах, значит! Эта река имеет, знать, особую тайную силу, коль не поддалась человеку. Не иссохла! Не превратилась в спокойную, сонную гладь под рукотворным вмешательством и натиском. Помогли в этом и многочисленные притоки ее, ручейки и родники, и буйный нрав в водополье.

Хвала Самаре за нрав и судьбу. Она сохранила себя. Человек на ее берегах крепко изменился в быстротекущей жизни, рождаясь и умирая в вечной суете. Порой не зная, не думая ни о своих истоках, ни о том, куда несет его стремительное течение жизни. А Самара знает. И истоки свои, и пределы свои знает! Вливаясь в древнюю могучую реку Ра, дала название целому городу. И, изящно оставив его в месте слияния, ушла, соединившись с великой сестрой своей в Каспий.

...Под журчание светлых струй реки, сблизившей меня за яркие, светлые дни похода со всем родным с детства, я начинал верить, что, кажется, и не жил никогда иначе, а всегда вот так — слитно с рекой.

* * *

Впереди у поворота бесшумно взлетела цапля.

То, что я, взглянув мельком, принял за светлую речную коряжину, оказалось большой птицей, которую мне всегда хотелось рассмотреть поближе.

Это уже пятая цапля, которую мы встретили на реке. Каждый раз я пытался определить: видел я белую цаплю или серую, ее сестру.

Цапля имеет большую родню: тут и желтая, и белокрылая цапля, и конечно, та, которая прекраснее всех — большая белая, которую уже давно назвал про себя «Леди». Она еще не так давно была на грани полного уничтожения и в Европе, и в Америке.

Когда-то за цаплями охотился каждый, кто мог. Судьба белой цапли — плата за ее красоту. Природа наградила эту птицу необычайно красивым и оригинальным оперением. На ее спине вы-

растает на время высиживания потомства пучки перьев попеременно с шелковидными белыми волосами. Это и влечет охотников. В брачный период с плеч белой цапли свисают «эгретки» — особые перья, где бородки не скрепляются и далеко отстоят друг от друга. Эти перья при малейшем движении колеблются, бородки развиваются, создавая впечатление белой вуали или кружева.

По высоким ценам купцы продавали эти перья во всем мире. Модницы украшали ими прически и шляпки. Это считалось самым модным украшением до начала двадцатого века. В 1919 году был создан Астраханский заповедник. Уцелевшие гнездовья птиц были взяты под охрану. На заповедных участках цапли, каравайки, колпицы вновь образовали колонии, стали спокойно размножаться. В конце восьмидесятых годов их было более пяти тысяч. Цапли широко расселились за пределами заповедника. Однако сохранили величайшую осторожность и, едва завидев человека, стремятся улететь прочь.

Цапли в нашем детстве были достаточно редки. К ним мы относились благоговейно: притаившись, изумленно глядели на диковинное. Чаще всего эти большие и таинственные птицы укрывались в куртинах рогоза и тростника. Когда они стояли у края воды на Самаре-реке либо в поемных озерах, то похожи были на изваяния. Обычно, чуть наклонив голову, цапля следит за живностью в воде. Молниеносное движение длинной изящной шеи — и в клюве трепещет живое серебро. Тут же рыбачка подбрасывает рыбешку вверх и заглатывает — обязательно головой вперед. Ловко так и уверенно!

А потом вновь застывает на месте или вышагивает неслышно по мелководу, высматривая новую добычу. До тех пор, пока либо не хрустнет под тобой сухая ветка, либо не появится на досаду из кустов неожиданно рыбаки или охотник.

* * *

Ниже Сорочинского водохранилища рыбаков на нашем пути стало больше. И все чаще с донными удочками на подлещика и язя.

Рыбалка на язя завораживала меня с ранних лет, но я так и не стал бывалым язятником. Много терпения требует эта рыбалка. Она больше, очевидно, для взрослых.

Начало хода язя совпадает с той замечательной порой, когда начинает интенсивно двигаться сок в березе и набухают на ней почки. Стосковавшаяся по солнцу земля все более прогревается, приближается водополье.

Когда большая вода спадает и наступает потепление, язь штурмует лесные завалы на реке. Инстинкт толкает его к верховьям, туда, где он даст жизнь новому поколению.

Наиболее «уловистое» время у язя – с рассвета и часов до десяти-одиннадцати. Днем берет вяло, и активно его клев возобновляется к вечеру.

Язь для меня таинственная, осторожная, солидная рыба. Таковы и язятники, как правило, люди степенные и немногословные. Сидят они обычно там, где на речке ровное, но несильное течение, в стороне от основного русла, часто под ветвями деревьев и кустарника.

«С кем поведешься – от того и наберешься» – это, очевидно, сказано и о них...

* * *

Увы, оградить себя от неприняемого не удастся. Такое есть и в моей жизни, и в жизни моей реки.

Самара и Волга-Ра не сразу соединились. Предание гласит: текла Ра и встретила с другой рекой. «Посторонись, — говорит она, — разве ты не знаешь, что я Ра?»

«Велика штука, — отвечает река, — я сама Ра!». И с тех пор стала называться Самара.

...Не хотела объединяться с Волгой, терять себя и далекая от Самары, но близкая ей по духу Кама. Все люди и реки одинаковы? Или почти все?.. Вот что рассказывает старинная легенда про Волгу и Каму.

Не хотела Кама течь в Волгу. Сначала попыталась ее воду отбить, до половины реки отбила, а дальше не смогла. Тогда подалась Кама на хитрости, уговорила с коршуном:

— Я под Волгу подрожь, а ты, коршун, крикни, когда на той стороне буду, чтобы слышала, я и выйду в другом месте.

— Ладно.

Вот начала Кама рыться под Волгу. Рылась, рылась, а тем временем коршуна беркут приметил и погнался за ним. Тот испугался и закричал как раз над серединой Волги. Кама подумала, что уж она на том берегу, выскочила из-под земли и прямо в Волгу попала...

* * *

Под Бузулуком, после Сорочинского водохранилища, Самара-река несколько иная.

Она уже не похожа на девочку-подростка, убегающую куда-то вдаль, где больше простора, или на юркую ящерицу, ускользящую в траву и прибрежные кустарники, как это казалось в верховье у Общего Сырта. Река, найдя надежное русло, утвердившись в нем, не шумная и не кичливая, но уверенная в себе, течет плавно и раздумчиво, будто вспоминает, что миновала, сколько родничков помогало ей в пути, сколько ручейков и притоков питало ее в оренбургских степях. Будто хранит лики тех, которые видели ее и которых привечала она. Пушкин, Даль, Лев Толстой, Татищев, Аксаков... Не всякая река видела таких людей. А сколько тех, кто не оставил о себе письменного свидетельства. Они жили здесь, рыбачили, приходили на песчаный бережок посидеть, помолчать... Их миллионы было...

Она и молчание таких людей хранит.

...Так и кажется, когда плывешь: раздвинутся кусты на берегу и появится автор незабываемой с детства книжки про степь, охоту, про русскую нашу природу, про жизнь нашу, давнюю и ускользящую уже из народной памяти...

Поразившее в детстве, не отпускает от себя и во взрослой жизни... События и наблюдения, которые описывал Сергей Аксаков в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии», случались там, где я плыву, где и сама река Самара, и самые крупные ее притоки в Оренбуржье, Боровка, Бузулук, Ток, Малый Уран, Большой Уран, Сорочка причудливо извиваясь, как кровеносные сосуды, и подпитываясь десятками малых и безымянных ручейков-притоков, несут свой особый свет.

В этом крае охотился Сергей Аксаков. Его сын, тайный советник Григорий Сергеевич Аксаков, чуть позже, с 1865 по 1875 год, был губернатором Самары.

Здесь река Самара течет по-иному. Будто призадумалась она о своей судьбе. Как и я, опускавший натруженные руки свои в ее воду... Чувствовавший, как уходит холод простуженной моей большой Родины.

«Врачает меня светлая и тихая моя родина.

«Почтенные берега», – так и хочется повторить эти слова Языкова, сказанные им про Оку.

...Так куда же я плыву по реке?

Воспоминания делают жизнь длиннее. То же моя память вершит и с рекой. Моя Самара обширнее и глубже на самом деле, чем о ней принято думать.

На реке я становлюсь то моложе с каждым ее поворотом, а то вдруг – до такой степени древним, что название мне одно – пращур. Река ощутимее всего напоминает душе о Космосе...»

* * *

...Но минуешь поворот и зайдет сердце от земного: Левитановская «Золотая осень» и «Во ржи» Маковского, и «Заросший пруд» Поленова, и васнецовская «Аленушка», и «Среди долины ровныя» Шишкина могли быть написаны с натуры здесь, на Самаре, на ее берегах.

Верится: родится когда-нибудь свой, истинно самарский, русский художник...

Глава 20. Кругом вода

Так что же такое вода?

Сплавляясь по реке, сидя на берегу, купаясь, я думал о воде. Думал и поражался: как мало знаю о ней. И мои спутники знали о воде не больше.

...Окружающие не очень понимали моего интереса. «Вода и есть вода». А для меня, вернувшегося из ее светносного плена, она имела особое значение.

«Вода, у тебя нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, тебя невозможно описать, тобой наслаждаются, не ведая, что ты такое! Нельзя сказать, что ты необходима для жизни: ты — сама жизнь. Ты наполняешь нас радостью, которую не объяснить нашими чувствами. С тобой возвращаются к нам силы, с которыми мы уже простились» (Антуан де Сент-Экзюпери).

Воду раньше звали в народе не иначе как «матушка», «царица». Еще на заре человеческой истории люди отчетливо сознавали великое значение водной стихии. Это подтверждают и мифы всех стран и всех народов, и позднейшие философские системы. Как без огня нет культуры, так без воды нет и не может быть жизни.

Предки наши чтили дождевую воду. Выбегая на улицы босыми, с непокрытыми головами, становились под благодатные небесные потоки первого весеннего дождя. Пригоршнями набирали воду, чтобы вымыть лицо три раза. Собирали целебную влагу и в крепко закупоренных бутылках сохраняли круглый год. До нового такого же дождя. Свято чтил народ и речную воду; едва пройдет весной лед, как все, млад и стар, бежали к реке: зачерпывали пригоршнями воду и умывали три раза лицо, голову и руки.

«Воде и огню Бог волю дал», — говорили в народе в утешение и успокоение в тех случаях, когда нарушалось в природе равновесие, и вода, в меру питавшая землю, из явной благотворительницы временно превращалась в лютого врага, наводящего страх и отчаяние.

Так что же такое вода? Что знает о ней современный человек? Как появилась вода и сколько ее на нашей планете? Ответы я решил искать в библиотеке.*

«...Вода была еще до появления человека: есть все основания полагать, что жизнь возникла в водной среде.

Миллиарды лет назад в холодном газопылевом облаке, со временем стужившемся, уплотнившимся и ставшем Землей, уже содержалась вода. Скорее всего, она была в виде ледяной пыли. Это подтверждают исследования Вселенной. Установлено, что исходные элементы для образования воды — водород и кислород — в нашей Галактике принадлежат к шести самым распространенным веществам космоса.

Академик АН Украины Н. П. Семененко установил, что именно вода и составляющие ее элементы играли определяющую роль во всей геологической истории Земли. В образовании протоземли участвовали громадные количества воды. Помимо этого, ее элементы входили в состав основных компонентов исходного облака: водород — в состав гидридов металлов, кислород — в состав оксидов.

* Далее используются выдержки из книги Л. А. Кульского, В. В. Даля, Л. Г. Ленчиной «Вода знакомая и загадочная».

Согласно теории академика А. П. Виноградова, протоземное облако постепенно уплотнялось и саморазогревалось. Источником необходимой энергии служили процессы радиоактивного распада и уплотнения первичного вещества планеты. В результате образуются паро- и газообразные соединения, причем большинство их фотодиссоциировала на водород и кислород.

Остальная масса воды, очевидно, постепенно составила гидросферу. Появившись на поверхности планеты таким сложным путем, вода не стала инертной, пассивной средой. Вместе с парами воды выделялись не только оксиды углерода, но и соединения азота, фосфора, серы, которые вместе с кислородом, углеродом и водородом составляют химическую основу жизни.

Установлено, что гидросфера — океаны, моря, реки, озера, болота, атмосферная влага — измеряется внушительной величиной — $1,385 \cdot 10^9$ км³ воды, или $1,4 \cdot 10^{19}$ т. Три четверти поверхности планеты покрыто водой.

Из всей воды 97,75% — это соленые воды океанов и морей.

Остальные 2,25% — пресные воды, однако половина их — «законсервирована» в виде ледяных гигантских шапок Антарктиды, Арктики, Гренландии, высоких гор в различных районах Земли. Примерно столько же воды скрыто от людских глаз в толще земной коры. Это подземные воды.

Так ли проста вода?

Но простейшее в химии — это далеко не простое.

Лишь в 1805 году Александр Гумбольдт и Жозеф Луи Гей-Люссак установили, что вода состоит из молекул, каждая из которых содержит два атома водорода и один кислорода.

В 1932 году мир облетела сенсация: кроме воды обычной, в природе существует еще и тяжелая вода. В молекулах такой воды место водорода занимает его тяжелый изотоп — дейтерий.

Тяжелую воду открыли американские физики Гаральд Юри и Эльберт Осборн. В 1933 году американец Герберт Льюис совместно с Ричардом Макдональдом впервые выделили ее в чистом виде.

В молекулу тяжелой воды входят атомы не легкого водорода — протия, а его изотопа — дейтерия, атом которого на единицу тяжелее протиевого. Молекулярный вес тяжелой воды на 2 единицы больше. Она кипит при $101,42\text{ }^{\circ}\text{C}$, а замерзает при $+3,8\text{ }^{\circ}\text{C}$.

По сравнению с обычной водой она испаряется менее интенсивно. Поэтому тяжелой воды больше в местностях с жарким климатом.

Тяжелая вода действует отрицательно на жизненные функции организмов.

А вскоре была обнаружена сверхтяжелая вода. В ее составе место водорода занимает его природный изотоп, еще более тяжелый, чем дейтерий. Это тритий, он радиоактивен, атомная масса его равна 3. Сверхтяжелую воду применяют в термоядерных реакциях».

...Мне стало скучно. Я захлопнул книгу.

«Они не так ищут, — думал я. — Ученые ничего пока серьезно не нашли... Они разложили воду на составляющие и... не увидели самое тайное, сокровенное. Душу ее не поняли! Ученые, словно врачи на операционном столе, вскрыли тело воды, как тело человека. Поковырялись, поизучали. Кое-что увидели. А тайна

— душа ее? Суть самая? Осталась нетронутой. Скорее всего, человеку она недоступна».

Я невольно огляделся вокруг. Читальный зал был густо заполнен читателями.

«Что они читают и изучают? — думал я. — Что можно понять здесь, в этой большой, красивой, но отстраненной от жизни коробке, которая называется библиотекой? Надо постичь жизнь такой, какая она есть! А какая она есть? — выскочила на первый план поперек всего мысль. — А какая была там, в моем походе, на воде, у огня, на берегу реки. Да нет же, ты путаешь все, — возразил я сам себе. — Здесь спрессовано то, что кто-то когда-то видел, исследовал, понял — ты и впрямь стал язычником? Тебе важнее чувства, чем знания? Посмотри, они сидят за книгой, как ты сидел около своей речки. Только здесь своя река. Река знаний. К ней на бережок они и приходят. А как по-другому?»

Диалог во мне не прорывался.

«Конечно, я не прав. Но почему мне скучно здесь? Почему хочется на простор? — Наверное, оттого, что я все же не ученый. Хотя и работал в науке... Я больше доверяю чувствам, ощущениям, догадкам. Это далеко от науки. Это пещерный век? — Не за наукой я пришел сюда, за истиной! — За истиной? — Да, я всегда желал знать истину! — Эка, брат! Есть истины, знать которые человеку не положено».

Я как бы продолжал находиться на своей реке, и блики костра отражались и на моем обветренном жестком лице, и на тихой глади реки. Вода и огонь продолжали разговаривать меж собой.

«А я – между ними! Они вечно в диалоге. А тут возник я, слабый человек. Я беспомощен перед их величием».

Попросив сделать ксерокопию статьи о воде, я вышел из библиотеки.

Сначала направился, было, в сторону Волги, домой. Но, сам не осознавая, повернул влево. Вспомнилось, что через каких-то два квартала от библиотеки работает выставочный зал, где размещены компьютерные копии картин Рерихов, Рембрандта, Рафаэля, Моне, Пикассо, Ван Гога.

Перед глазами всплыла водная стихия Айвазовского. Его картины занимали целый большой зал. И в центре светилась одна из самых загадочных – «Хаос».

Там вода была не водородом, кислородом, дейтерием, тритием. Вода была всемирной стихией, была великой и нерасчленяемой. Она была тайной...

* * *

Из моего дневника:

«...Вчера Константин назвал Юрия юродивым и тот, я видел, совсем не обиделся.

Если вспоминать, что юродивых на Руси церковь причисляла к людям «сознательно отрешившимся от обычного употребления разума», то ничего обидного для него нет.

Прежде, в городской жизни, я его не наблюдал, а жаль... Какой он там? Такой ли, как здесь, на воде?

Он крестится и часто шепчет молитву.

Шептать молитву начал и я. Правда, на свой лад. Когда купаюсь в реке или умываюсь, я обращаюсь теперь к воде, прося, чтобы миновала меня хвороба, хотя бы на то время, пока длится поход».

Глава 21. На озере Балабанном

На левом берегу Волги, чуть ниже города Самары, напротив деревеньки Винновка, приткнувшейся в междугорье, есть Винновский затон. Там я ловил на отвесную блесну судачков. А неподалеку – большое озеро Балабанное. Начиная с сентября, приезжал туда и всегда добывал на блесну щуку и, как правило, не одну.

Бесшумно передвигаясь вдоль камышей, бросал блесну обычно не далее, чем метров на пятнадцать. Выуживать щуку – одно удовольствие.

На этом озере я постигал азы этой азартной охоты.

В моем детстве на блесну не рыбачили. Мы, ребята, ловили щук на удочки-донки, насаживая на большой крючок в качестве живца плотичку, голавлика или пескаря. В этом качестве шла любая мелкая рыбешка. Если ее не было, часто насаживали лягушку. Но в этом случае грузило должно быть потяжелее, ибо иногда крупная лягушка выбиралась на берег и спокойно сидела на песочке.

Как искусно тело щуки приспособлено для быстрых движений! Мощный и широкий хвостовой плавник вместе со спинным и предхвостовым дают ей возможность при волнообразных движениях задней части туловища и при ударах хвостом совершать мгновенные и сильные броски вперед. Быстроте рассеканию воды способствует и мелкая чешуя с множеством слизи.

Сильный и ловкий противник!

Озерная щука обычно короче и толще речных. Я ловил эту хищницу около зарослей камыша. Там она прогонистая, ярко окрашенная, со светлым, золотистым оттенком.

У щуки прекрасно развиты глаза. Хрусталик имеет большую выпуклость и выдается вперед. Угол зрения в связи с этим таков, что хищница, даже не двигаясь, способна к большому обзору. Попробуй незаметно подойти к этой даме.

Если учесть, что отраженный световой луч, переходя из воды в воздух, преломляется, и даже крутой берег не заслоняет от рыбы предметов, находящихся на некотором расстоянии от воды, то понятно, с кем имеем дело.

Щука своими клыками и щетками в пасти при мощных челюстях легко может порвать снасть. В детстве пойманная в бредень на Самаре щука сильно ранила мне голень. И рана была очень болезненной.

Иногда щука, схватив тройник, выскакивает из воды и становится торчком на хвост. Она дергает головой с раскрытой зубастой пастью, стараясь освободиться от тройника. В таких случаях обычно блесна вылетает в воду, а вслед за ней исчезает и щука. Чтобы вернуть себе свободу, она выпрыгивает из воды, совершает полет в воздухе и тем самым либо обрывает леску, либо избавляется от крючков.

Крупные щуки ловятся лучше весной и осенью. Мне всегда было интереснее ловить осенью, когда щука, отъевшись и значительно прибавив в весе, становится энергичной и интересной в борьбе. Да и само время великолепно: можно, отдыхая на берегу, собирать калину, шиповник — это всегда удовольствие.

* * *

С озером Балабанным я как бы уже сроднился. Все было привычным и понятным. Но вот название его — Балабанное? Что это?

Откуда? Я пробовал узнать в селе Винновке, когда заезжал за молоком и хлебом, — не знают.

А в голове уже давно выстроились названия: Окунево, Бобровое, Лещевое... Во всем есть первооснова...

Я взял в руки словарь Даля, и все открылось: «Балабан — вид большого сокола, употребляемого для травли зайцев. Балабаново перо, балабанье гнездо...»

Какое же это бесценное сокровище — словарь Даля. Он меня выручил в очередной раз.

Позже я прочитал в статье ученых из Союза охраны животных Урала, что уже десятки лет ведутся экспедиционные исследования и поиски гнездовой балабана по всей стране. И найдено всего несколько семей.

В Бузулукском бору, мимо которого мы должны были проплыть, было обнаружено учеными одно гнездо балабанов.

Увы, соколиков разыскиваем по словарям и в труднейших экспедициях по всей стране. И остались их считанные единицы...

Такова судьба соколиков русской земли.

* * *

Город с его гамом, суетой, запахами железа и газов напоминал о себе шумом проходивших вдоль реки поездов. Этот неудержимый гул колес будто говорил: вы не принадлежите себе, не принадлежите и этой реке. Вы дети города: время придет, и он заберет вас к себе, как это делает замордованный заботами отец, прибыв в избу деда, чтобы вернуть домой собравшихся заночевать ребяташек. Там, куда тебя приведут, ты вновь будешь все делать, как положено, а не как позволено в сосновом пяти-

стенке. А если не заберет в этот вечер, то все равно в свой срок вырастешь и неизбежно, как по руслу реки, по неотвратимому течению приплывешь в ту жизнь, где другие запахи и другие облака, и ночи, и весны. Все — другое.

И эта новая жизнь заманит своими скоростями, неизведанной далью и просторами, на два-три десятка стремительных лет. А потом? Потом тебе начнет сниться по ночам река детства. Все, что происходило на ней, будешь по крупицам вспоминать, собирать и дожидаться того дня, когда придешь к ее водице...

Глава 22. Там, где в Самару впадает Боровка...

Как пройти-проплыть мимо этого имени, если сама река моя несет его мне...

12 мая 1862 года Лев Николаевич Толстой с учениками Василием Морозовым, Егором Черновым и слугой Ореховым выехали из Ясной Поляны на лошадях в Москву. А 20 мая из Твери на пароходе поплыли в Самару.

27 мая они уже ехали из Самары на лечение кумысом в башкирское кочевье Каралык – 130 верст на лошадях.

Из записок Василия Морозова:

«...Это была степь, ни одной деревни не было видно, ни лесочков, ни кусточков, только видны неустроенные какие-то кибитки войлочные. Здесь нам была квартира-ночевка...

Кибитка наша была не тесная, четверым нам было вполне просторно... Она стояла в числе многих других кибиток, расположенных в два ряда, друг против друга...».

И далее:

«...Башкиры с ним (Л. Н. Толстым) все вскоре так сблизились, что всякий, встречаясь с ним, с радостью улыбался и кланялся ему. Даже 4-5-летние башкиренки, встречаясь с ним, кивали головой, улыбались и обзывали его:

– Князь Тул (Это значило: «Тульский князь»...)

...Еще, бывало, Лев Николаевич боролся с башкирами. Бороться он был большой охотник. Он был сильный богатырь, и ему не находилось противников. Только один башкир был ему равный по силе, и Льву Николаевичу не удавалось его класть на землю, но

и башкиру не удавалось Льва Николаевича положить. Запыхавшись, Лев Николаевич сказал ему:

— Нет, я с тобой не могу, ты сильнее меня...».

...Срочный отъезд из Каралыка был реакцией на погром, учиненный в Ясной Поляне.

Обыск там продолжался два дня. Были взломаны полы в конюшне, закидывали невода в пруд. Обыскали и толстовские школы в селах Колпне и Кривцове. Проверяли переписку Толстого.

Ничего «подозрительного» найдено не было...

9 июня 1871 года Толстой пишет Фету об упадке сил, ожидании смерти, отсутствии душевного спокойствия... 15 июня писатель вновь приезжает в село Каралык и сообщает жене Софье Андреевне: «Башкиры мои все меня узнали и приняли радостно».

В это время Толстой читает греческих авторов, ходит и ездит по окрестным деревням, охотится, пьет кумыс, беседует с кумысниками, играет в шашки с башкирами...

Чуть позже Л. Н. Толстой напишет жене:

«Тоска и равнодушие прошли, чувствую себя приходящим в скифское состояние, и все интересно и ново... Ново и интересно многое: и башкиры, от которых Геродотом пахнет, и русские мужики, и деревня...».

Он делится с Софьей Андреевной планами приобретения земли в Самарской губернии.

«Для покупки здесь имения особенно соблазняет простота и честность, наивность и ум здешнего народа...»

28, 29 июня Толстой со своим шурином С. А. Берсом совершили поездку за 90 верст в город Бузулук на ярмарку, увидел пред-

ставителей больше чем десяти различных народов и табуны лошадей уральских, сибирских, киргизских...

«В этой толпе Лев Николаевич расхаживал со свойственной ему любознательностью и со всеми заговаривал», – отмечает С. А. Берс.

Толстой приобрел имение на приветливо встретившей его земле в Бузулукском уезде Самарской губернии (ныне Алексеевский район Самарской области) с хутором на реке Тананыке (пересыхающим притоком Боровки, впадающей в реку Бузулук). Это та Боровка, по которой совсем недавно Анатолий и Борис вдвоем не без приключений проплыли от истока до устья на резиновых лодках.

Приехав в Ясную Поляну, Толстой пишет Н. Н. Страхову: *«Я вернулся здоровый и свежий, но начинаю слишком много работать и хочу удержаться и не могу. Как будто погоняет неведомая сила...»*

Известно, что в 1870-х годах крестьянские хозяйства постигли губительные неурожаи, вызвавшие разрушительный голод. В июле 1873 году писатель, чтобы определить его размеры, сам провел опись каждого десятого двора в селе Гавриловка по показателям: количество едоков и работников, наличие скотины, размеры посевных площадей, количество прошлогоднего хлеба, сумма долгов...

Собранные данные со своим письмом о бедственном положении крестьян он опубликовал в газете «Московские ведомости», которая распространялась по всей России.

«Письмо к издателем» о самарском голоде помогло собрать немалые средства – до 1867000 рублей деньгами и до 21000 пудов

хлеба. И этим обязана самарская земля Льву Николаевичу Толстому.

Кто знает, может, и мои недалекие предки, прабабка и прадед, были спасены Толстым...

...И потом, в начале двадцатого века, мой дед и бабка вместе со многими самарцами спасались от голода вперемешку с другими бедами, косившими русский народ. И спас их благословенный сибирский край, куда они уехали от страшного мора. Все их дети, пять человек, кроме моей матушки, умерли тогда, а уж новые двое — мои дядя — родились в Сибири.

Не было уже в ту пору Толстого. А другого такого человечика и не появилось более...

Я иногда, не боясь быть наивным, думаю: «Если бы жил Толстой? Было бы все так, как случилось: революции, гражданская война, голод, изгнание лучших умов России из страны? Ведь всего-то лет семь-десять не хватило ему! Или России? Или через все это надо было пройти российскому народу? Это его Крест?».

...С дополнительной покупкой земель самарское имение писателя заметно расширилось. Центр его переместился на новое место — «хутор на Моче».

Лев Николаевич с увлечением занимался конезаводством, в табуне было свыше 150 лошадей.

Из воспоминаний С. Л. Толстого:

«...В самарском имении, по замыслу моего отца, должен был быть большой конский завод. От слияния культурных кровей английских и русских рысистых со степными — башкирскими, киргизскими и калмыцкими — должны были произойти крепкие, выносливые

лошади, особенно годные для кавалерии. Условия для такого за- вода в самарской степи были вполне благоприятны... Во исполне- ние этого замысла отец купил несколько прекрасных породистых жеребцов и большое число степных кобыл...».

Примерно годом раньше Толстой писал А. А. Фету:

«...К чему занесла меня туда (в Самару) судьба – не знаю: но знаю, что я слушал речи в английском парламенте (ведь это считается очень важным) и мне скучно и ничтожно было, но что там – мухи, нечистота, мужики, башкирцы, а я с непременным уважением, страхом проглядеть, вслушиваюсь, вглядываюсь и чув- ствую, что все это очень важно...».

С 1872 по 1883 год Лев Николаевич восемь раз приезжал в свое самарское имение на один-два месяца.

В конце семидесятых годов во взглядах писателя свершился перелом. Отношения между людьми и нравственные основы станови- лись для него сомнительны. Тяготило положение помещика, бари- на. Он испытывал чувство вины за то, что крестьянство живет в нужде, возникает мысль о свертывании самарского имения...

Толстой отмечает в письмах: *«...Много бедности по деревням. И бедность робкая, сама себя не знающая...».*

Огромный человек с великой совестью не умещался в рамках богатого землевладельца. Не помещался в рамках установившегося уклада и миропорядка. Думал о нас всех, как спасти нас.

И попытался сказать об этом так, чтобы мы поняли, для чего живет человек. Его «Воззвание» обжигает душу.

Мы многое натворили за истекшие годы. И все усугубили и обострили. И скоро ли поймем то, что дано было осмыслить Толстому:

«...Не мне одному, но всем людям ясно и понятно, что жизнь людская идет не так, как она должна идти, что люди мучают себя и других. Всякий человек знает, что для его блага, для блага всех людей нужно любить ближнего не меньше себя, и если не можешь делать ему того, что себе хочешь, не делать ему, чего себе не хочешь; и учение веры всех народов, и разум, и совесть говорят то же всякому человеку.

*...«Одумайтесь, Одумайтесь, Одумайтесь!» – кричал еще Иоанн Креститель; «одумайтесь», провозглашал Христос; «одумайтесь», провозглашает голос Бога, голос совести и разума. Прежде всего остановимся каждый в своей работе или своей забаве, остановимся и подумаем о том, что мы делаем. Делаем ли то, что должно, или так, даром, ни за что прожигаем ту жизнь, которая среди двух вечностей дана нам...».**

Не одумались: мир не стал добрее, чем во времена Льва Толстого. И нас, кажется, скоро уже призовут к ответу. Мы не такими стали, какими могли бы быть... И Новый Свет, и Европу, и многих остальных трясет давно. Случайно ли это?

И не в том ли беда, что наша жизнь проходит в бездумьи?

* * *

Мы миновали поселок Колтубановский, оставшийся по правую сторону Самары на берегу ее притока Боровки, и вскоре оказались в Самарской области. Впереди было село Борское.

* Из текста Л. Н. Толстого «Воззвание».

Ближе к Борскому району река Самара, словно добрая хозяйка, раскрыла перед нами свои просторы, она стала шире и глубже. Реже стали появляться крутые песчаные берега. Исчезли завалы.

Впереди был славный своим разнообразием и самобытностью край.

Самара несла нас к Волге, протекающей через Самарскую область с севера на юг и разделяющей ее на две неравные части.

Большая, по которой мы плыли, — Заволжье, меньшая — Предволжье с возвышенностью и знаменитой Самарской Лукой, северную часть которой украшают Жигулевские горы, поднимающиеся над уровнем моря на триста семьдесят метров. А там, напротив Жигулевских гор, Сокольи горы и Кинельские яры. Как и Жигули, со своими легендами и сказаниями...

Природа тут характерна едва ли не для всех уголков России, кроме Крайнего Севера и Южного Приморья.

Что же это за край такой?!

И природой он люб! И духом близок каждому русскому человеку! А по-другому и не может быть, если переселенцы в свое время пришли сюда почти со всей России. Как в капле, в «малой» моей родине отразилась вся Отчизна!

Глава 23. «Во поле березонька стояла...»

Бузулукский бор – островной массив по большей части соснового леса среди степей Заволжья и Предуралья. Жемчужина самарского края.

Примерно в полтора десятков километров от города Бузулука, в бассейне притока Самары реки Боровки, на границе Самарской и Оренбургской областей простирается это чудо. Площадь бора более ста тысяч гектаров. Здесь еще в 1903 году было создано опытное лесничество.

С 1948 года на весь бор распространен режим заповедности и организовано управление лесного хозяйства «Бузулукский бор».

К Борской земле у меня особое, благоговейное отношение. Здесь еще в детские годы, впервые попав в древний большой сосновый лес, ощутил я меж высоких золотисто-медных, облитых летним солнцем деревьев янтарную прелесть старины. И потом уже ничто не могло стереть из моей памяти этого смолисто-хвойного, духовитого настоя, магнитного излучения, идущего от статных красавиц-сосен.

У меня оставалось мало времени до возвращения на работу. И режим плавания, который мы вынужденно установили, не позволял пешеходную вылазку в этот благословенный уголок земли.

...Минуя Борское, мы оставили за спиной и Борский район, расположенный в юго-восточной части Самарской области, в бассейне пересекающей его реки Самары. По северной части района течет приток Кинеля – Кутулук, а по середине и южнее – притоки Самары Таволжанка и Безымянка. Отсюда до города Самары около двухсот километров по воде.

...На протяжении всего нашего речного пути глаза мои жадно высматривали среди чернолесья березу. Но всего несколько раз отметил я красавиц на крутом правом берегу. А вот сосенки часто появлялись – и более всего по правому берегу. И не поодиночке – стайками тонких, теснящихся у обрыва подружек. Попадались места, где под песчаными кручами лежали они вповалку, вырванные буйной весенней водой. Лежали они зеленые, но уже без будущего. Следующей весной их точно унесет и поломают водоворот...

Ель, сосна и береза в детстве были у нас в большой любви. На «нашем боку» Самары, где село Утевка, берез было всего несколько. Никто нас не наставлял, мы, сами ребяташки, почитали это дерево. И ни разу ни одну из них на моей памяти никто не стубил.

Все наши березовые удочки были срезаны «на том берегу» Самары, где березки были сплошь и рядом. И срезали мы их не от основного ствола.

...А если на зиму заготавливались на дальнем лесном кордоне в Моховом березовые дрова, то это было всегда для нас, ребяташек, и смятением (березами топить?!), и чудом... Дрова, да еще березовые, это не кизяк... Около печки от березовых полешек всегда стояли особые дух и свет. А в печке, вернее, напротив загнетки, в которой обычно «доходили» лапшатник либо блинцы, сложенные на сковородке аккуратненькими треугольничками, на шестке справа светилась светло-золотистая береста, служившая для розжига дров.

Шесток мама мела большим гусиным крылом. Оно тоже было белым. И печка всегда была белой, а сковородник от железного горбатого носа до середины деревянной прогнувшейся ручки по-бычно был черен от жары и копоти... и походил на вечного нашего петуха Кольку Цыгана... Стоял этот огарыш, как чужак, почти у самого порога, сбочь от печки... И труженик ухват, расставив кривые ноги, располагался рядом...

...Потом, когда мы подросли, появились лесопитомник и лесополосы. Зашумели тополя и карагачи вперемешку с березами. В этом присутствовало рукотворное начало... Все было красиво. Но вот те, дикие в лесу сестрички-березки... они были особенные такие... Таинственные и прекрасные.

Сосняки на нашей реке, у села, появились где-то в шестидесятых годах. Их высаживал местный лесхоз. Теперь они образовали в чернолесье красивые островки вечной зелени.

Мы никогда не решались брать у берез сок, даже далеко от дома, где их росло много...

...Это потом, во взрослой жизни, я узнал, что на Руси главным культовым деревом была береза. А в детстве мы уже и так видели и чувствовали: с березами в лесу светлей...

Известно, что береза до конца XVIII века была в России и символом начала весны. Ею украшали жилища.

Государь Петр I Указом своим от 20 декабря 1699 года обязал «по примеру всех христианских народов день «Новолетья», до этого отмечавшийся 1 сентября, перенести на 1 января». Этот день объявлялся праздничным, и повелевалось на домах вешать

«украшения от деревьев и ветвей сосновых, еловых и можжевельников». И ель с сосной потеснили березу.

Немало противился новшеству и люд простой, и знатный. Но постепенно новые порядки прижились.

Первая публичная елка в России была установлена только полтора века спустя – в 1852 году в Петербурге, в большом зале Екатерининского вокзала. При советской власти первую общественную елку устроили в Михайловском артиллерийском училище в Петрограде 31 декабря 1917 года.

И что делается в начале XXI века?

Народы всей Европы, половины Азии, Северной Америки губят ради забавы миллионы елок. Ель и в России, и за рубежом стала главной жертвой браконьерских рубок.

Не помогают восстановительные лесопосадки. Во всем мире площадь ельников сокращается.

Обошла эта участь нашу березу!

...В 1903 году перед Рождеством учительница Раиса Кудашева напечатала в журнале «Малютка» стихотворение «Елка», которое начинается словами «В лесу родилась елочка...», а в 1905 году кандидат естественных наук, агроном Леонид Бекман для своей маленькой дочки Верочки сочинил музыку на эти стихи.

Может, они еще тогда, давно, таким образом неосознанно за всех нас бесхитростно повинились и пожалели елочку?

* * *

Село Гвардейцы мы проплывали в полдень. Здесь у меня случилась маленькая неприятность.

«Заело» резьбовое соединение у клапана при подкачке лодки. В спешке я, видно, переусердствовал, пытаюсь все-таки провернуть его. Посыпалась мелкая алюминиевая стружка, и резьбу заклинило.

Высадились на берег. Но и на «земной тверди» не смогли отсоединить «лягушку» от лодки – пришлось ножом вырезать из «тела» лодки карман, а потом заделывать отверстие. Так появилась у моей лодки на правой «колбасине» большая зеленая заплата.

...В селе Гвардейцы 29 марта 1931 года родился космонавт Алексей Александрович Губарев. Он один из нас, русских, совершивших выход в космос и подтвердивший высочайшую метафизичность России. Устремленность в иные дали так характерно для порывистой русской души.

...Мальчишка, родившийся в крестьянской семье в Оренбуржье, стал дважды Героем Советского Союза.

...И вновь вспомнился мне светловолосый и ясноглазый рыбак Митя, которого мы встретили у села Николаевка. Как-то сложится судьба у этого степняка? Что готовит ему лихое время? Мог ведь и он стать соколиком русской земли.

Глава 24. Животоки

Часто, если села были далеко, мы отыскивали роднички на берегу Самары. Углубляли их и набирали воду.

И сердечно благодарили этих светлых помощников.

Мы уплывали, а роднички оставались...

Такие роднички – недалеко от села Гамалеевка, под Тоцком, под Сорочинском около дамбы водохранилища, под Покровкой, Утевкой. По всей Самаре. И я их все помню. «Без памяти родник пересыхает...»

Когда, намаевшись день без воды, вдруг отыщешь родничок и, нагнувшись, припадешь губами, раздувая травинки, к прохладной и таинственной влаге, тогда поймешь, почему наши предки молились роднику.

Владимир Даль отмечал, что родник – ключ, бьющая из земли водяная жила, криница, родничок, место рождения ключа.

Ключ – это источник, отпирющий недра земли.

И река Самара начинается с родничка.

...Осенью побывал я и у главного для меня родника: у истока реки Самара. В трех-четыре километра от села Кариновка, что под Оренбургом, в степном раздолье пробивается на свет меж камней, бьется, как жилочка на виске, маленькая струйка водички.

Выйдя из-под камней и из бетонного, в метр диаметром, кольца ручеек этот тут же образует небольшое озерцо.

И уже в шаге от истока, в углублении, вода эта голубовато светится, ясным оком глядит бочажок на небушко. И бездонная небесная синь отражается в нем.

И не мешают этому чудесному обмену взглядами ни ветла, раскустившаяся сбочь над причудливой земляной запрудой, искусно выстроенной бобрами, ни молоденькая поросль ольхи... А чуть повыше родничка стоит желтеющая крепенькая березка и небольшая голубая беседка.

И они не теснят ручеек. Наоборот: будто зная, какой путь предстоит ему, посторонились и, прислушавшись, молчат светло... Как долго я шел к своему истоку! Получается, что почти всю жизнь...

Все, что видел в походе по реке, все есть у истока ее. И ветла с ольхой и березкой, и куга с осокой... и песчаные берега, отмеченные отрогами древнего Общего Сырта.

«Только ли к истоку своей реки я вернулся?..» – думал я.

Вспомнились слова лесника, о котором когда-то рассказывал Паустовский: «...Вы глядите, как это складно выходит, – родник, родина, народ. И все эти слова как бы родня между собой...».

Так мог сказать и мой дед Иван Дмитриевич Рябцев.

...Тот день стоял как хрустальный. Свет и тишина царили во круг! Так была отмечена эта долгожданная встреча.

Самарский край – то духовное и физическое место, где произошло и чудо моего рождения. И пусть я мал. Я – микроскопичен под этим небом, но мое появление неслучайно... как неслучайно оно у каждого из нас!..

И жизнь наша – величайшая тайна бытия. И только, может быть, в отчем крае удастся приблизиться к пониманию этой тайны...

* * *

Наши предки 9 декабря, на день Юрия Холодного, слушали воду в колодце. Если водица тихая, не волнуется — то и зима будет тихая. Коли слышатся звуки — жди сильных ветров и морозов.

Святили колодцы в России на Первый Спас.

А где копать колодец? Народная примета подсказывает: там, где по зорям первый пар ложится.

Самые трудные болезни, считалось, лечатся только «непочатой» водой. По старинным поверьям набирать ее надо до восхода солнца при полном молчании из того колодца, где еще с ночи никто воду не брал. Лучше, если воду эту взять с трех криниц. Несущий «непочатую воду» ни с кем из встречных не должен был разговаривать, иначе целебная сила могла уйти.

Предки современных украинцев считали, что количество колодцев взаимосвязано с числом звезд на небе. Выроют колодец или расчистят родник — зажигается новая звезда. А если колодец засохнет или засыпят родник — погаснет и звезда.

Есть в благословенном Самарском крае вырытый мной вместе с мамой колодец. Может, и звезда наша на небе светит.

Немало мы расчистили родничков по берегам Самары, пока сплавлялись...

Звезд над головой было множество и небо было чаще всего ясным...

* * *

Тихая самарская утренняя водица, подсвеченная желтыми песчаными берегами и неглубоким на плесах золотистым дном, свет,

сотканный из легкого, таинственного, таящего в себе ночные призраки тумана ласкали мои глаза и душу.

Перечитывая свои дневниковые записи, вновь переживаю незабываемые ощущения:

«Уходя за поворот реки, туман становится все гуще и гуще. От ясно очерченного и обласканного утренним солнцем противоположного берега, от изумрудной зелени осинника, боярышника и ольхи веет то древним и призрачным, то до бесконечности близким и родным. От этого становится не по себе. К этому надо привыкнуть.

...Я сижу у прохладной древней воды на краю своей лодки. У ног моих всхлипывает ручеек, а вокруг на сотни метров влево и вправо ровный берег. Песчаная янтарная равнина покрыта кулижками большущих лопухов. Лопухи, все в крупных каплях росы, кажутся на коричневом поле изысканным украшением. Сказочный мир окружает меня на реке.

Меж лопухов виднеются следы. Вчера, собирая для костра мелкий сушняк, принесенный еще полой водой, нарушили мы девственность этой равнины. До нас будто здесь никто не был. Очевидно, ветер здесь ровняет песок с завидной прилежностью, готовя приют для редких гостей...

Все на реке тонет в утренней тиши, в царстве бархатного воздуха и света».

* * *

...На Самаре я часто вспоминал деда. Река и мой дед для меня едины. Часто думал о смерти. Спокойно думал и уравновешенно. Этому меня научили дед и река.

У деда было уже совсем плохо с сердцем. Мне говорили, что его может не стать в любой день. А я не решался появляться. Ибо при встречах с ним плакал от безысходности навзрыд.

...В тот раз пересилил себя. Выплакавшись, выдавив из себя, казалось бы, все слезы, вошел во двор.

Дед Иван сидел на крылечке в шубе, греясь на апрельском солнышке.

— Ну вот и хорошо, Шура, что ты приехал, а то помру я, не повидав тебя...

Он сказал эти слова, и я в один миг лишился способности говорить. Лицо дрогнуло. Горло перехватило. Я начал шмыгать носом. Потекли слезы. Еле-еле что-то произнес протестующее и замолчал.

— Ну что ты, Шура, это же со всеми происходит. Теперь мой черед.

Я не принимал такой логики. Не был готов к этому. Всего разговора на крылечке не помню теперь. Тогда я только слушал и изредка кивал головой. Чувствовал себя виноватым: он умрет, а я останусь жить...

Лицо его, всегда казавшееся мне красивым, теперь худое и небритое, с ввалившимися глазами и щеками, пугало спокойствием. Оно осветилось почти детской улыбкой. И он сказал легко и удивленно:

— Вот ведь как! И войны прошел, и голодные годы. Чего только в жизни ни происходило. А закрою глаза, будто ничего и не было. Вижу только себя плывущим по Самарке в лодке! И такая красота, и радость от этого! Почему так?

Он говорил это, не думая, что я дам ответ. Он знал: есть нечто такое, что нельзя объяснить, остается только удивляться.

...Я уехал сдавать свои «сопроматы». Он умер через неделю. Так просто.

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать, время насаждать и время вырывать посаженное...», — это пришло из Библии много позже.

И принял я спокойную мудрость моего деда.

Глава 25. У села Богатое

У села Богатое мы высадились на правом высоком берегу сразу после моста.

Я решил позвонить домой. Но почтампт оказался так далеко, что пожалел о своей затее. Да и новые кроссовки, которые надел впервые за весь поход, были маловаты. Попробовал снять и идти босиком, но израненные в преодолении завалов ступни ног давали о себе знать. Да еще пыльные улицы все сплошь в камушках, а узенькие тротуарчики вдоль домов из мелкого щебня. Пришлось крепиться.

Некоторой компенсацией за мое терпение были удачный звонок жене и в магазинчике – черный хлеб, по которому я сильно соскучился. Дозвонился я и до своего заместителя на заводе. Дела там терпимо. Вот только заграничные коллеги – немцы упорно торопили с приездом моим в Мюнхен.

Желая сократить путь, пошел к реке дворами. Миновав школу, вышел на большой откос с извилистой тропинкой. Когда направился вдоль забора, попал в удивительный уголок, где над головой свисали отяжелевшие ветки с налитой спелой вишней. Да в таком неожиданном изобилии! Шла вторая половина июля...

Я потом и записал в своем походном дневнике: «Село Богатое подарило богато мне самый вишневый день в моей жизни и мозоль на мизинце правой ноги».

У самого села, где мы сделали остановку, и ниже по реке – песчаные пляжи. Днем много купающихся, а вечером берега обсиживают рыбаки.

Около огромной речной косы, будто искусственно намытой из крупного красно-коричневого песка, нас настиг с шумом окатный дождь. Быстро высадились. Но отвесные, сильные потоки воды и резкие порывы ветра сделали свое дело. Вещи успели укрыть, а сами, пока возились под проливным дождем, промокли. Водяные струи метались под дном палатки, а на реке от ливня стоял звон...

Когда все стихло, вечер был уж больно хорош. Легли спать поздно – сидели у костра.

Спалось спокойно, пока где-то около трех часов ночи не начался вновь дождь, а потом и гроза. На мои уговоры порыбачить бреднем в грозу никто не откликнулся...

Встали в восьмом часу. Гроза затихла. Глаза слепили лучи солнца. Песчаное пространство вокруг, обрамленное с одной стороны речкой, а с другой – осинником, поднимающимся террасами вдаль от реки, благоухало. Песок был прибит дождем, залит и упитан влагой. Крупные и ядреные, словно крепко взявшаяся разреженная рассада гигантской капусты, стояли большие лопухи.

...Борис еще спал. Анатолий гремел посудой. Константин вынимал у Юры из пятки занозу. Делал он это в походе уже не в первый раз. Юру полюбили не только комары, но и занозы. А Константин ходит босиком. Как птица. И все у него нормально.

После завтрака не спеша стали готовить лодки. Борис заявил, что дальше не поплывет. Его не устраивал ритм нашего похода.

Последние дни, если не было препятствий, мы гребли с утра до вечера, делая небольшие перерывы и один, более длительный, на обед.

— Куда, говорит, вы бздырите? — пояснил Анатолий. — Он хочет отдохнуть, не спеша плыть тридцать дней, а тут поставлена задача за восемнадцать. Он не согласен. Борис не хочет к людям. Твердит, что ему среди людей одиноко, а здесь — хорошо.

— Так он ведь не слышит и не видит людей, когда среди них?
— Константин смотрит на Бориса.

Тот стоит изваянием чуть поодаль. Как обычно, он монументален. Похож на вождя древнего племени, властное желание которого переводит доверенное лицо — Анатолий:

— Он говорит, что остался бы жить на этом красивом песчаном плато, так оно ему понравилось, если бы не зима. Он здесь более, чем где-либо, ощущает близость неба.

Я невольно вздрогнул: сколько было мест на Самаре, которые не хотел покидать, но ведь надо...

— Он, правда, туземец, твой Пятница, — удивился Константин.
— Так закорячился.

То Юрий убеждал меня, что ему нечего делать за границей: «На фига мне сдалось их такое рыночное счастье? Мы хоть в космос вышли первыми, а они животы только свои набивают, они там не так думают, чему у них учиться?». Ничего себе: «думают не так», но умеют-то многое?!

А теперь Пятница к людям отказывается плыть!

Мы на реке снова становимся детьми?

Константин смотрит в упор.

Я молчу в ответ.

Наш Решительный не только нас фотографирует, но и разглядывает... понять хочет... непросто ему...

Обращаясь сразу ко всем, Борис произносит спокойно и буднично:

— Я привык ходить чаще один. Я остаюсь. Поживу невторопь. Зачем мне рваться туда, где околевает совесть?

Сказал и пошел к воде.

Я запротестовал, обращаясь к оставшимся:

— У него ушиб грудной клетки, а может, и перелом ребра — нельзя оставаться одному. Мало ли что может быть? Надо его уговорить плыть с нами. Если не устраивает компания, то доплывем до Утевки, а там машиной доставим его до Самары.

Анатолий отправился на переговоры, но вскоре вернулся.

— Борис — неуступа. Бесполезно.

Посоветовавшись, решили: раз опаздывать на работу мне нельзя, надо делиться. Мы с Константином в прежнем ритме плывем вдвоем, а остальные втроем стартуют чуть позже, не торопясь. Дней через восемь доберутся до города Самары.

На двоих с Константином мы взяли десять картофелин, пять литров воды, две банки тушенки, полбуханки хлеба и, попрощавшись, отчалили.

Обернувшись, я посмотрел на Бориса. Он деловито возился около своей палатки. «Читал ли он толстовское «Воззвание» и читал ли Толстого вообще? — думал я. — Толстого бы в наше время! Что бы он сказал?»

...Первые четыре часа мы гребли почти без перерыва. Ветер часто дул в лицо, скорость была небольшая.

Река здесь широкая. На берегах попадаются сосновые островки, но чаще всего осинник, тополь, песчаные косы с лопухами. На воде не жарко, хотя работали веслами без остановки.

Из записей в моей тетрадке:

«...Пишу, а у самого пальцы рук словно деревянные, никак не отходят после гребли. Задали мы ритм!

Сейчас утро, восемь часов. Небо без единого облачка. Ветер верховой, сильный. И на воде ветер есть.

— Опять ты нас нашел? — сокрушается Константин.

Он с ветром на «ты».

На этом участке, у Максимовки, берега часто крутые, а если отлогие, то вязкие — для остановок неудобны».

* * *

Когда мы остались вдвоем с Константином, дела у нас пошли слаженнее. Но как-то однообразней. Непривычно было без наших таких разных спутников.

— Вчера Юрий спросил меня, — вдруг произносит Константин, — куда мы идем?

Я не сразу врубился, а он постоянно думает о своем, ищет ответ.

— Если, говорит, мы, русские, не сохраним себя, не останемся самими собой, если пойдем за Западом, то придем к катастрофе. Зачем мы за ними поплелись, они же сами не знают, куда идут? Западная цивилизация не может победить, ибо она — зло. Наше сознание определяет все-таки не бытие. Дух и сознание во главе всего. Зло все равно потерпит поражение. Оно самопожират-

емо – так и сказал. Каков наш Юрий! Он меня перевернул! Жалко, кончился наш сплав, не договорили мы с ним...

– Но ведь он высказался куда уж яснее. – Мне интересно, что ответит Константин. – И ты, по-моему, во многом согласен с ним?

– Понимаешь, он высекает мысли, этот колдунчик. Думать начинаешь при нем самостоятельно...

* * *

...Роднички да кулички стали теперь нашими постоянными спутниками. Попадались и чайки малые, но редко. А кулички всю водную дорогу были с нами. Они создавали особый уют. В отличие от своего собрата кулика-сороки.

Эта неловкая на вид и крикливая птица, будоражила речную тишину при нашем появлении резким криком. Очевидно, гнездятся эти кулики где-то по берегам и криком своим выдают это обстоятельство. Ни разу не было, чтобы их взлетало более двух пар. Похоже, что река поделена на участки, которые принадлежат отдельным семьям этих пернатых. Кулики-сороки стали нам попадаться только после села Тоцкое. И мы видели всего не более двух десятков пар.

Этот кулик – крупная птица, размером с голубя. Имеет контрастную черно-белую раскраску. В полете напоминает обыкновенную сороку, потому, вероятно, так и называется. У кулика-сороки ноги и прямой длинный клюв окрашены в красный цвет. Голова, шея, спина, крылья и кончик короткого хвоста темного цвета с сизоватым отливом.

Я заметил, что пропитание кулики-сороки разыскивают на ближайших к гнездам речных участках.

Эта птица, на которую природа не пожалела сочных красок, но не придавала статности, ходит по песку, долго что-то высматривает и медленно засовывает клюв в песок. Или заходит в тихие тенистые заводи по брюшко и опускает клюв в воду. Часто кулики-сороки бродят по мелким ванночкам, оставшимся на берегах, бороздят их. Очевидно, кормятся моллюсками и беспозвоночными, а также, возможно, и насекомыми.

Один только раз видел, как кулик-сорока садился на воду и плавал. Скорее всего, это у них не в обычае.

Видимо, вороны разоряют их гнезда. Я наблюдал, как пара куликов-сорок переполошилась при появлении этих умных разбойниц.

Каждый раз, оставляя позади крикливых куликов-сорок, мы облегченно вздыхали. Уж больно надоедливая и шумная птица. Всегда казалось, что она на реке случайна. Река устала и ждет, когда освободится от нее...

Глава 26. Возвращение

Миновав Покровку, мы вышли на ровный участок, и впереди обозначился силуэт моста у поселка Красная Самарка. Поселок раньше назывался Крепостью, а мост, соответственно, крепостным. До него мы в своем походе уже миновали полтора десятка разных мостов...

Поездив по миру, много видел я мостов. Но «Крепостной» — особенный. Он — первый. В детстве лучше всего брали голавли именно около его свай. И самый крупный подуст ловился здесь: с лодки на перекате. И еще около этого моста, справа под горой, бьют незамерзающие холодные ключи. Два из них особо сильные и напористые.

Деревянный мост ежегодно сносила большая вода, но он поднимался вновь.

По его скрипучим, широченным и толстым доскам множество раз проехали мы с дедом в сенокосную пору в Моховое или с дядьями на охоту. Но уже давно этот деревянный мост не восстанавливают. Нефтяники наводят понтонный. Каждый год река Самара теперь по весне фатально зависит от уровня воды в Волге, а Волга — от регулирования стока на Куйбышевском водохранилище.

...Увы, внука моего у «Крепостного моста» не оказалось. Пока я был в плавании, что-то повлияло на наши планы. Завершающий участок пути проплыть вместе, как нам хотелось, не пришлось.

«Ничего, — думал я, — был бы здоров, мы еще сплавимся с ним по этому маршруту! И не раз».

...После моста у Крепости начинался участок реки, на котором я, можно сказать, вырос.

Открывались места, названия которых меня завораживают и до сих пор. Самое первое по ходу от моста – Кунаев ключ, здесь всегда была самая удачная рыбалка. Место получило название от небольшого притока по правому берегу реки, оживающему только в водополье. Этот ключ – прорва. Появляясь из леса, он рвет крутой, нависший над водой, заросший ветлой и черемухой берег реки. Здесь всегда коряжистая яма, где постоянно чмокают сомята. На них-то мы и охотились, используя для насадки личинки майского жука, лягушек или пучок дождевых червей. Но чаще всего – шейку рака. Рыбалка всегда тут была таинственной и особенно вдохновенной. Сомята на удочку брали обычно где-то после одиннадцати вечера и до двух часов ночи.

По склонам ключа-оврага, затененным могучими ветлами, всегда росла ежевика и черная смородина. И хотя жутковато спускаться в самую низину его, ягода манила к себе. Мы ватажками наведывались туда...

Если отважиться и пойти дальше от реки по этому таинственному руслу, то попадешь в непролазную топь, закоряженную и заросшую кугой. В таком только необычном месте, казалось, и водятся русалки с лешими. Едмище – так мой дед Иван называл его.

А я именовал по другому – урема. Не помню, откуда это слово ко мне пришло. Но оно было почему-то как бы своим, хотя и страшноватым немного. «Уре-мма», – повторял я вслух, и мне становилось как бы даже радостно оттого, что есть такое у нас

в лесу: и угрюмое, и заманчивое. «Урема – это так дремуче и велико! Как в Сибири!» – думал я.

Когда мы с ребятами нашли в уреме зеленую черепаху, дед добродушно принял мое название. Усмехнувшись в усы, он согласился:

– Чему ж дивоваться-то, одно слово – «урема», чего только в ней нет...

Так и прилепилось мое название – Кунаева урема.

...А напротив Кунаева ключа, на левом берегу реки, – милые сердцу Пески, как брошенная кем-то косынка – огромная золотая песчаная отмель, поросшая изредка, поодаль от воды, мелким осинничком да красноталом. Когда-то мы этот краснотал и ивняк резали вязанками, и на колхозном общем дворе, куда привел меня отец на заработки, я плел большие кошелки для скотины.

Этот берег – полная противоположность правому мрачному, темному берегу. Тут царство света, мелководья и трепетного осинника с лопухами. Здесь мы устраивали всегда рыбацкие ночевки. На перекатах днем стояли на лодках и ловили подуста. Ночами, кто не сомятники, гоняли шумливые стаи подуста недотками* на мелководье.

Пески на левом берегу кончаются, и тут же сразу – большой, сумрачный Полоузный ключ.

Вся окрестность Утевки со стороны Крепости, Покровки и Ветлянки в весеннюю большую и малую воду питает через Курьни, Ильмень, Прыгалку и старицу реку Самару. Часть этого бурного потока врывается в реку через Полоузный ключ. Но это в водопо-

* Недотка – снасть типа бредня, с мелкой ячеей.

лье. А летом журчит, бормочет себе под нос веселый ручеек, образуя у самого входа в реку небольшое углубление, которое мы, ребята, звали «ванной».

...И ворохнулась в памяти, ожила когда-то яркая, а теперь уже полуистертая картинка: старые могучие, кряжистые ветлы, котрые росли здесь вдоль небольшого ручья и были свидетелями наших ребячьих забав, в одно бурное половодье повырывало с корнями и унесло мутной картавой водой...

Образовался сырой и глубокий овраг: крутые песчаные берега да тина появились взамен красоты и величья...

Это одна из многих утрат, случившихся в детстве на моих глазах...

Почти напротив Полоузного ключа на крутом склоне, заросшем теперь осинничком, был раньше крутой съезд к броду и выезд на поляну. И часто фыркали тут лошади и скрипели повозки.

А на поляне среди клубники и разнотравья стояла памятная мне кривая ветла. Через поляну дорога вела в село Мало-Мальшевку.

Здесь, в этом лесу, мы когда-то с отцом в чернолесье ставили межевые столбы на пересечении просек по заданию лесника, который потом разрешал нам на полянах между кустарником косить сено.

В лесной духотище, вооружившись лопатой, пилой и топором, под нестерпимым солнцем тесали мы лесины, рыли ямки, ставили столбы, а уж потом кто-то из лесничества краской метил номерами лесные участки.

Помню, спасались мы тогда от несносной жары тем, что пили айран – кислое молоко, разведенное водой.

Немало таких столбиков стоит в нашем лесу.

Вспоминая отца своего, мы причалили к берегу. Поднявшись в лес, обнаружил один такой межевой столб и опознал: точно «мой» – я тесал вершинку его. Стоит на земле – несет свою службу...

...Чуть правее есть еще поляна среди мелколесья. На ней растет большими кулигами чилига.

Здесь обычно бойкие Стрепетки с нашей улицы режут ее серпами. Вяжут веники, потом возят их на предприятия. Это промысел, переходящий из поколения в поколение.

В леске, вокруг поляны, мы с моей бабушкой Груней часто собирали хмель. Бабушка варила «дрожди», как она говорила, на всю нашу улицу. Все лучшие закваски были всегда у нее.

А еще она собирала шиповник и черемуху, сушила ягоды на зиму и ухитрялась продавать в степных селах, там они шли за диковинку.

Помогала река жить...

...Ниже Полоузного ключа – Ледянка, Угол, Искровская купалка, Платово, Шум... И с ним тоже связаны целые куски моей детской жизни. Да и только ли моей!..

...Много раз я по просьбе дядьки либо деда перегонял вверх по реке с Платово до Крепости лодку-плоскодонку на расстояние около пяти километров и более. В двенадцать лет – это целое путешествие... Я до сих пор помню эти перегоны...

...И ямины на реке, перекаты тех лет не забыл. Помню корни и коряги, с помощью которых преодолевал месатми сильный речной поток...

А наверху, на берегах, где потоки в водополье слабее, есть и сейчас деревья, с которыми не теряю личную связь. Среди них и дуб, и осина, и осокорь, и ветла, и березка...

Где бы я ни был, вернувшись, по возможности прихожу к ним.

Так у меня сложилось...

Мои друзья-деревья свидетели тех лет, дней, когда живы были мои родители, мои дед и бабка...

...И вдруг я спохватился, вспоминая эти давние годы: на всем водном пути мы не видели ни одной плоскодонки, ни одной ватажки пацанов-рыбачков с лодкой.

В наше время каждую весну во многих дворах готовили рассохшиеся плоскодонки к плаванию. Конопатили щели ветошью, накладывали и прибивали мелкими гвоздями жестяные полоски по ним. Затем смолили. Дно промазывали смолой обычно целиком. И хотя от этого лодка становилась тяжелее на ходу, зато надежней.

Первое свое стихотворение я написал под впечатлением такой вот подготовки лодки к летней ее жизни. Помню теперь только две строчки:

И выгибает спину лодка кошкой

Под дедовым размашистым мазком.

Помню еще, как мои дядьки и дед делали новую лодку. Это было для меня тогда ни с чем не сравнимое событие. Из досок, которые несколько лет пылились в селнице, томились в забвении, росло на моих глазах сверкающее, пахнущее сосновой смолой уди-

вительно ловкое суденышко. Оно еще во дворе, на весеннем солнце, окруженное сосновыми пенящимися стружками, как речными волнами, подталкивало и манило к себе. Хотелось сесть на широкую корму и почувствовать его норы.

Сходное чувство испытывал я, когда вскакивал на удобную спину мерина Карего и обхватывал его, упираясь босыми пятками в крутые бока...

* * *

...Чаще всего в нашем походе попадались на реке взрослые. И часто не с удочками, а с «пауками» — большими кругами на концах длинных шестов с блоками. Такая механизированная снасть. И видно было, что в большинстве рыбачили люди чужие, приехавшие на машинах. Своего, «оседлого» населения река лишилась. Перестав быть частью деревенского быта, она стала забавой, пригодной только для досуга. Приехал — уехал: вот и все общение с рекой.

...И ни разу не услышал я песни на реке.

Зато видели мы умельцев, добывающих цветной металл. Сидит себе такой мужичок у костра, рядом гора выгоревшего кабеля и он, весь чумазый и пропахший гарью, выбирает краденое из углей.

— Разные специалисты бывают, — угрюмо произнес при последней такой встрече Константин и неожиданно крепко выругался.

Рассказал нам местный рыбак из села Богатое и о добытках иного рода — с электроудочками. Их он наблюдал накануне на реке.

Удивительное дело! Как только человек ни изощряется, чтобы покорить природу. А вернее, ее искалечить. Если раньше путь рыбе, идущей на нерест, преграждали сети браконьеров, величественные наши гидроэлектростанции, ядовитые стоки, то теперь человек придумал еще и электрошок и назвал это, вроде бы, прилично – «электроудочка». Каково? Электрошок для природы? Нашлись изобретатели. Теперь производители-кустари широко продают такую снасть. Эту с виду невинную «электроудочку» я бы назвал орудием массового уничтожения, не иначе. Своеобразная мини-атомная бомба для рыб. Небольшая коробка, которая свободно помещается в обычную сумку или рюкзак, на самом деле мощный трансформатор, преобразующий ток аккумулятора до тысячи и более вольт. Такой ток через сачок попадают в воду и «глушит» рыбу. Эта адская техника может воздействовать на десятки метров.

Специалисты так описывают действие «электроудочки»: холоднокровные (рыбы, лягушки), попадая в поле постоянного тока, стремятся быстро из него выйти. Когда электрическое поле слабое, они выходят (пугаются). Когда же сильное, погибают, получая электрошок. Промежуточный вариант: когда ток «не маленький и не большой». Тогда проявляется «анодная реакция» – рыба активно устремляется, как по туннелю к аноду, то есть, к обручусачка. А когда крупная добыча перекачывается в рюкзаки, ненужной рыбаку-браконьеру молодью усыпано все дно.

Сом, попав ток, всплывает на поверхность воды с широко раскрытым ртом. Быстрый красавец голавль уныло лежит на поверхно-

сти воды кверху брюхом. На щуку действует даже самый слабый ток

Все очарование рыбалки, все таинство ее с появлением «электроудочки» исчезает напрочь. И уж это не рыбалка вовсе, а убийство... Какое это удовольствие, когда всю находящуюся в округе рыбу ты сажаешь на «электрический стул»? Живодерня, да и только!

Есть свидетельства того, что в этот момент гибнут сотни и тысячи личинок насекомых, уничтожается рыбий корм.

Основоположником электролова считается немец Альфред Шенфельдер, который опубликовал в 1925 году в журнале «Рыболов-спортсмен» статью «Лов рыбы при помощи электричества». Чуть позже, в 1940 году, другие немцы Шименц и Гумбург предложили этот способ для промышленного рыболовства. И пошло-поехало...

* * *

...Мы с Константином покинули стоянку у села Богатое накануне в четырнадцать часов, в разгар светозарного дня. А приплыли к Утевке на Ледянку, туда, где год назад впервые встретились и познакомились с Анатолием, вечером следующего дня.

Торопясь, почти без отдыха работали веслами. В первый — день около пяти часов. Второй день — семь часов. Первую ночевку провели напротив села Максимовка.

Вторую ночь коротали с Константином под Утевкой на высоком берегу реки, у Ледянки.

...Солнце скрылось за горизонт и взошла вечерняя заря. Прощальная для нас на реке.

В разливе красок тонули глаза, а слух был в плену у томного молчания реки. Мы, кажется, растворились в этом червонном, бирюзовом, малиновом, гудящем, туманном и древнем мире...

Не верилось, что сможем завтра добровольно уехать с берегов нашей реки...

...Проснувшись под утро от холода, я достал байковое одеяло, куртку и водрузил их поверх спального мешка. Только стал засыпать, звякнула посуда у тлеющего еще костра. Быстро вылез из мешка и раскрыл лаз в палатку. Все затихло. Едва стал засыпать — вновь позвякивание в горке вещей. Снова пришлось покинуть спальный мешок. Осторожно, как мог, приблизился: из-под посуды выпорхнула мелкая серая птичка. Возможно, это была летучая мышь.

Ложиться больше не стал. Захотелось пройтись по берегу. Он был совсем уже другим, нежели в далеком детстве.

Голое когда-то пространство от Ледянки и ниже метров на пятьсот заросло кустарником и осинником. Стало уютнее от этого, но непривычно.

Чуть поодаль от палатки в низинке наткнулся на огромные неохватные для одного человека пни: все, что осталось от двух старинных могучих осокорей, стоявших, как великаны-часовые, на крутом берегу. Да и сам берег теперь уже не такой крутой, как раньше. И омута огромного на Ледянке не стало. Берега выровнялись за годы, которые отделяли меня от детства. И течение установилось ровное и спокойное...

* * *

...Я доплыл до своего родного села Утевка и остановился.

Два места на Земле, где мне особенно щемяще-грустно и светло: могилка моих родителей и моя река Самара...

В последнее утро нашего похода Константин сказал, по-детски улыбаясь:

— Знаешь, приснилось сегодня ночью, что я птица. И пролетел я над Самарой-рекой, как чайка. Оттого-то непривычно теперь болят руки. От предплечья до пальцев. Будто намахался вдоволь, до устали. Непривычно...

— А может, так оно и есть, — отвечал я. — Мы прилетели с тобой, а не приплыли?..

...Я присел напоследок на высоком песчаном берегу, как это мы когда-то делали с дедом Иваном, и задумался: «Счастливы ли я, встретившись со своей рекой? Конечно, счастлив! Но только ли счастья мне надо? И только ли этого я жду?».

Мысли шли спокойными волнами: «Ведь смысл не в счастье, а в правде», — всплыло вековечное, кажется, независимо от моего сознания. И стало легче и радостней, будто я преодолел что-то ранее недоступное и стал чище и зорче душой. И это было ей дано в моем благословенном крае...

«И познаем мы свой край и Родину свою настолько, насколько любим», — другой голос говорил мне, и я соглашался.

* * *

Едва успели попить чаю, как приехал мой приятель на машине. Мы стали собираться в сухопутную дорогу.

Здесь, на обрывистом берегу, среди дремлющего в июльской истоме редкого тальника, собрал я душистый букет из пижмы, ме-дуницы, Иван-чая, дикой мальвы. Приложил и две веточки цветущей чилиги. С высокого берега помахал Самаре на прощанье рукой. Потом постоял в раздумье. Вот уж действительно: в одну реку дважды не войдешь...

Мы поехали в город Самару, намереваясь по пути, на выезде из села, заехать на кладбище.

С кем я прощался? С рекой, с тем временем, которое я провел на реке? С тем временем, в которое река меня вернула? С нами, какими мы были? Теперь-то мы как бы уже и не «мы».

Возвращались мимо озер: Лопушного, Подстепного, Таловой ямы, Лещевого, Осинового, Латинского и Бобрового. Я не удержался от соблазна, и мы сделали ради этого круг: поочередно объехали их по песчаному проселку, выскочив после Бобрового на прямой большак с ровными, стройными тополями по обеим сторонам.

Совсем рядышком, справа, остался необычный лагерь «Дружба», своеобразный филиал здешней средней школы.

Привлеченную природой ребятню со всей области здесь ждет много интересного. Вдобавок — новый жилой корпус на пятьдесят мест.

Можно и позавидовать: в наше время такого не было. Сюда съезжаются ребята, чтобы изучать природу и историю края. В программе — насекомые леса, поля и луга, экология и уход за яблонево-вишневым садом. Дай-то Бог им удачи, этим ребяташкам.

Они изучают природу. А мы жили в этой природе! И под кручей, на которой сейчас стоит лагерь, на мясо ракушки и обыкновенную нитку, привязанную к пальцу, ловили большущих раков. Теперь уж их столько в озере не водится...

* * *

...Вот он — выезд из села, а слева — широкое кладбище.

Разделив букет на три части, положил я цветы на три могилки: маме и отцу, деду с бабкой и дядьке Алексею. Они все любили полевые цветы. Особенно бабка Груня. Полуденный зной, густой аромат трав, покрывающих все кладбище, вечность, осевшая на крестах и неказистых памятниках, — все было знакомо и щемяще близко...

Два венчика цветущей чилиги оказались на могилке моих деда и бабки.

Странно: стояло безветрие, а легонькие лепесточки у чилиги еле заметно шевелились. словно трогало их чье-то тихое и близкое дыхание...

И снова слышался мне голос моего деда Ивана Дмитриевича и его слова, сказанные когда-то тихо и просветленно:

— Чего только в жизни ни происходило! А закрою глаза, будто ничего и не было. Вижу только себя, плывущего по Самарке в лодке! И такая красота! И радость от того, что плыву! Почему так?

...Я уж, было, пошел от могилки, но что-то остановило: «Ведь не о реке одной он говорил тогда. Он говорил о нас всех. О том, что нас объединяет, движет нами. О любви он говорил. И о наших истоках...».

Я еще раз обернулся: легонькие лепесточки продолжали шелестеть...

Укор ли какой шел от них или что-то иное? Как мне было понять...

...Все входило в свое обычное русло. Широкая лента авто-страды рвалась вдаль. Скорость, шуршание сильных и быстрых колес после нашего медленного сплава... Чуть более часа — и мы будем в областном центре.

...Через четыре дня позвонил Анатолий и сказал, что они с Юрием приплыли без Пятницы.

Борис настоял, чтобы оставили его на реке одного, как он сказал, «пустынничать».

— И надолго? — спросил я.

— А пока река не отпустит...

Вместо эпилога

...В первые дни, после того, как узнал, что Борис остался, мне не было покоя. Переживал за него. Как он там, совсем один? И опытен, и неприхотлив. Но один: мало ли что может быть...

...Немцы, с которыми мы сотрудничали, настаивали на встрече, и я вылетел через Москву в Мюнхен.

...Едва самолет поднялся в воздух, я прилип к круглому окошечку и глаза мои отыскивали Волгу, а затем и Самару.

Волга темно-синей широченной лентой лежала внизу величаво. Самара была светлее, легче и серебристей.

Меня, в отличие от Бориса, нес другой поток.

Я скользил взглядом по реке, гадая, где может сейчас находиться наш Пятница. Время еще не позднее. Сидит ли он сейчас у костра или плывет по реке, не спеша, не зрением, не слухом – они отсутствуют – всем нутром своим чувствуя речной поток, несущий его в город? Или стоит около воды задумчиво и безмолвно?

«Нельзя же так упорно отвергать город и нас всех! От этого же никуда не уйти! Все: самолеты, поезда, метро, людская сутолока на улицах, наши переговоры, фуршеты – это все плоды цивилизации?» – думал я. И вспомнил, что говорил ему в походе нечто подобное.

– А какой ценой? – угрюмо и упрямо отозвался тогда он.

И я замолчал.

...Самолет быстро набирал высоту. И реки моей под крылом не стало. Все скрылось под облаками. Казалось, что больше вокруг ничего и нет, кроме этой белой пены. Потом, когда наш Ту-154 попал в турбулентный поток, и его стало трясти, как телегу, я

суеверно подумал, что и мой поток не так уж надежен. Не зря после приземления все пассажиры захлопали в ладоши. Как дети.

...Борис через месяц появился живым и невредимым. Речное течение благополучно прибило его к городу. Время, проведенное в одиночестве, кажется, пошло на пользу. Я порадовался за него: он стал прилепляться к людям.

«Очевидно, Борис пересилил свое застарелое недоверие – не река ли помогла?» – думал я.

Он подружился со своими новыми соседями по лестничной площадке в доме – многодетной шумной семьей. И они начали готовиться к сплаву по маршруту «Жигулевской кругосветки».

Но случилась беда. О ней я узнал, вернувшись из очередной заграничной поездки.

В один из вечеров недалеко от дома пошел наш Пятница погреть душу у костерка близ водицы. Развел на песочке огонек, и все бы хорошо было, да объявились трое бомжей. Случайно или подкараулили?..

Им приглянулись его самодельный походный примус и котелок. Борис воспротивился наглому напору. Но силы были неравные. К тому же у Бориса – полностью отсутствовала способности ударить человека.

Бомжи стали его убивать.

Как мог, оборонялся он суковатой палкой. Налетчики, забрав нехитрый походный скарб, оттеснили его от костра и погнали в воду. С хохотом. Похоже было, что они вымещают свою злобу. И подвернулся им Борис.

Все это случайно видела девочка, спрятавшаяся от страха поблизости под опрокинутой старой лодкой. Когда бомжи скрылись, она помогла Борису выбраться на берег. Не дала утонуть.

У него была сломана левая рука ниже плеча и пробита голова.

Умер Борис позже, на больничной койке. Остановилось сердце. Видно, не мог пережить людской жестокости или своей ошибки – не вовремя вернулся к людям.

Что думал он о нас всех тогда?

Я всегда чувствовал, что Борис знает людей больше, чем я.

Странно, его убили те, которым мы подаем милостыню...

...Мой брат Петр, первым увидевший в начале прошлого лета необычных путешественников на реке, умер в конце зимы. Не помогли операции.

Да, ушел мой брат, младший и любимый. И такое мне выпало.

Это по его желанию мы приехали тогда на самарский бережок. Если бы не брат – путешествия по реке не случилось бы...

«Я всех простил, – сказал он с удивившим меня спокойствием в последний свой день. – Живите с Богом».

Простил ли Борис город? Нас всех? Не знаю. Та девочка, которая, надрываясь, вытащила его из воды, вначале долго не могла говорить. И никого к себе не подпускала. Только угрюмо мотала головой. Девочка-подросток показалась очень похожей на совсем молоденькую мою маму. И мама моя, и отец мой, и брат Петро, и дед, и бабка, и светлая река Самара – соединились в светлый общий Лик, перед которым все мои успехи, заморские поездки, всё показалось ничтожным. И предательским, что ли?

Снится мне после смерти Бориса синеглазый мальчишка-рыбачок Митя из села Николаевки, которого мы встретили у реки.

Будто он хочет спросить о чем-то, но не решается...

А я догадываюсь о его вопросе, хочу ответить... и не могу...

Октябрь 2003 г. – март 2004 г.

г. Самара